

Редакційна колегія

П.І.Гнатенко – д.ф.н., проф., член-кор. Академії пед. наук України, Ф.І.Прокоф'єв – д.ф.н., проф., О.С.Токовенко – д.ф.н., проф., С.А.Квітка – к.ф.н., доц., Е.І.Бородін – к.і.н., доц., Г.В.Константинов, К.М.Колесников

Редакція

Редактор	К.М. Колесников
Заступник редактора	Л.І. Шматко
Відповідальний за випуск	Г.В. Кузьмічова
Секретар	Т.В. Шинкарьова

Свідоцтво про державну реєстрацію від 25.08.98 ДП № 573.
Засновник – Центр соціально-політичних досліджень.

Редакція не завжди поділяє думки авторів.

При передруку посилання на альманах "Грані" обов'язкове.

З М І С Т

Політика

- 4 **П.С. Кравченко.** До 7-ої річниці незалежності України
11 **Т.І. Качанова.** Президент України - гарант державного суверенітету, територіальної цілісності держави, прав і свобод людини

Політологія

- 18 **С.А.Квитка.** Структурный кризис в Украине: социально-политические аспекты теории “длинных волн”
32 **І.А. Іванько, К.М. Колесников.** Концепції державного устрою України у вітчизняній історико-політичній літературі XVII-XVIIIст.

Філософія

- 45 **С.В. Шевцов.** Философия и образование: перекресток идей и тысячелетий

Історія

- 61** *Б.В. Малиновский.* Правоохранительная практика австро-венгерских и германских войск в Украине в 1918 г.
- 80** *Р.Ю. Васковський.* До питання про причини поразки української революції 1917-1921 рр.

Політична освіта

- 87** *Г.В. Константинов.* Основные направления и задачи лекционно-пропагандистской и просветительской работы на местах
- 89** *К.Н. Колесников.* Украина в современном мире. Исторический смысл обретения независимости
- 97** *Редакційні матеріали.*
Постиндустриальное общество.
Информационная революция.

Антологія політичної думки

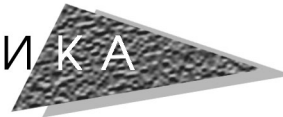
- 107** *Р. Михельс.* Главы из книги “Социология политической партии в условиях демократии” - Анализ социалистических вождей буржуазного происхождения.
Необходимость организации.

Соціологічні дослідження

- 129** *С.И. Забродин.* Социально-политические приоритеты жителей большого города (по результатам социологического исследования в августе 1998 г. в г.Днепропетровске)

Хроніка наукових подій

ABSTRACTS

П.С. Кравченко
До 7-ої річниці незалежності України

*Кравченко Петро Сергійович -
перший заступник голови
Дніпропетровської обласної
державної адміністрації*

Нещодавно Україна відзначила велике свято - 7 річницю прийняття Верховною Радою Акту проголошення незалежності України, який після тривалої перерви відновив державність нашої Батьківщини.

7 років незалежності - не великий строк, а скоріше мить у тисячолітній історії української землі. Будучи покладена на межі Лісу і Степу, Азії та Європи, кочового і осілого світів, лежачи на перехресті торгових шляхів і культурних впливів, земля наша неодноразово ставала ареною грандіозних і часто кривавих подій всесвітньої ваги. На місцевих чорноземах постала одна з найдавніших і найрозвинутіших культур світу - Трипільська (IV-III тис. до н.е.). Степи обабіч Дніпра вважаються колискою всієї індоєвропейської сім'ї народів, що розселилися звідси на обширах від Атлантики до Індійського океану. Береги Чорного та Азовського морів стали зоною торгового і культурного контакту античної грецької цивілізації з місцевими племенами кочовиків і землеробів.

Береги сивого Славутича бачили аж надто багато, і стерлося під плескіт його вод безліч держав і народів, і згасла пам'ять про них, щоби всі вони стали ґрунтом, на якому міцно постане українська державність.

Наші предки слов'яни віддавна є корінним населенням цих теренів. Римський історик Тацит ще у I столітті нашої ери згадує їх під іменем “венеди”, розміщуючи цей “великий народ” у північно-західній частині сучасної України. Слов'янські військово-політичні утворення антів і дулібів, що постали і зникли у запеклій боротьбі з завойовниками у VI-VII століттях, були провісниками Київської Русі IX-XII віків - першого державного утворення, в житті якого саме український народ відіграв провідну роль. Саме до тих далеких київських часів відноситься перша письмова згадка про народну назву цієї землі - “Україна” (датована 1187 роком), що вживалося поруч із книжним, варязьким за походженням, словом “Русь”. “Україна” - за означенням - наш край, вкраяна, виділена Богом земля для нашого народу.

Охрещена у 988 року Святим Володимиром, Київська Русь як рівна серед рівних увійшла в родину народів європейської християнської цивілізації. Тоді було зроблено “перший зовнішньополітичний прорив” України, внаслідок якого зав'язалися тісні економічні, політичні і династичні контакти з Візантією та країнами Західної Європи. З прадавніх часів судилося Україні стати форпостом європейської цивілізації на Сході, та не тільки муром, об який розбивалися незліченні хвилі степових орд аварів, печенігів і половців, але й торговим містком, перекладачем з різних мов і культур, центром, звідки світло Христової віри розлилося по всій Східній Європі.

В роки феодалної роздробленості та монголо-татарської навали роль інтегруючого державного центру на українських землях перейшла до Галицько-Волинського князівства, а найвидатніший з його володарів князь Данило Галицький був визнаний Папою римським і всіма європейськими монархами “королем Русі”.

Протягом цілої своєї історії нашому народові доводилося вести тяжку боротьбу за незалежність своєї Батьківщини, за власну державу на власній землі. Кілька разів внутрішня роз'єднаність народу, політична нестабільність у державі і зазіхання на цю благодатну землю сильних сусідів призводили до втрати українським народом своєї держави, кілька разів Україна ставала чужою колонією. Але щоразу знаходилися мужні лицарі, справжні патріоти України, котрі понад усе ставили волю свого народу, котрі не шкодували свого життя на боротьбу з поневолювачами, звідки б ті не приходили.

Так, коли українські землі було включено до складу Польської Корони і правляча магнатсько-шляхетська верхівка держави обрала курс на жорсткий економічний визиск України, на примусову релігійну та етнічну асиміляцію українського народу, порушення його старожитніх

прав і свобод, в обороні православної віри предків, на захист уярмленого селянства і власних пограничних прав стало українське козацтво. Виникнувши як військово-релігійний орден з глибин усіх верств тодішнього українського суспільства і об'єднуючи їх представників в ім'я захисту рідної землі від турецько-татарської агресії, козацтво витворило не тільки найпрогресивнішу на той час тактику ведення степової війни, а що найголовніше - дало початок новій соціально-політичній організації, заснувавши на землях за порогами, недосяжних для Варшави та Стамбула, християнську козацьку республіку, що увійшла до історії під назвою Запорозької Січі. Саме на Січі втілювалися прагнення українців до соціальної справедливості і державної незалежності, стремління облаштувати політичне життя на прогресивних і досі засадах народовладдя, як принципу прийняття рішень, і провідництва, як принципу їхнього виконання.

Історичне значення Запоріжжя, більшість січей якого знаходилося на території Дніпропетровської області, полягає, крім іншого, у виробленні нового психологічного типу українця, визначальною характеристикою якого є віддане служіння Батьківщині, дотримання лицарського кодексу честі, де влада і гроші поступилися чільним місцем мужності, благочестю і добрій славі. Козацькі провідники-гетьмани увійшли до нашої історії не тільки як талановиті військові ватажки, відомі своїми блискавично швидкими переможними степовими і морськими походами проти ворогів України. Вони також увічнили себе як покровителі церкви і культури, великі державні будівничі доби Першого національного відродження. Непереможний Петро Конашевич-Сагайдачний, що порятував Польщу і всю Європу від 300-тисячної турецької армії, розгромивши її під Хотином, для того, щоб підтримати і духовно і матеріально гнану в Польщі православну церкву, вступив до Київського церковного братства разом з усім Військом низовим запорозьким і зводив на козачі гроші по всій Україні школи для дітей та лікарні для бідних, сприяв виданню нових книжок. Богдан Хмельницький, герой Визвольної війни і відновлення української державності, не просто відколос Україну від Польщі, він фактично першим у Європі здійснив і відстоював новий - національний принцип творення держави, що тепер вважається загальновизнаною міжнародною нормою. Не менш видатною виглядає тепер і постать Івана Мазепи, гетьмана, якому судилося програти у змаганнях за незалежність, а Україні через те впасти у тяжкий двохсотлітній сон бездержавності. Будучи високоосвіченою людиною, гетьман був витонченим знавцем мистецтва і літератури, володів шістьма мовами і вирізнявся тим, що щедріше за інших фінансував будівництво

храмів і шкіл - і досі в Києві і на Лівобережжі можна побачити чимало церков, споруджених коштом гетьманської скарбниці.

Історія козаччини, її уроки надзвичайно цінні для нас - нащадків традицій гетьманської держави, бо саме тоді виразно проступили як усі чесноти українства, так і недоліки, що неодноразово потім призводили його до поразок у змаганнях за незалежність. Йдеться насамперед про надмірний індивідуалізм, партійно-отаманчикові амбіції, що не дають об'єднатися в ім'я порятунку Батьківщини.

Зараз, як ніколи, ми мусимо вивчати причини наших невдач у минулому, аби не зазнавати їх у майбутньому, аби ніколи не пролунало над нашою землею страшне слово, що прийшло до нас з кінця 17 століття - "РУІНА".

Змінивши, через коротку передишку самостійності, один імперський центр на інший (Варшаву на Москву), Східна Україна не знайшла миру і благоденства під скіпетром православного монарха: національно-релігійні утиски змінилися невдовзі на тяжке кріпацьке ярмо, козацтво розігнане, всю Україну зачісано під одну гребінку. Годі й казати, що тоді аж ніяк не йшлося не те що про державність, але й про саме право залишатися українцями, зберігати свої звичаї, здобувати освіту і читати книжки рідною мовою.

У XVIII-XIX століттях під царським правлінням наша нація пройшла дуже важкий шлях: народ вільних лицарів, славних отаманів, освічених селян і київських книжників перетворився на безмовну худобу, що її продавали і обмінювали нові рабовласники. Трагедію посилювало те, що нащадки козацької старшини в більшості своїй зрадили Батьківщину, будучи купленими царською ласкою і дворянськими привілеями. І мабуть не випадково, що в цей складний для України момент, на її землі, її мовою, вперше такою сильною і простою як пророцтво, спалахнув геній Тараса Шевченка, щоби запалити незгасним вогнем душі синів і дочок України, зродити нову українську еліту, щоби відкрити сторінку нового національного відродження. І розлилися над усією Україною слова його "Заповіту":

*Поховайте та вставайте,
Кайдани порвіте
І вражою злою кров'ю
Волю окропіте.
І мене в сем'ї великій,
В сем'ї вольній, новій,
Не забудьте пом'янути
Не злим тихим словом.*

Громоподібне шевченківське слово було почуто й на західноукраїнських землях, від'єднаних від Великої України Австро-Російським кордоном. Не дивлячись на те, що історичні катаклізми роз'єднали українські землі, українці не загубилися на околицях історії - відчуваючи себе одним народом, вони прагнули повернути собі батьківські землі "від Сяну до Дону", право самим розпоряджатися власною долею. У тривалій виснажливій боротьбі українці правого і лівого берегів Дніпра, Заходу і Сходу, греко-католики і православні стверджували своє національне "я", право бути самими собою.

Коли в лютому 1917 року грянула очікувана усією Україною революція, здавалося, що пробудилися від тяжкого сну всі творчі сили народу: стихійно українізувалися військові частини на фронті і в тилу, як гриби після дощу росли "Просвіти", вкриваючи всю підросійську Україну, Кубань і Далекий Схід, ширилась мережа бібліотек, шкіл і вузів, зростали українські партії, кооперативи, громадські організації. І найціннішим дітищем революції стала Центральна Рада - орган крайового самоуправління, створений українськими партіями і організаціями разом із об'єднаннями всіх національних меншин для перебрання всієї повноти влади в Україні до проведення Установчих конституційних зборів.

Центральна Рада попри всі відомі прорахунки у державному і військовому будівництві, які стали причиною її краху, виконала головну свою місію - проголосила Україну незалежною державою, обрала першого президента УНР Грушевського. Важливою віхою тих подій став Акт злуки, об'єднавший 22 січня 1919 року УНР з Західно-Українською Народною Республікою і підтвердивший бажання всіх українців жити в соборній самостійній українській державі.

Складна зовнішньо-політична ситуація (небажання країн-переможниць у 1 світовій війні визнавати нову державу, агресія більшовицької Росії, білих армій і польських інтервентів) призвела до поразки української революції. Крім "трикутника смерті", як фактора зовнішньополітичного, молоду українську державу з середини згубили згадувані вже партійно-отаманські амбіції, боротьба за владу, коли Центральну Раду змінював Гетьманат, а той змítало повстання, організоване Директорією. Та як би там не було, ми мусимо пам'ятати, що сотні тисяч життів українських патріотів віддано за те, щоб на початку цього століття відродилася суверенна Україна.

Було б помилково вважати, що після утворення в 1922 році СРСР українська державність припинила своє існування.

Не дивлячись на реальні мотиви і цілі східноєвропейської політики Радянського Союзу, наприкінці 30-х - всередині 40-х років цього століття

більшість українських етнічних територій було об'єднано в складі УРСР, і це стало однією з передумов поновлення нашої незалежності.

Головним досягненням українства у 30-50-ті роки було те, що воно пронесло через голодомор, репресії, лихоліття війни свою мову, культуру і любов до Батьківщини, героїчно відбудувало зруйноване фашистськими окупантами.

В 1991 році ми стали свідками нового відліку часу, відродження незалежної держави українського народу. Сьогодні, дивлячись на шлях, пройдений молодією Україною за 7 років з моменту прийняття Акту проголошення незалежності, підтвердженого Всенародним референдумом 1 грудня 1991 року, можна з упевненістю стверджувати, що попри всі складнощі, які пережило і переживає наше суспільство в цей період соціально-економічної трансформації, за плечима в нас є чимало здобутків. В цьому переліку перше місце має посісти соціальний і міжнародний мир, досягнутий щоденними зусиллями всіх гілок влади і особливо глави держави - Президента України. Суспільний мир громадяни України звикли сприймати як просту буденну данність, хоча досвід більшості наших сусідів із пост-радянського простору свідчить скоріше про винятковість такого стану. Запорукою мирного розвитку української держави стало прийняття 28 червня 1996 року Конституції України. Конституційний процес об'єднав навіть полярні політичні сили, і цей факт засвідчує певний ступінь зрілості нашої демократії, зміцнення національної консолідації, так потрібної на переломних моментах історії.

Нами вже пройдений етап набуття Україною зовнішніх, формальних, але від цього не менш важливих, атрибутів державної незалежності, як-то: державної символіки, кордонів, армії, власної системи державної влади, національної грошової одиниці - "гривні".

Важливою ознакою здорового, демократичного розвитку України стала цивілізована передача влади від першого - другому Президенту України, яка відбулася на законних підставах, тим самим при самому початку нашої держави було унеможливлено виникнення авторитарних тенденцій, котрі наявні чи не в усіх країнах СНД.

Виваженим був і залишається зовнішньополітичний курс України: не пориваючи традиційно міцних зв'язків з колишніми республіками СРСР, спираючись на принцип багатовекторності як визначальний у проведенні зовнішнього курсу, Україна обрала за пріоритетний шлях до як повнішої інтеграції в європейські економічні, політичні та оборонні структури. Немаловажним досягненням є міжнародне визнання української державної незалежності, підтримка з боку провідних держав світу і міжнародних інституцій прогресивного реформаторського курсу

Президента України Леоніда Даниловича Кучми. Надбанням світової історії вже став факт добровільної відмови України від страшного засобу масового знищення - ядерної зброї. Таким чином наша держава продемонструвала безпрецедентний вияв доброї волі і здорового глузду.

Не можна не відзначити тих глибоких перемін, що сталися у соціально-політичній сфері - в Україні виникло багато нових політичних партій та громадських організацій, поглиблюється політичне структурування нашого суспільства, яке, однак, не повинно кимось сприйматися як карт-бланш у роз'єднанні та руйнуванні цього суспільства і держави. У березні 1998 року в нашій державі вперше пройшли вибори народних депутатів за новою змішаною мажоритарно-пропорційною системою. Результати цих виборів - питання доволі дискусійне, крім одного (і це відзначено міжнародними спостерігачами) - волевиявлення громадян України в цілому пройшло на законних засадах, вибори мали демократичний характер. В цьому є чимала заслуга і Президента як гаранта Конституції, прав і свобод громадян, і всіх гілок влади в Україні.

Отже, держава наша росте і розвивається, проходять становлення інститути громадянського суспільства, попри притаманні перехідному часові фінансові проблеми розвивається українська культура. Незалежність дала надзвичайно сильний поштовх розвитку вітчизняних літератури і мистецтва, суспільної думки, знявши будь-які форми цензури і обмеження свободи слова і творчості, крім сумління і натхнення автора. Економічні негаразди, пов'язані зі структурною кризою, поступово відходять в минуле. Незабаром буде сформована нова техніко-економічна структура, яка забезпечить розвиток виробництва і зростання добробуту населення, досягнення Україною рівня передових країн.

Правда історії в тому, що наше відродження освячене самим Провидінням, адже ми живемо на землі, котра уособлює свободу, бо це земля кийських князів та козацьких гетьманів, які заклали підвалини нашої державності. Той факт, що протягом століть Україна відроджувалась, наче Фенікс з попелу, свідчить про незнищеність попри всі історичні потрясіння ідеї державності і соборності рідної країни, котра завжди живе в серцях кращих синів і дочок народу.

Т.І. Качанова

Президент України - гарант державного суверенітету, територіальної цілісності держави, прав і свобод людини

*Єдина перевага володарів - це можливість
робити добра більше, ніж інші люди*

Б. Грасіан-і-Моралес

*Качанова Тетяна Іванівна -
секретар Дніпропетровської
обласної державної адміністрації*

Термін “президент” походить від латинського “praesidens” і буквально означає “той, що сидить попереду”. Можливий і такий варіант перекладу - “головуючий”. За всіх обставин поняття “президент” асоціюється на загал з поняттям “лідер”.

Вперше посада президента як глави держави і виконавчої влади була введена Конституцією США в 1787 році. В Європі вона вперше з’явилася у Франції і Швейцарії у 1848 році. На сьогодні в світі існує більше 180 країн-членів ООН, і серед них більш як 130 впровадили у себе інститут президентства.

У світовій конституційній практиці статус президента визначається по-різному. В одних країнах (Італія, Росія, Угорщина) президент, як і в Україні, визнається главою держави, в інших (Мексика, США) - главою виконавчої влади. В конституціях ряду країн (Франція, ФРН) статус президента в системі державних органів влади чітко не визначено, перелічуються лише основні його повноваження.

Згідно діючої Конституції України, Президент України є главою держави і виступає від її імені (ст. 102). Це дає підстави говорити про нього як про уособлення держави і державної влади в цілому, а не якоїсь окремої її гілки, і обумовлює його повноваження та статус у політичному житті суспільства.

Як глава держави Президент України наділений повноваженнями виступати від імені держави як при вирішенні внутрішніх проблем країни, так і в міжнародних стосунках. Президент України є гарантом державного суверенітету України, дотримання Конституції України, прав і свобод людини і громадянина.

До основних напрямків діяльності Президента України як глави держави належить забезпечення:

1 - державного суверенітету, тобто неподільності, верховенства, незалежності державної влади в Україні,

2 - територіальної цілісності України, тобто недоторканості зовні її кордонів, а також запобігання спробам будь-яких сил усередині країни розчленувати територію України або від'єднати якусь її частину,

3 - відповідність внутрішньої та зовнішньої політики держави визначеним у Конституції принципам, чіткого і своєчасного реагування відповідних державних органів на будь-які порушення положень Конституції,

4 - прав і свобод людини і громадянина, відповідності міжнародно-правовим актам і практиці правового статусу як особистості взагалі, так і окремих категорій населення (дітей, жінок, пенсіонерів і т. ін.).

Будь-які аспекти діяльності Президента України, виконання покладених на нього Конституцією України повноважень, можна розглядати в якості забезпечення здійснення Президентом України основної своєї функції як глави держави.

Конкретні повноваження, покладені на Президента України при виконанні ним функцій глави держави, закріплені в ст.106 Конституції України. Їх можна розподілити на декілька груп, серед яких насамперед розрізняють наступні:

1 - представницькі повноваження, котрі виявляються коли Президент України представляє нашу державу в міжнародних стосунках, приймає вірчі і відкличні грамоти дипломатичних представників інших держав і т.ін.,

2 - повноваження, що відносяться до діяльності Верховної Ради України, зокрема, припинення її повноважень, якщо протягом 30 днів однієї чергової сесії пленарні засідання не можуть розпочатися з тих чи інших причин,

3 - повноваження у сфері законодавства (право підпису законів, право накладання вето на закони, прийняті Верховною Радою, з подальшим поверненням їх на повторний розгляд Верховної Ради, сюди ж відносяться право законодавчої ініціативи та право відміни актів Кабінету Міністрів і актів Ради міністрів Автономної Республіки Крим),

4 - повноваження, пов'язані з призначенням на посади і звільненням з посад членів Кабінету Міністрів України та інших посадових осіб,

5 - повноваження в галузі забезпечення державної незалежності, національної безпеки та оборони нашої країни (прийняття рішень про загальну або часткову мобілізацію і введення надзвичайного стану в Україні чи в окремих її районах, керівництво Радою національної безпеки і оборони України),

6 - установчі повноваження (створення і ліквідація на підставі подання Прем'єр-міністра України, міністерств та інших центральних органів виконавчої влади),

7 - повноваження в галузі правосуддя, до яких відноситься створення судів, процедура помилування,

8 - повноваження, пов'язані з прийняттям у громадянство України і припиненням його, наданням політичного притулку в Україні.

Необхідно підкреслити те, що ці повноваження нерозривно пов'язані зі статусом Президента України як глави держави, і тому Конституція України визначила, що Президент України не може передавати (делегувати) свої повноваження іншим особам чи органам.

Згідно ст. 107 Конституції України для координації і контролю діяльності органів виконавчої влади в сфері національної безпеки та оборони нашої держави при Президенті України створено координуючий орган - Рада національної безпеки і оборони України. Президент України формує персональний склад Ради національної безпеки і оборони, до якої згідно Конституції входять Прем'єр-міністр України, Міністри оборони, внутрішніх справ і Голова Служби безпеки України. Рада національної безпеки і оборони України покликана бути дієвим інструментом глави держави у здійсненні ним функцій гаранту державного суверенітету України, територіальної цілісності України.

Для забезпечення своїх повноважень Президент України на підставі виконання Конституції та законів України видає укази і розпорядження, що є обов'язковими на території України. З метою виконання своїх функціональних обов'язків Президент України створює постійно діючий орган - Адміністрацію Президента України, головним завданням якої є організаційне, правове, інформаційне та аналітичне забезпечення діяльності Президента України як глави держави.

Конституція України вказує, що Президент України зобов'язаний виконувати свої повноваження до вступу на пост новообраного президента. Однак, іноді виникають обставини, що призводять до дострокового припинення президентських повноважень. Конституція України (ст. 108) визначила перелік таких підстав: відставка, неможливість

виконувати свої повноваження за станом здоров'я, усунення з поста в порядку імпічменту і в випадку його смерті. Процедура припинення повноважень Президента України в кожному з названих вище випадків детально врегульовано в статтях 109-111 Конституції України.

В різних країнах існують різні підстави для імпічменту. Найбільш поширеними є порушення конституції і тяжкі злочини. В Італії президент відповідає за державну зраду або посягання на конституцію, в ФРН - за зловмисне порушення ним Основного або іншого федерального закону, в США - за державну зраду, хабарництво та інші тяжкі злочини. В США, приміром, в ролі слідчого і обвинувача виступає нижня палата американського Конгресу, а в ролі судді - верхня. Результатом їхньої праці може бути усунення президента з посади, до того ж, якщо в діях президента США є склад карного злочину, справа передається до звичайного суду.

Що ж стосується порядку обрання президента, то він залежить від форми державного правління у конкретній країні. В президентських і парламентсько-президентських республіках глава держави обирається шляхом загальних виборів. Ці вибори частіше всього мають прямий характер, хоча бувають і виключення. Наприклад, в США, де громадяни країни обирають виборщиків, які, в свою чергу, створюють колегію з обрання президента. В парламентських республіках глава держави обирається шляхом багатоступеневих виборів, тобто воля виборців опосередковується парламентом чи створеною на його основі колегією.

В Україні конституційно затверджена форма правління, що в міжнародно-правовій практиці означається як змішана парламентсько-президентська, отже Президент України обирається безпосередньо народом, тобто громадянами України, що досягли 18-річного віку, на засадах загального, рівного і прямого виборчого права, шляхом таємного голосування строком на п'ять років. Конституція України визначає строки проведення чергових виборів Президента (остання неділя жовтня п'ятого року повноважень Президента) і виборів, котрі мають бути призначені у випадку дострокового припинення його повноважень (в період 90 днів з дня припинення повноважень). Таке чітке конституційне визначення чергових та позачергових виборів Президента має максимально скоротити періоди, коли пост Президента може бути вакантним. Новообраний Президент України вступає на пост не пізніше, ніж через 30 днів, а в випадку, якщо його обрано на позачергових виборах - у 5-денний термін після офіційного оголошення результатів виборів з моменту принесення присяги народу України на урочистому засіданні Верховної Ради. Приведення Президента України до присяги здійснює Голова Конституційного Суду.

Конституція України висуває до кандидата в Президенти певні вимоги. Президентом України може бути обрано тільки громадянина України, що досяг 35-річного віку. Кандидат зобов'язаний мати право голосу, тобто ним може бути лише особа не обмежена в правах. До того ж, кандидат в Президенти має протягом останніх 10 років перед днем виборів проживати в Україні та володіти державною мовою, якою згідно ч. 1 ст. 10 Конституції України є українська.

Конституція України визначає, що одна і та сама особа не може бути Президентом України більше двох термінів поспіль. Ця норма запобігає встановленню антидемократичних державно-правових режимів. У той же час встановлена норма допускає можливість обрання на пост Президента втретє, але після того, як цей пост займала інша особа. Згідно Конституції Президент України не може мати іншого представницького мандату, займати посади в органах державної влади чи в об'єднаннях громадян, в тому числі і в політичних партіях, а також займатися іншою оплачуваною або підприємницькою діяльністю чи входити до складу керівного органу або спостережної ради підприємства, що має за мету одержання прибутку (ст. 103). Дана заборона спрямована на забезпечення незалежності гаранта Конституції України від будь-якого позаправового тиску недержавних структур.

З метою ефективнішого здійснення Президентом України своїх функцій, для підсилення незалежного статусу глави держави, захисту від незаконних посягань на особу Президента ст. 105 Конституції України гарантує Президентіві право недоторканості на час виконання повноважень. Ця ж стаття твердить, що за посягання на честь і гідність Президента України винні особи притягаються до відповідальності на підставі Закону. Почесне звання Президента України охороняється законом України і зберігається за ним довічно, якщо тільки Президент України не був усунений з поста в порядку імпічменту.

Інститут президентства в Україні має певні історію і традиції. Першим українським державним діячем, що носив почесне звання Президента був Михайло Сергійович Грушевський (1866-1934) - відомий історик, громадський та політичний діяч, автор багатьох наукових праць, лідер Центральної Ради, на останньому засіданні якої, 29 квітня 1918 року, його і було обрано Президентом Української Народної Республіки. Центральна Рада була органом, що об'єднував представників українських партій, громадських організацій і організацій національних меншин, і являла собою свого роду передпарламент. Отже, обрання Михайла Грушевського Президентом проходило не шляхом прямого всенародного голосування, а через опосередковане волевиявлення громадян України.

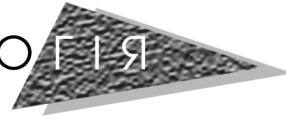
Зважаючи на те, що в силу зовнішньо- і внутрішньополітичних обставин М.С.Грушевському так і не судилося приступити до здійснення повноважень Президента, які визначалися прийнятою того ж 29 квітня 1918 року Конституцією УНР, і вона також реально не вступила в дію, останніми роками склалася традиція вважати першим Президентом України Леоніда Макаровича Кравчука.

Вдруге у вітчизняній практиці посаду Президента (тоді ще Української РСР) було введено законом від 5 липня 1991 року, а перші всенародні вибори Президента України відбулися 1 грудня 1991 року, вже після проголошення незалежності України. Тоді, набравши 61,59% голосів тих, хто прийшов на виборчі дільниці, переміг Л.М. Кравчук (народився 10.01.1934 р.), що на момент виборів займав посаду Голови Верховної Ради України. В “активі” першого Президента - цивілізоване, безконфліктне “розлучення” з суміжними республіками, участь у створенні СНД як механізму такого розлучення і водночас збереження необхідних зв’язків, уникнення внутрішніх конфліктів на національному ґрунті, які сталися в більшості новопосталих після розпаду СРСР держав. Великих зусиль докладено першим Президентом до міжнародного визнання молоді української держави, розбудови української армії, фінансової системи, зміцнення державних інститутів. Водночас помітним було зволікання з реформуванням економіки, внаслідок чого розвинулась гіперінфляція, впав життєвий рівень населення, вітчизняними підприємствами втрачено частину внутрішнього й зовнішні ринки збуту. Ім’я Л.М.Кравчука увійшло в історію як першого Президента незалежної України, яка використала шанс стати вільною, самостійною державою.

В 1994 році відбулися другі всенародні вибори Президента України, і на них, здолавши марафон у два тури у суперництві з першим Президентом, переміг Леонід Данилович Кучма (народився 09.08.1938р.)-колишній генеральний директор Виробничого об’єднання Південний машинобудівний завод, прем’єр-міністр у відставці, а на момент виборів-президент Української спілки промисловців та підприємців. Набравши 52% голосів виборців, що проголосували, Л.Д. Кучма став другим Президентом України. Термін його повноважень визначено Перехідними положеннями Конституції до вступу на пост нового Президента, якого обиратимуть 31 жовтня 1999 року.

Беззаперечними досягненнями нині діючого Президента є прийняття 28 червня 1996 року Конституції України, суттєве поліпшення міжнародного іміджу нашої держави, проведення послідовного реформаторського курсу. Основними ознаками політичної лінії Л.Д.Кучми є виваженість і прагматизм, котрі забезпечили політичну

стабільність, визначили практичну роботу по усуненню гострих соціальних конфліктів у державі. Якщо за попереднього Президента основна діяльність всіх гілок влади закономірно для перших років незалежності зосереджувалась на здобутті і оформленні зовнішніх атрибутів державності, то доба правління другого Президента позначена переходом до реальних дій і реформ, покликаних провести нагальні соціально-економічні перетворення, як-то: денаціоналізацію і приватизацію в усіх галузях народного господарства, реструктуризацію громіздкої і збиткової частини промисловості, проведення грошової реформи тощо. Саме на другого Президента України покладено історичну місію виведення України з структурної кризи - на шлях до економічного росту, до розбудови суспільства рівних можливостей і загального добробуту. Саме Президент України Л.Д.Кучма є єдиним гарантом успіху послідовного реформування економіки поступової трансформації українського суспільства, збереження злагоди та громадянського миру в країні.

С.А. Квитка

Структурный кризис в Украине: социально-политические аспекты теории “длинных волн”

Квитка Сергей Андреевич - кандидат философских наук, доцент, начальник управления общественных связей Днепропетровского городского совета

В начале 70-х мировое капиталистическое хозяйство неожиданно охватил очень сильный и необычный кризис. Необычность его заключалась, во-первых, в том, что он охватил все без исключения отрасли хозяйства, а во-вторых, - эти кризисные явления не укладывались в закономерности 11-летнего циклического развития капиталистической экономики, которые проанализировал К.Маркс.

В это время П.Самуэльсон, У.Ростоу и другие видные ученые Запада обратили внимание на то, что австрийский экономист Й.Шумпетер еще в 1942 г. с точностью до 1 года предсказал начало глубокого кризиса всей социально-экономической системы общества в начале 70-х [4]. В 1973 г. с ураганного роста цен на нефть и другие энергоносители начался самый обширный после “Великой депрессии” экономический кризис, продолжавшийся практически без перерывов на протяжении 10 лет. Основой для столь точного прогноза стала теория “больших циклов конъюнктуры” российского ученого Н.Д.Кондратьева.

Под современным названием, “теория длинных волн”, данная концепция получила широкое распространение, и благодаря компьютерам и современной статистике, феномен “длинных волн” нашел безусловное подтверждение.

Нельзя сказать, что открытие “длинных волн” заслуга одного человека. И если данное явление после книги Й.Шумпетера в мировой литературе именуют не иначе как “волны Кондратьева”, то это лишь справедливое признание огромного вклада российского ученого в изучение и популяризацию “больших циклов конъюнктуры”, как он сам их называл. Вместе с тем следует отметить, что это явление привлекало внимание и других исследователей. В частности, на него обращали внимание, анализируя кризис 60-90-х годов XIX века, Энгельс, Парвус, Каутский, Парето. Тогда казалось, что капитализм должен вот-вот погибнуть, на самом деле он не только не умер, но и получил в 90-х годах новый импульс развития и экономического роста.

В 1922 г. Н.Д.Кондратьев впервые излагает гипотезу “больших циклов конъюнктуры”, на основании которой дает описание 2-х с половиной больших циклов, начиная с конца 80-х годов XVIII века [1]. На основании исторических и статистических данных он предлагает систематическое объяснение того факта, что каждые 50-60 лет общество испытывает “припадки” глубочайших экономических кризисов. Период между этими кризисами можно представить как постепенный подъем и затем спад активности во всей экономической системе, то есть напоминает своего рода волну. Другими словами, “большие циклы” можно рассматривать как нарушение и восстановление экономического равновесия длительного периода. Основная причина их лежит в механизме накопления, аккумуляции и рассеяния основных производительных сил. Причем всегда действие этой основной причины усиливается влиянием вторичных факторов.

Развитие “большого цикла” Кондратьев описывал следующим образом [2]. Начало подъема совпадает с моментом, когда накопление и аккумуляция капитала достигают такого напряжения, при котором становится возможным рентабельное инвестирование капитала в целях создания основных производительных сил и радикального технического переоснащения. Необходимость замены “основных капитальных благ” (крупных промышленных построек, каналов, железных дорог и т.п.), подготовки новой квалифицированной рабочей силы стимулирует длительное оживление конъюнктуры. Это обуславливается не только их физическим износом, но и длительным нарушением равновесия между спросом и предложением на те или иные группы товаров, что вызывает необходимость глубоких изменений в технологической базе производства. Появляются новые товары массового потребления и новые отрасли производства и услуг.

Волнообразный характер этим изменениям придают возникающие,

в свою очередь, изменения на рынке ссудного капитала. В “понижительной” стадии большого цикла спрос на капитал со стороны предпринимателей падает, и ставка ссудного процента снижается. При этом увеличиваются вклады в банки тех лиц, которые получают фиксированные доходы. Поскольку у этих людей текущие расходы в обстановке снижения цен уменьшаются, растет возможность делать сбережения.

С другой стороны, в условиях низких товарных цен вырастает рентабельность добычи золота. Его поступление в оборот тоже удешевляет и увеличивает ресурсы ссудного капитала. Все это в определенное время позволяет предпринимателям с минимальными издержками заняться внедрением в производство изобретений и открытий, накопившихся ранее.

Как результат - начинается период обновления основных фондов длительного пользования, что влечет за собой подъем в смежных отраслях, и в конечном счете, обеспечивает начало “повышательной” фазы “большого цикла”. Со временем спрос на капитал достигает такого уровня, когда он вновь дорожает, и это становится причиной медленного затухания экономического подъема.

Понижение темпа хозяйственной жизни обуславливает также усиление поисков в области усовершенствования техники и восстановление процесса аккумуляции капитала в руках промышленно-финансовых групп, в значительной мере за счет сельского хозяйства.

В результате действия механизмов “большого цикла” восстанавливается баланс экономической системы, а сам “уровень равновесия изменяясь, переходит на иную, как правило, более высокую степень” [3, с.61].

Н.Д.Кондратьев не смог продолжить свою работу в результате политических репрессий, а критики его теории пользовались больше революционной сознательностью, чем научными аргументами.

До сих пор продолжаются дискуссии среди экономистов о сути явления “длинных волн”. Предлагаются различные объяснения, причем иногда с диаметрально противоположных позиций. Вместе с тем, общим в понимании этого явления является то, что каждые 50-60 лет происходят радикальные изменения в технологической базе и в управлении общественным производством - то, что принято сегодня называть структурным кризисом [5].

Структурный кризис, как социально-экономический феномен, является механизмом поступательного развития цивилизации в условиях товарно-денежных рыночных отношений. Это один из важнейших

факторов роста производства и совершенствования технологий. То, что в наше время называют научно-технической революцией, на самом деле, является 5-ой научно-технической революцией, каждая из которых давала жизнь новой технологической базе для производства.

Так революцию в производстве сделала сначала мануфактура, затем паровой двигатель, электричество, двигатель внутреннего сгорания, наконец - компьютер. Каждый структурный кризис, каждая длинная волна связана с внедрением передовых технологий (накопившихся в предшествующий период), в соответствии с чем появлялись какие-то новые товары или их выпуск становился массовым (ткани, металлические изделия, электрические приспособления, автомобили, компьютерные информационные системы в быту и на производстве).

Путем сложных трансформаций с каждой длинной волной цивилизация поднимается на новый уровень. Еще Н.Д.Кондратьев подчеркивал, что “повышательная волна” большого цикла связана со значительными изменениями в жизни общества. “Эти изменения обычно выражаются в той или иной комбинации, в значительных технических изобретениях и открытиях, в глубоких изменениях техники производства и обмена, в изменении условий денежного обращения, в усилении роли новых стран в мировой хозяйственной жизни...” [2, с.47]. В свое время такими странами были Нидерланды, Франция, Англия, Германия, США.

Сегодня изучено 5 последовательных длинных волн в истории человечества (Табл.1). Проявляется длинная волна как всемирное явление, и поэтому в одних странах она проходит в адекватной форме, в других странах в период структурного кризиса происходят отклонения от нормального развития процесса. В результате особенностей своего исторического развития эти страны в той или иной степени отстают от передовых держав. (Нарушение нормального развития “длинноволнового” процесса будет рассмотрено ниже на примере трансформации стран бывшего СССР).

Следует отметить, что во всех развитых странах теория длинных волн используется в качестве основы экономического и социального прогнозирования с целью снижения остроты кризисных процессов и разработки долгосрочных показателей экономического роста.

Еще раз подчеркнем, что структурный кризис не является “наказанием” за неправильные действия - это социально-экономический механизм объективного процесса перехода общества на новую ступень развития производительных сил. А болезненность этому явлению в жизни общества придают попытки восстановить экономическое равновесие на старой технологической и управленческой основе.

В настоящее время наиболее распространенная периодизация “длинной волны” включает в себя 5 фаз (Табл. 1).

Табл. 1

Периодизация длинных волн

Фаза	1-я волна	2-я волна	3-я волна	4-я волна	5-я волна
Депрессия	1772-1783	1825-1838	1873-1885	1929-1938	1974-1982
Оживление	1783-1793	1838-1848	1885-1892	1938-1949	1982-1993
Подъем	1793-1803	1848-1858	1892-1903	1949-1958	1993-
Процветание	1803-1812	1858-1866	1903-1913	1958-1966	
Нестабильность	1812-1825	1866-1873	1913-1929	1966-1974	

Отдельные фазы датируются по годам среднесрочных кризисов (9-11 лет). “Большие циклы экономической конъюнктуры - отмечал Н.Д.Кондратьев - выявляются в том же едином процессе динамики экономического развития, в котором выявляются и средние циклы с их фазами подъема, кризиса и депрессии. Средние циклы, поэтому, как бы нанизываются на волны больших циклов ... Отсюда - средние циклы, приходящиеся на понижательный период большого цикла, должны характеризоваться длительностью и глубиной депрессий, краткостью и слабостью подъемов; средние циклы, приходящиеся на повышательный период большого цикла, должны характеризоваться обратными чертами” [2, с.58].

В настоящее время установлены и другие, более короткие циклы, имеющие иные основания, чем “длинная волна” (Табл.2).

Табл.2

Экономические циклы

Название цикла	Продолжительность в годах	Основания
1. "Длинная волна" Кондратьева	около 50	Радикальные изменения в технологической базе общественного производства
2. Цикл Кузнеца	около 20	Сдвиги в воспроизводственной структуре
3. Цикл Джуглера	7-11	Денежно-кредитные факторы
4. Цикл Китчина	3-5	Динамика относительной величины запасов материальных ценностей на предприятиях

Более продолжительные циклы вбирают в себя, поглощают более короткие. В период подъема и процветания более короткие циклы проходят менее заметно, и могут выглядеть как случайные отклонения от общей тенденции экономического роста. Соответственно кризисы средне- и краткосрочных циклов, которые попадают на фазу депрессии, носят более острый и болезненный характер. В это время все кризисные явления сливаются в практически сплошной период падения и экономических потрясений. Это вызывает соответствующую реакцию в социальной и политической среде. История войн, революций, массовых народных движений, политических кризисов показывает сложную взаимосвязь с экономическими процессами.

Соотношение циклических и линейных процессов в истории общества - сложная дискуссионная проблема. Вместе с тем, нельзя не отметить, что именно теория “длинных волн” дает возможность долгосрочного социально-экономического прогнозирования, позволяет на современной информационной основе определять тенденции развития общества, по-новому освещает многие факты истории нового времени.

Наличие тесной взаимосвязи социальных и политических тенденций с протеканием “длинной волны” отмечал еще Н.Д.Кондратьев. Интересно, что дискутировал с ним на эту тему Л.Д.Троцкий, который признавал сам феномен долгосрочных экономических циклов и подчеркивал важность проследить историю политических партий и государственных учреждений применительно к циклам капиталистического развития [8]. Однако революционная логика не позволила ни Л.Д.Троцкому, ни тем более другим критикам Кондратьева, смириться с тем, что капитализм не умирает, а лишь переживает очередной этап обновления. Во многом именно поэтому только на Западе историками рабочего движения делались попытки исследовать взаимосвязь между социальными конфликтами и “длинными волнами”.

Именно рабочее движение, как наиболее дестабилизирующий элемент общества, в первую очередь, обратило на себя внимание ученых. Различные формы противозаконных и антиобщественных действий (бунты, сопротивления, массовые выступления и т.п.) трудящихся (в первую очередь, наемных рабочих и других неимущих) проявляются в историческом времени с неодинаковой силой. И здесь также можно наблюдать определенную цикличность, причем в общих чертах совпадающую с “длинной волной” (Табл.3).

“Пики” рабочего движения

1810-1820	Движение луддитов
1866-1877	Эпоха Парижской коммуны
1911-1922	Эпоха “социалистических” революций
1967-1973	Горячая весна 1968г., массовые выступления

Если сравнить эти “всплески классовой борьбы” с периодизацией длинной волны, то увидим, что они соответствуют начальным периодам фаз нестабильности. Продолжаясь 5-10 лет, эти периоды характеризуются противоречивыми тенденциями движения экономических показателей и, одновременно, нарушениями нормального функционирования социальной системы. И здесь возникает вопрос о влиянии особенностей факторов экономического развития (кризис - прогресс) на фактор политической активности социальных групп и классов.

Представления о том, что наибольшая социальная активность проявляется при полном упадке экономических показателей, в наихудшем состоянии хозяйственной системы, “на дне”, во время самого тяжелого материального положения трудящихся, не находят подтверждения. Динамика заработной платы, цен и распределения доходов, других показателей уровня жизни, свидетельствуют, что воздействие экономических факторов на социально-политическую активность масс, в первую очередь рабочих, является достаточно неоднозначным - все пики массовых движений трудящихся следуют за периодами повышения темпов экономического роста, реальной заработной платы и сравнительно высоким уровнем занятости. Нарушения социального порядка или обострения классовой борьбы происходят в условиях относительно благоприятных для большинства населения, но совпадают с началом замедления улучшения материального положения.

Смысл данного феномена в том, что влияние экономических факторов, определяющих потребности и интересы трудящихся, взаимосвязано с социально-психологическими процессами, которые ведут к росту социальных ожиданий и расширению представлений о пределах возможного. Экономический фактор в силу объективных закономерностей длинноволнового процесса становится нестабильным элементом установившегося в предшествующую эпоху порядка. Тем самым, экономический интерес людей перемещается в социально-

психологическую область. В этих условиях появляется нарушение установленного между экономическими и политическими интересами равновесия, и пассионарные личности (присутствующие практически во всех ныне существующих этносах) получают значительную поддержку пассивного, в нормальных условиях, большинства. И эта поддержка имеет место до тех пор, пока большинство членов общества не становится вынужденным заняться решением своих личных насущных проблем и проблем общества в позитивном плане.

Отмеченные в Табл.3 “пики” массовой активности служат своеобразными вехами между этапами структурных изменений в обществе. Они сигнализируют о существенных нарушениях в целостной общественной системе и скором начале структурного кризиса. Последние подобные события были связаны с “горячей весной” 1968 года, когда в условиях “общества всеобщего благоденствия” прозвучал протест, сначала студентов и интеллигенции, а затем начались массовые выступления рабочих. Вместе с тем, в условиях уже разразившегося структурного кризиса рабочее движение постепенно пошло на спад. Большинство людей интересовала нормальная работа, а не политическая активность в качестве безработных. Это привело к тому, что в условиях жестких сокращений социальных гарантий со стороны правительств так называемой “неоконсервативной волны” (Рейган, Тетчер и др.) 2/3 общества объединилось в поддержку политики, обеспечивающей, в первую очередь, экономический рост, а не социальную сферу.

Продолжительная забастовочная активность шахтеров и металлургов была следствием действительно сложного, но неизбежного процесса отмирания технологически устаревших производств и вытеснения из активной экономической жизни низкоквалифицированной рабочей силы.

Таким образом, во время структурного кризиса существенно изменяется не только экономическая система, но и социальная, и политическая структуры общества, его институциональные характеристики, соотношение и влияние политических сил. Также можно говорить о том, что массовые деструктивные движения трудящихся способствуют изменению (слому) устоявшейся традиционной политической системы (примером этого могут служить, кроме всех отмеченных ранее “пиков” массовой активности наемных трудящихся, забастовки шахтеров и другие массовые выступления в начале 90-х в СССР).

Теория “длинных волн” открывает большие возможности не только для экономического, но и социально-политического прогнозирования.

Она создает возможность более объективно взглянуть на причины и последствия социально-политических процессов, определить механизмы взаимодействия экономического цикла и цикла в политической истории.

С точки зрения данной теории в обществе взаимодействуют 2 подсистемы: технико-экономическая и социально-политическая. При этом 1-я - обладает гораздо более быстрой реакцией на возникающие проблемы. Фазы подъема длинной волны стимулируются гармоничной эволюцией экономической и социально-политической структур до тех пор, пока "технологический стиль" не достигает пределов возможного роста эффективности. Преодолевая этот барьер путем проб и ошибок, в производственной сфере формируется новый стиль технологии. Для него уже не подходят господствующие социальные и политические структуры. Институты политической системы, обладая высокой степенью инерции, довольно быстро становятся контрпродуктивными. Их постепенное изменение, опять же в большинстве случаев путем проб и ошибок, прослеживается в рамках спада "длинной волны". Завершение становления новых политических структур становится результатом и последней точкой, знаменующей окончание спада и начало функционирования общества в новых условиях.

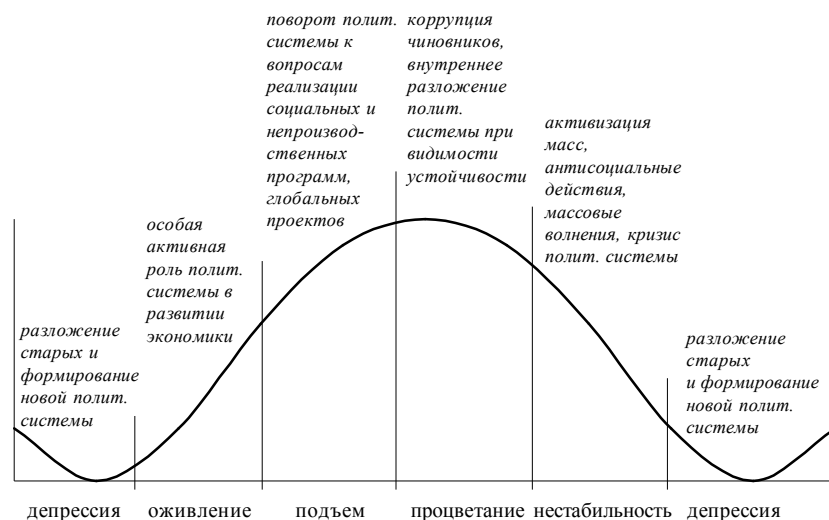
Окончательная форма, которую примет новая политическая система, зависит, в конечном счете, от относительной силы участвующих в политическом процессе социальных групп, классов, их самосознания, традиций и способностей к коллективным действиям. Однако следует не забывать, что общий характер производства, существующий в стране, определяет основу формирования политической жизни. В частности, как свободный рынок порождает различные формы демократии, так государственный монополизм или традиционный характер производства порождают тоталитарный или авторитарный характер власти.

В начале рассмотрим основные черты процесса становления новой политической системы в условиях рыночной экономики, т. е. развития демократии.

Этот процесс можно представить следующим образом. Когда социально-политическая структура становится тормозом в развитии экономического процесса обновления - предприниматели (руководители производства) начинают нуждаться в коллективной стратегии, способной обеспечить повышение нормы прибыли. Поначалу они могут и не стремиться к сознательной коллективной деятельности, тем более, что ранняя стадия кризиса порождает острую конкуренцию. На этом этапе инициатором реформ выступает государство или непредпринимательские группы. Однако затем предприниматели начинают, не могут не начать,

проводить коллективную политику (например - защита отечественного производителя, снижение ставок налогов и т.п.) и обязательно сталкиваются со стремлениями других классов и слоев населения отстаивать и добиваться выгодных условий труда, приемлемого жизненного уровня и высокого качества жизни. В результате получается какой-то баланс, зависящий от соотношения сил участников, характера и глубины столкновений. Новая структура всегда отличается от предшествующей, что является одним из факторов последовательной смены стадий роста.

В графическом виде этот процесс может выглядеть следующим образом:

Каковы же особенности взаимодействия в рамках “длинной волны” технико-экономической и социально-политической систем в обществах, которые трансформируются из тоталитарных?

Когда в начале 70-х мировую систему капитализма охватил острейший кризис, СССР сохранил видимость благополучия и даже повышения темпов экономического роста. На самом деле, это было связано с увеличением доходов от поставок сырой нефти и газа на мировой рынок. СССР наравне с арабскими странами стал одним из крупнейших поставщиков энергоносителей. Ускоренными темпами были построены уникальные нефте- и газопроводы в Европу. Топливо в огромных количествах “потекло” на Запад. Получаемые за это нефтедоллары

обеспечили советскому народу на целое десятилетие поддержание уровня жизни, сохранение рабочих мест, но и коррупцию, “разбазаривание” средств и колоссальные непроизводительные затраты. С каждым годом консервировался устаревающий тип индустриальных технологий. Вместо экономии энергии и материалов процветали расточительность и отсутствие экономической и финансовой целесообразности. Началось время, которое в последствии назвали “застоем”, хотя и в прошлом веке употреблялся именно этот термин (кстати, так же, как и “перестройка”).

Вместо того, чтобы получаемые из-за рубежа средства вкладывать в наукоемкие производства и технологическое перевооружение (как это кстати сделали многие страны - экспортеры нефти), они тратились на потребление, ширпотреб для населения, реализацию невиданных проектов и идей. Эти благоприятные экономические условия сыграли злую шутку. В то время как страны Европы и Северной Америки прошли структурный кризис и поднялись на новую ступень развития (распространенное название - постиндустриальное общество), республики Советского Союза остались на этапе индустриального общества с огромными металлургическими и машиностроительными предприятиями, использующими огромное количество энергии на единицу продукции, с многотысячными коллективами работников. А ведь уже было понятно, что пришло время малых и средних предприятий с использованием автоматизированных систем и информационных технологий. Опора на добычу, а не переработку, полезных ископаемых поставила СССР в ряд с развивающимися странами. И высокий уровень военного производства не смог компенсировать отсталость в производстве собственных товаров народного потребления, сельскохозяйственной продукции, бытовой электроники и автомобилей.

В 1982 г. проявились первые признаки окончания мирового энергетического кризиса. Цены на нефть стабилизировались, а затем и достигли приемлемого для передовых стран уровня. Денежный поток в СССР сначала уменьшился, потом прекратился и, наконец, условно говоря, пошел в обратную сторону. СССР все в больших количествах приходилось закупать ТНП и оборудование, которые за время застоя утратили какую-либо конкурентоспособность с товарами западного производства. В 1985 г. наступила “перестройка”. Была предпринята первая попытка, не изменив политической системы, не изменив технико-экономическую базу, дать новый импульс “ускорения” народному хозяйству и “доказать преимущества социалистической системы”. В условиях тоталитарного режима это не казалось невозможным. Однако, после 1987 г. экономическая ситуация стала заметно ухудшаться, и в конце

80-х в полную силу разразился структурный кризис, который и продолжается до настоящего времени.

Политический цикл, как мы уже отмечали, немного отстает от экономического. “Перестройка”, которая свидетельствовала о том, что наступило сложное время преобразований, закончилась тогда, когда действительно начался социально-экономический кризис. Конец 80-х - начало 90-х стало временем наиболее острых социально-политических конфликтов, распалась Федерация советских республик, пролилась кровь, и общество стояло на грани гражданской войны и карательных акций.

С обретением независимости новые страны получили в наследство тяжелейший структурный кризис, обостренный сложным психологическим состоянием населения (разрушение мифов, стереотипов и потеря коммунистической веры) и жесткими внешнеполитическими обстоятельствами (нарушение установившегося мирового порядка и превращение США в единственную сверхдержаву после распада СССР).

Украина, как и другие бывшие республики СССР, оказалась в положении корабля во время шторма в неизвестном море со сломанным управлением и неработающим двигателем. В таких условиях эйфория независимости закончилась очень быстро. Спад производства, быстрая инфляция, растущий внешний долг и все остальные черты экономической депрессии встали перед украинским обществом. Требовались адекватные меры для стабилизации ситуации и поиска путей выхода из кризиса. Несомненно, здесь должна была сыграть свою положительную роль политическая структура, но... Тоталитарная система не оставила в наследие ни традиций демократии, ни сколько-нибудь влиятельного слоя предпринимателей, ни частной собственности, ни навыков работы в рыночных условиях. Эта ситуация не изменила действия длинноволнового механизма, но значительно обострила болезненность протекания процесса.

Поскольку главным смыслом и задачей структурного кризиса является изменение технологического и управленческого способа производства, постольку и успехи или недостатки преодоления кризиса связаны с уровнем технологических нововведений, сменой управленческих кадров и переобучением квалифицированной рабочей силы.

С одной стороны, оценить с этих позиций ситуацию в Украине достаточно сложно. До сих пор основные экономические показатели не отличаются от тех, которые были десятилетия назад в эпоху индустриального подъема, они показывают постоянное ухудшение ситуации, в соответствии с которым промышленность и сельское хозяйство должны уже были исчезнуть полностью. С другой стороны,

неоправданно большие усилия влиятельных слоев общества направлены на подъем производства в отсталых энергоемких отраслях на старой технологической и организационной основе. Достаточно сложно оценить успехи в изменении технологической базы экономики. Одну из серьезных проблем для будущего развития страны представляет и то, что до сих пор практически так и не появилась частная собственность. Ее суррогатом стали приобретенные незаконным, а то и криминальным путем, капиталы.

Однако, так или иначе, структурный кризис в Украине продолжается, и постепенно появляются новые формы производства и делаются адекватные нововведения. Таковыми стали - национальная валюта, окончание малой и средней приватизации, внедрение новых информационных систем связи, появление предприятий, отвечающих передовым мировым стандартам, и т.п.

Политический цикл следует за экономическим. Предприниматели еще не осознали полностью свои общие интересы и не создали мощной корпоративной системы, способной отстаивать их интересы в соперничестве с государственным аппаратом. Другие участники борьбы за форму новой социально-политической системы - организации трудящихся (в первую очередь, профсоюзы) еще слабы и зависимы.

Политические партии заслуживают отдельного внимания. Каждая из выше перечисленных сил общества имеет свои партийные организации. Причем, именно не одну партию, а несколько партий, что свидетельствует о продолжающейся неопределенности политического континиума. Партии призваны отражать интересы того или иного социального участника - государства, предпринимателей или трудящихся, и в зависимости от этого голосовать в парламенте за тот или иной вопрос. Уровень организации, как этих партий, так и тех политических сил, которые они представляют, еще крайне низок. Поэтому на поверхности политической жизни продолжают доминировать интересы и решения конкретных личностей.

Таким образом, политическая система "нового образца" еще не сложилась. Еще раз подчеркнем, что ее создание будет свидетельством окончания фазы депрессии и перехода экономической системы в фазу "оживления". Стабильная политическая система станет результатом обретения экономикой устойчивого роста производства и стабилизации финансовой системы. Кратковременные циклы в экономической жизни так или иначе будут создавать непродолжительные кризисы. Но их глубина и болезненность для населения будут постоянно уменьшаться, по мере окончания структурного кризиса, технологической перестройки всего хозяйства.

Инициатива преобразований сегодня находится у государства. Президент и правительство предпринимают соответствующие шаги по реализации новой модели социально-экономического развития.

Общий подход к развитию украинского общества прошел путь от коммунистической концепции к национально-демократической и, наконец, к прагматической, которую сделал основой своей политики Л.Д.Кучма. Технологическое перевооружение, разгосударствление собственности, стимулирование новейших форм управления производством - это основные направления такой политики на пути к выходу из структурного кризиса и перехода к подъему во всех сферах жизни.

Список литературы:

1. Кондратьев Н.Д. Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и послевоенные. -М., 1922.
2. Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры // Приложение к журналу “Экономический бюллетень конъюнктурного института” - Вопросы конъюнктуры. -М., 1925., Т.1. вып.1.
3. Кондратьев Н.Д., Опарин Д.И. Большие циклы конъюнктуры. -М., 1928.
4. Долговременные тенденции в капиталистическом воспроизводстве. - М.: ИНИОН АН СССР, 1985.
5. Новая технократическая волна на Западе. -М., 1986.
6. Шишков Ю.В. О некоторых концепциях экономического развития (“Длинные волны”: поиски объяснения) // Рабочий класс и современный мир.- 1986., №1.
7. Полетаев А.В., Савельева И.М. Концепции “длинных волн” в историко-социальных исследованиях // Рабочий класс и современный мир. -1988., №5.
8. Троцкий Л.Д. О кривой капиталистического развития // Вестник социалистической академии. - М., 1923.

І.А. Іванько, К.М. Колесников

Концепції державного устрою України у вітчизняній історико-політичній літературі XVII-XVIII ст.

*Іванько І.А. - аспірант
Дніпропетровського державного
університету*

*Колесников К.М. - аспірант
Дніпропетровського державного
університету*

У другій половині XVI ст. на українських землях Польсько-Литовської Речі Посполитої розгорнувся широкий культурно-релігійний, а згодом і політичний рух, який отримав у науковій літературі назву першого українського національного відродження. Цей рух, що охоплював церковне життя і літературу, архітектуру і мистецтво, освіту і науку, був викликаний низкою факторів, головним з яких стала необхідність адаптувати світогляд тогочасної української інтелектуальної і політичної еліти до змінених умов світу ранньомодерної європейської цивілізації, куди інтенсивно почала інтегруватися Україна з середини XVI ст. Політична думка тих часів намагалася збагнути істоту державно-політичного ладу, що сформувався на українських землях під владою Польської Корони, а згодом був насильно повалений у ході козацької революції 1648-1657 років. Для історико-політичного мислення тих часів було природним не відсторонено та об'єктивно аналізувати характер правління чи політичного режиму, як це властиво сучасній науці, а пов'язувати свої спостереження з ідеальними уявленнями про найкращу владу, яка б відповідала і суспільній користі, і морально-релігійним уподобанням.

Довгий час українська думка знаходилась під впливами візантійсько-ортодоксальних ідеологем, успадкованих ще за киево-руських часів та підсилених т.зв. другим південнослов'янським впливом XIV-XV ст.

Слідом за Платоном, усі візантійські мислителі визначали монархічну владу як кращу форму правління з усіх можливих. Так, Теодор Метохит у XIV ст. стверджував, що “єдиноначалля дозволяє провести правильну, підкорену єдиному принципу розстановку сил, притягти до управління найбільш обдарованих людей. Завдяки єдності принципу управління, втіленому у волі государя, нестрункий концерт стає загальною гармонією, симфонією, добре наладжаною політиєю” [2]. Симфонічна концепція грала особливо велику роль в усталенні взаємин Імперії та Церкви, Василевса та Патріарха. Істотна невідповідність українських умов пізнього середньовіччя даній доктрині особливо пригнічувала розум її носіїв: поряд з церковною владою Київського митрополита вся Русі, що зберігалася непорушною протягом віків попри всі негаразди, не існувало більш православної світської влади Київського князя - цього давньоруського квазіімператора. Така ситуація склалася в Києві вже після монгольської навали: місто було позбавлене власного князя і поставлене під безпосередній ординський контроль. Митрополити Максим у 1300 р. та Петро в 1309 р. вийшли з неї на свій розсуд цілком логічно: перенесли свою резиденцію до Володимира-на-Клязьмі під крило тамтешніх володарів. Одним з мотивів цього переносу була концептуальна необхідність поєднати в одному осерді владу світську з церковною.

Поки існувала Візантійська імперія, поки литовські правителі якимось підтримували православ'я та спиралися на західноруську митрополію, поки в Києві з ласки великого віленського князя панували удільні князі Олельковичи - нащадки Олександра Ольгердовича, уявлення українських інтелектуалів про належне якимось співпадали з місцевими реаліями. Але ж у 1453 р. турки, захопивши Константинополь, ліквідували владу імператора, який номінально поруч з патріархом вважався головою всіх православних [3]. В 1471 р. Польський король Казимир остаточно ліквідував київське удільне князівство Олельковичів, посадивши в місті свого воєводу (до речі, католика). Отже, з того часу православні клірики, природні носії ідеї монархічної влади, починають особливо нестерпно відчувати невідповідність політичної дійсності України теоретичним засадам: гармонія зникла, симфонія розстроїлася, світ наче став розпадатися. Виникла необхідність визначитися з характером політичної лояльності до правителів т. зв. “більших держав”, до складу яких входила українська спільнота.

Кінцем XVI - серединою XVII ст. за звичай датується початок напружених рефлексій над власною історією та взагалі національно-культурною ідентичністю, які Н.Яковенко називає “першим українським ранньонаціональним міфом” [4]. Один з компонентів цього міфу (докази

неперервності історії “на своїй землі” від часів сформування тут політичного утворення “Київська Русь”) безпосередньо торкається нашої теми. Тяглість цього утворення, яке подібно до імперії римлян (*Pax Romana*) нібито й не припиняло існування за часи середньовіччя, бачилася за схемою перетікання влади з Києва до Галича та з Києва до Вільна. Саме така модель *translatio imperii* була вперше опрацьована в Хроніці Мацея Стрийковського, що вийшла друком 1582 р. Київські інтелектуали 20-40-х рр. XVII ст., спираючись на київське та галицьке літописання, доповнюють цю модель власним пунктом: “у їхніх побудовах коло розпочинається і замикається Києвом, символом континуїтету історичного буття Русі” [5]. Взагалі Київ бачиться відокремленою сакральною територією, місцем колективної покути й спасіння, де вперше засяяло світло істини Христової, де вперше народ було охрещено. Недарма одним з героїв-символів нації об’являється “перший монарх руський Володимир Першохреститель”. *Богохранимий град Київ*, в якому княжив Володимир Великий, оголошується столицею руської монархії й наділяється низкою епітетів, побудованих на візантійський лад [6].

Відомо, що слов’янське *Царград* було лише калькою з грецьких першоджерел. Пізньовізантійська політична ідеологія продовжувала іменувати Константинополь “театром ойкумени”, “оком і серцем всієї землі”. Імперська столиця, що стала “другим”, чи “новим” Римом, наслідуючи авторитет Рима давнього, зміцнювала його тим, що об’являлася огнищем християнства. А імператор вважав себе “непохитним стовпом усіх хрещених, захисником догматів Христа”. Подібно до цих зразків Київ оголошується *богохранимим, богоспасаємим, царственим градом*, а київський князь, який насправді повинен був постійно рахуватися з волею міського віча та власної дружини, визнається *царем і самодержцем*, захисником благочестя і всієї православної людності. Цікаво, що система топосів, використаних в українській історичній літературі XVII ст. для окреслення постатей “культурних героїв нації”, також успадкувала традиції згаданих візантійських першоджерел: Володимир Великий - це Першохреститель, Костянтин Острозький - Відновник і Захисник благочестя, Петро Могила - Оборонець Русі [7]. Низка апробованих словесних штампів на позначення “героя” українського історієписання XVII ст. багато в чому виявилася залежною від візантійських риторичних канонів прославлення імператорів. Згодом ці штампи буде використано для прославлення непереможного ватажка козацької революції - Б.Хмельницького.

Так, у “Київському синопсисі”(1674-1681) князь Володимир визнається “Святим Благовірним Великим Князем Київським и всея Росії

Первійшим Самодержцем”, а древньоруська держава “Преславним Самодержавієм Київским”. “Кройніка Литовська і Жмойтська” оповідає про “царствование Київское” із “самодержавним княженієм” як формою правління. А Феофан Прокопович у пролозі до своєї трагікомедії “Владимир” (1705), коли визнає гетьмана Івана Мазепу спадкоємцем правління Святого Володимира в Києві, пише: “Владимир всіх словеноросійських стран князь і повелитель, от невірія тьми во великий світ евангельський духом святим приведен” [10]. Навіть гадацький полковник Григорій Грабянка не відходить від цього стереотипу і твердить: “монарх і самодержець, всієї Росії і пострах незліченних царств рівноапостольний князь Володимир” (1710).

Отже, в українській історичній літературі, яка походила в основному з церковних кіл, виразно проводиться думка, що тогочасна Україна зростає на міцному культурно-політичному корінні Київської Русі - цього зразкового християнсько-монархічного політикума.

Не дивлячись на традиційну імперсько-універсалістську риторику, пізньовізантійські автори не затуляли очей на відчутний занепад держави, котра через стиснення кордонів перетворювалася на маленьке національно-грецьке царство. Той самий Метохіт “почав вбачати у Візантії не останню фазу в історичній схемі світу, як того вимагала канонічна традиція, а просто одну з імперій, що підлягають загальному закону зародження і руйнування” [11]. Так само й українські історики змальовують просякнуту монархічним духом концепцію занепаду *царственного граду богохранимого Києва*.

В історичній літературі XVII ст. майже однаковими термінами змальовується ця трьохстадіальна низхідна еволюція. Київська історія розподіляється на три періоди, кожен з яких стає, так би мовити, ступенем вниз: самодержавство, що започатковане Св. Володимиром, поступилося після татарської руїни 1240 р. княжінню, котре після смерті Сімеона Олельковича в 1471 р. деградувало у воєводство.

У “Синописі” йдеться: “и от того времени Преславное Самодержавіє Київское, Богу тако гріх ради чоловіческих попустивши, в уничеженіє толико прійде, яко от Царствія во княженіє, а от княжения в Воеводство премініся” [12]. Наголос на подіях, пов’язаних з деградацією статусу “царствования и самодержавного княженія кievского” робить вступна частина, що була додана до “Кройніки Литовської і Жмойтської” та “Львівський літопис” (1649) [13]. Залежність від цієї концепції виявили також і козацькі літописці XVIII ст. Так, Г. Грабянка пише: “Однак все ж скипетр російський так занепав, що з царства перетворився на князівство, а з князівства - на воєводство” [14]. Особливе

значення концепція трьохстадіального занепаду набуває в “Синописі”, бо в ньому вже сформульовані докази відродження “преславного верховного и всего народа російскаго головного града Кієва”. Це відродження бачиться універсалістсько орієнтованим авторам “Синопису” як повернення “богоспасаемого и богохранимого града” під владу “наслідника Благочестивыя державы Св.Владимира Російскія Пресвітлаго и Благочестиваго Государя нашего Царя и Великаго князя Алексія Міхайловича, Всея Великія, и Малыя, и Білыя Росіи Самодержца”. Як бачимо, встановлення історичного континуїтету стверджується через відновлення напівміфічної державно-політичної та династичної спадковості. Ця концепція не відповідає річпосполитській схемі перетікання київської спадщини; тут модифікується московська модель *translatio imperii*, яка фактично приймає вигляд: Київ → Москва → Київ. Погляд на історію Великої, Малої і Білої Росії як неподільної династично-територіальної спадщини московського скіпетра дозволяє авторам ствердити існування єдиного політичного тіла - *народу славеноросійскаго* зі спільним історичним коренем і спільною сучасністю.

“Синопис” ігнорує існування світської української козацької держави Війська Запорозького, а її творець Богдан Хмельницький та його боротьба з поляками майже не згадуються. О. Пріцак, стверджує, що однією з причин цього забуття була суперечність між гетьманом Хмельницьким і митрополитом Сільвестром Косовим про характер державної влади. Косов вимагав спільного правління над Україною гетьмана і митрополита, намагаючись відродити на практиці традиційну для православ’я доктрину симфонії держави і церкви. Хмельницький, вихований у політичній культурі Польщі, відмовився передати владу від світської військово-землевласницької верхівки (шляхти та козацької старшини) до рук церковників. Ігнорування авторами “Синопису” козацько-руської держави та її провідників було відповіддю українського православного кліру світським претензіям керівників України. Лаврські інтелектуали знайшли можливість відродити сакральну ідею симфонії (гармонійного правління монарха-самодержця і церковного лідера - митрополита чи патріарха), підтримавши спілку з московським царем як природним спадкоємцем влади великих князів царствования київського [15]. Н. Яковенко згадує два моменти, які послужили тлом для оформлення церковного погляду на минуле України: “почуття персональної комфортності, яке вигідно відрізняло становище церковних ієрархів від непевного життя вищої козацької старшини, а також загальноприйнятий у колах церковних інтелектуалів погляд на царя як верховного миротворця” [16]. О. Пріцак доповнює ці спостереження: “Не бажаючи

підкоритися владі гетьмана, київська церковна еліта намагалася отримати особливе положення в московській політичній і церковній структурі як просвічена хранителька священної ідеї “всія Русі” [17]. Отже, з цього часу центр тяжіння української монархічної ідеї, сконструйованої за візантійськими канонами, було остаточно перенесено поза межі України. (До речі, підстави до цього існували раніше: навіть Польський король-католик за традицією вважався *покровителем і захисником грецького благочестя*.)

На відміну від авторів “Синопису” (представників Києво-Печерського кліру), творці других літературно-історичних праць (головним чином, вихідці зі стін Києво-Могилянської академії), коли реконструювали схему українського історичного континуїтету, вбачали наступника Володимирового Самодержавства в особі Запорозького Гетьмана. Такий статус, це вже згадувалося, надавав Івану Мазепі Феофан Прокопович у пролозі до трагікомедії “Владимир”. Він намагався показати Київ вічним градом Русі, а гетьмана Мазепу - реально діючим Св.Володимиром: “Зри себе самого (=Мазепа) в Володимирі, зри в позорі сем, аки в зерцалі, твою храбрость, твою славу, твоєї любови союз с монаршим серцем, твоє істинное благолюбіє, твою іскреннюю к православної апостольской единой католической вірі нашой ревность і усердіє”[18]. Трагікомедія закінчується монологом Св. Андрія, в якому той вігає Мазепу як правонаступника правителів Русі та Києва [18a] (хоча Мазепинська столиця знаходилась, звичайно, в Батурині).

У подібний спосіб намагаються реконструювати послідовність української історії, пов’язавши козацько-українське сьогодення з князівсько-руською старовиною, творці козацьких літописів XVIII ст. - вихованці Києво-Могилянської академії. (Остання після Полтавської катастрофи припинила свої спроби звернення до недавньої історії). На сторінках їхніх праць за зразком польської *сарматської легенди* народжується новий *хозарський міф*, за яким запорозьке козацтво виводиться з войовничих давніх хозарів. Як здається, цьому міфіві належало дві функції. По-перше, він легітимізував антипольську боротьбу та встановлення козацької влади в Україні. Бо колись хозари таки панували в Подніпров’ї, а засіб легітимації влади через аргумент старовини був дуже розповсюдженим. По-друге, хозарський міф пов’язував тогочасну козацько-гетьманську Україну з символічною для неї епохою Київської Русі, коли наші предки вперше прийняли Слово Боже, “Віру Православну Східного Обряду, якою колись відважний Козацький народ був просвітлений через хозарських князів від Константинопольського Апостольського престолу”[19]. Творці хозарського міфу вважали

київського князя-кагана та його дружину прямими попередниками “шляхетно уроджених” козаків. І хоча давнім володарем козацько-малоросійського народу визнається Каган, уся тональність цього міфу являється виразно республіканською.

Конституція Пилипа Орлика (1710) прямо вказує, що сучасний керівник козаків - Гетьман повинен обиратися “вільним волевиявленням відповідно до старого закону і звичаїв вітчизни”. Неодноразово засуджуються “деякі з колишніх Гетьманів, які наслідуючи деспотичне московське правління, зухвало намагалися привласнити собі, всупереч праву й рівності, необмежену владу, не соромлячись нехтували давніми законами і вольностями Війська Запорозького і тяжко пригноблювали простий народ”[20]. Головну увагу козацьких істориків пригортають, отже, лицарські діяння народу, а не монарші звершення. Г. Грабянка пише: “Я хотів явити всім народам, що не лише славеноруські монархи своєю силою напускали страх на всі сторони, а й їхні піддані, відстоюючи вітчизну і стаючи за образи росіян, спроможні проти щонаймогутніших владарів збройно стояти”[21].

Подібно до церковної думки, традиція козацького історієписання не заперечує монархічної ідеї. Різні автори шукали для свого народу повелителя поза межами країни, серед європейських володарів, обираючи між російським імператором та шведським королем. Однак, на відміну від церковних уявлень, головне завдання цього монарха бачилось не в захисті чистоти віри православної (цю функцію з успіхом мав виконувати гетьман), а в гарантуванні традиційних державних і приватних прав, законів і привілеїв, зовнішньої безпеки. 1710 року козаки вимагають від “Священної Королівської Величності короля Швеції, Нашого Протектора, опікуна і захисника, наймилостивішого Володаря” санкціонування, підтвердження й захисту “пактів й конституцій законів і вольностей Війська Запорозького”[22]. Отже, література козацьких канцеляристів нарешті остаточно позбувається церковних стереотипів щодо патримоніальності державної влади. Відносини виборного гетьмана та Війська Запорозького, взаємини народу козацького та його монарха-протектора носять договірно-контрактний характер. Навіть сама форма Конституції П.Орлика, складеної як договір між гетьманом та народом, характерна для західної традиції і відрізняється від ідей східного патримоніалізму [23]. В цілому ж, орієнтація на європейські правлячі династії, пошук собі стороннього володаря-захисника стає в Україні XVII-XVIII ст. оригінальною формою виявлення української монархічної ідеї.

Наріжним каменем української монархічної ідеї стає уявлення про себе як “вільний народ, який ніколи не дозволяв себе завоювати силою

зброї”. Дане уявлення не було надбанням тільки XVIII ст.: цілком визначені контури воно прибрало вже протягом XVI ст. Вхідження українських земель до складу сусідніх держав пояснювалось добровільною злукою між правлячими верствами чи контрактом між політичним народом та іноземним володарем. Ці історико-ідеологічні концепції не були виключно витвором книжної думки, а функціонували у суспільстві як живе віддзеркалення в масовій свідомості нібито реальних історичних фактів. В. Липинський називав ці масові уявлення та інтелектуальні конструкти Люблінською та Переяславською легендами. Перша висувала тезу про договірне поєднання Русі з Корonoю на засадах визнання рівних прав та збереження стародавніх звичаїв. Друга теж саме твердила про злуку Малоросії з Московією. Творення обох легенд, за думкою В.Липинського, було віддалено від ключових подій - Люблінської унії 1569 р. та Переяславської умови 1654 р. - значним проміжком часу та являлося результатом провалу державотворчих змагань, продуктом розкладу українських самостійницьких концепцій. Головна їх функція полягала в ідеологічному та юридичному пристосуванні аристократії - української шляхти в Польській державі та козацької аристократичної верстви в Російській імперії до життя в культурних умовах політико-правового поля чужих суспільств. “Ці легенди і тут, і там врятували нашу аристократію від положення верстви завойованої, підбитої, рабської в державі чужій, дали їй всі права й привілеї аристократії державної нації на тій підставі, що, мовляв, вона до тих держав сама, добровільно, без примусу пристала”[24]. (До речі, коріння цих легенд можна побачити ще в старих літописних розповідях про закликання варягів чи про укладання між древньоруськими князями та міськими вічачами договорів про умови правління та певні взаємозобов’язання. Ці розповіді, мабуть, слугували за модель для складання згаданих легенд.)

Після Хмельниччини і формування нової аристократичної верстви на землях козацької України Люблінська легенда остаточно перетворюється на анахронізм. Але ж вона не зникає зі сторінок історичних праць. В літературі козацьких канцеляристів вона піддається істотній модифікації: елементи легенди використовуються для легітимації *status quo*, здобутого “през шаблю козацьку”. Неодноразово підкреслюється братерство Русі і Ляхів, вірність козацько-малоросійського народу своїм законним сюзеренам - “найяснішим королям польським”. Паралельно набуває сили мотив “зради ляхів”, котрі перші зламали присягу, намагаючись проти наказів і заповітів монархів “запрягти вільний сармато-козацький і весь малоросійський народ в ярмо підданче”, як писав Самійло Величко. Таким чином, слушно вказує

Н.Яковенко, згідно з цією концепцією, козаки лише використали право на опір (*jus resistendi*), що належало їм як вірним слугам-рицарям короля [25].

У другій половині XVII ст. Люблінська легенда заперечується також і в літературі церковного походження. Так, “Синопис” кваліфікує перехід українських земель під скіпетр польського короля як загарбання, іноземне поневолення. Факт поневолення, за цією логікою, легко підтверджувався ворожим ставленням коронного уряду супроти православної церкви. Це дозволяло легко ствердити законність відновлення “стародавніх прав Царя Всього Православного” на київський престол. Г. Грабянка також використовує релігійний аргумент для пояснення причин козацьких повстань проти Речі Посполитої [26]. Те ж саме твердить й Конституція П. Орлика: Хмельницький з “Військом Запорозьким і народом Руським не з якої іншої причини віддався під захист Московського Царства, добровільно прийнявши його зверхність, а лише задля союзу Православної Віри”[27].

Сама Люблінська легенда, сформулювавшись уперше в 1621-1623рр. у творах Захарії Копистенського, Йова Борецького й Мелетія Смотрицького як один з аргументів у боротьбі за “порушені права і вольності презацного народу руського”[28], витримала чи не найдовшу перевірку часом, ставши парадигмою для створення легенди Переяславської. Вже в Конституції П. Орлика стверджується факт добровільного входження України до складу Московщини на засадах спільного контракту з її монархом, нібито підтвердженого двосторонньою присягою. Повстання Мазепи, зламавшого цю присягу, витлумачується як право на опір Московському царству, яке “платячи злом за добро, замість вдячності і справедливої шани за велику й вірну службу,... за незчисленні героїчні подвиги і криваві ратні труди, вирішило... відмінити права і вольності, знищити з коренем Військо Запорозьке... і навіки стерти його ім’я” [29]. Тут вже виринає мотив “зради москалів”, який легітимізує в принципі незаконне повстання.

Подібна мотивація просковзає вже близько століття по тому у звернутій до Війська промові гетьмана Мазепи, вкладеній йому в уста авторами “Історії Русів”(кінець XVIII - початок XIX ст.). У цій же промові Військо Запорозьке тлумачиться як вільна нація-держава, що забезпечує своє самостійне існування укладанням угод і пактів із сусідніми монархами [30].

Переяславська легенда функціонувала протягом усього XVIII ст., актуалізуючись у моменти найбільш небезпечного хитання гетьманату. Так, 1762 року службовець гетьманської військової канцелярії Семен

Дівович складає історико-політичний памфлет “Разговор Великороссии с Малороссиєю”, в якому Малоросія, звертаючись до Великоросії (обидві постають у вигляді дам), твердить: “Не тебе. Государю твоему поддалась... Не думай, чтоб ты сама была мой властитель, Но государь, твой и мой общий повелитель”[31]. Важливо, що Дівович, хоча й підкреслює рівноправність Малої і Великої Росії, кваліфікує малоросійську автономію не як здобуту шляхом двосторонньої домовленості (як було в більш ранній літературі), а як даровану одностороннім актом царської щедрості, що відтак може бути й скасована [32].

Дещо модифікуючись, Переяславська легенда значно пережила Гетьманщину, що її породила. Вона сприяла інтеграції нащадків української старшини до російсько-імперських структур, допомогла їм поєднати лояльність і щире відданість російському імператору з почуттям регіонального патріотизму і любові до “милої вітчизни козако-малоросійської”. Так само вона допомогла петербурзькому урядові легітимізувати своє правління на Україні.

У зміненому вигляді Переяславська легенда час від часу виринала протягом ХІХ ст. у різноманітних концепціях української історіософії та політичної думки від В. Антоновича з його громадівськими уподобаннями та М. Драгоманова з проектами федералізації Росії до М. Міхновського з відверто самостійницькими закликами. Хоча в цілому їй вже не надавали великого практичного значення. Певне відродження ця легенда зазнала в Радянському Союзі під час помпезного святкування 300-річчя возз’єднання України з Росією [33]. Проте вже з кінця ХVІІІ ст. почав втрачатися дійсний стрижень Переяславської легенди: уявлення про справедливі партнерські договірні відносини вільного народу зі своїм монархом-протектором. Це також був і стрижень тогочасного українського монархізму. Коріння цього різновиду монархізму Н.Яковенко вбачає у “своєрідному типі політичної культури і соціальних практик, відмінних і від західно-, і від східноєвропейської моделі, характерних для країн самобутнього цивілізаційного простору - так званої Центрально-Східної Європи. В країнах цього регіону (Угорщина, Польща та ін.) набув особливого поширення ідеал “справедливої” влади, уявлюваної як свого роду контракт “народу” з правителем”[34].

Отже, якщо спробувати підвести певні підсумки щодо характеристик монархічної ідеї в українській історико-політичній думці ХVІІ-ХVІІІ ст., можна виокремити дві головні тенденції. Перша наголошувала на патрімоніальності монархічної влади, схилаючись до візантійських автократичних концепцій симфонії. Сформулювавшись під пером українських церковних інтелектуалів, ця доктрина зробила значний внесок

до універсалістсько-імперських ідеологем Російської держави. Друга тенденція тлумачила характер підкорення монархічній владі, що розпростерла своє панування над Україною, на підставі контрактно-договірних відносин між “нацією” (Військом Запорозьким) та її сюзереном (московським царем чи шведським королем). За цією моделлю щира і віддана служба розглядається як відплата володарю за гарантії збереження традиційного ладу і зовнішньої безпеки підлеглої країни. Така модель стосунків, що склалася в умах козацьких публіцистів XVIII ст., є певною варіацією на тему конституційної монархії. Відлуння цієї концепції можна помітити в конструюванні С. Величком ідеальних стосунків між “володарем” (Гетьманом) і “народом” (Військом Запорозьким). В цій конструкції найбільш рельєфно відбивається щойно створений міф про Запорозьку Січ як квінтесенцію українського народовладдя. Хоча ідея Січі як найвищого символу українськості практично не знаходить аналогів у думці XVIII ст., вона становиться майже провідною в історіософії наступного століття [35].

Цікаво, що носії патримоніальної концепції монархічної влади були одночасно прибічниками т. зв. культурно-спадщинної орієнтації у визначенні національної ідентичності. А от носії концепції контрактно-договірної орієнтувались на політико-територіальне розуміння нації. Ці дві відмінні орієнтації в осмисленні себе як “нації”, що складно перепліталися у свідомості українців XVII-XVIII ст., Н.Яковенко кваліфікує як породження західної і східної моделей нації [36]. В.Липинський тлумачить побутування цих моделей в Україні не як змагання рівновартісних підходів до означення нації, а радше як дві еволюційні фази розвитку української самоідентифікації. В цьому розвитку культурно-спадщинний варіант є результатом поступового занепаду і розкладу політико-територіальної моделі, тобто фазою звуження в застосуванні останньої [37].

Політико-територіальний варіант, що передбачає ідентифікацію свого “Я” з територією і населенням, яке тут мешкає, впродовж XVII ст. здобув справді тріумфальну перемогу. Варіант культурно-спадщинної, або етнічної моделі, де головний наголос падає на приналежність власного “Я” до спільноти з тією самою вірою і тією самою культурно-релігійною традицією, разом з відходом з політичної арени городового козацтва з кінця XVIII ст. стає панівним в Україні. Саме на цінності й символи цієї моделі (наприклад, квазіісторичний міф “козацького народу” в постаті запорожця-січовика) починає орієнтуватися українське національне відродження початку XIX ст [38].

З відходом політико-територіальних традицій Гетьманщини з

масової свідомості освічених українців щезають також контрактно-договірні уявлення про стосунки верховної влади і народу. (Останнім їх відлунням стає “Історія Русів”). Одночасно впродовж XIX ст. українська історіософія, що орієнтувалася на радикально-народницькі цінності, майже повністю позбувається консервативно-монархічних ідей. Лише на початку XX ст. у творчості В. Липинського відбудеться оригінальний синтез політико-територіального сприйняття нації (носієм якого в XVII-XVIII ст. була “річпосполитські” налаштована старшинська верства) з монархічним ідеалом верховної гетьманської влади самостійної Української Держави.

Примітки:

1. Липинський В. Листи до братів-хліборобів. Про ідею і організацію українського монархізму. - Київ - Філадельфія, 1995. - С. XXXIV.
2. Культура Византиї XIII - первая половина XVв. М.: Наука, 1991. - С.257-258.
3. Там же. - С.265-267.
4. Яковенко Н. Парадокси інтерпретації минулого в українському ранньонаціональному міфіві (на пам’ятках XVII- початку XVIII ст.) // Генеза, № 1 (5) 1997. - С.118.
5. Яковенко Н. Нарис історії України з найдавніших часів до кінця XVIII ст. - К.: Генеза, 1997. - С.76-77.
6. Pritsak O. Kiev and All of Rus’: The Fate of a Sacral Idea // Harvard Ukrainian Studies, Vol.X, 1986. - P.279-300.
7. Яковенко Н. Парадокси інтерпретації минулого... - С.119,123.
8. Синопис //Українська література XVII ст.: Синкрет. писемність. Поезія. Драматургія. Белетристика - К.: Наук. думка, 1987. - С.167.
9. Цит. по: Pritsak O. Op. cit.- P.290-291.
10. Прокопович Ф. Владимир // Українська література XVIII ст. Поетичні твори. Драматичні твори. Прозові твори. - К.: Наук. думка, 1983. - С. 258.
11. Культура Византиї. - С.267.
12. Цит. по: Pritsak O. Op. cit.- P.290.
13. Див.: ПСРЛ / ред. Н.Н.Улащик, Т.32.- М., 1975.- С.214;
Бевзо О. Львівський літопис і Острожський літописець: джерелознавчі дослідження - К., 1970. - С.99.
14. Літопис гадяцького полковника Григорія Грабянки / Пер. із староукр.- К.: Т-во “Знання” України, 1992. - С.24.
15. Pritsak O. Op. cit.- P.296-297.
16. Яковенко Н. Нарис історії України... - С.246.
17. Pritsak O. Op. cit.- P.291.

18. Прокопович Ф. Вказ. праця. - С.258.
- 18а. Там же. - С. 303-305.
19. Пакти й Конституції законів та вільностей Війська Запорозького (Конституція Пилипа Орлика 5 квітня 1710р.) // Слюсаренко А.Г., Томенко М.В. Історія української конституції. - К.: Т-во "Знання" України, 1993. - С.27.
20. Там же.
21. Літопис Грабянки... - С. 12.
22. Пакти й Конституції... - С. 36-37.
23. Слюсаренко А.Г., Томенко М.В. Історія української конституції. - С.9.
24. Липинський В. Україна на переломі. Замітки до історії українського державного будівництва в XVII столітті. - Київ - Філадельфія, 1991. - С. 24-25.
25. Яковенко Н. Нарис історії України... - С. 249.
26. Літопис Грабянки... - С. 28.
27. Пакти й Конституції... - С. 27.
28. Яковенко Н. Парадокси інтерпретації минулого... - С. 120.
29. Пакти й Конституції... - С. 26.
30. Історія Русів / Пер. І.Драча. - К.: Рад. письм., 1991. - С. 257-260.
31. Дівович С. Разговор Великороссии с Малороссиею // Українська література XVIII ст. - С. 394-396.
32. Лисяк-Рудницький І. Переяслав: історія і міф // Історичні есе в 2-х тт. - Т. 1- К.: Основи, 1994. - С. 76.
33. Там же. - С. 79-82.
34. Яковенко Н. Парадокси інтерпретації минулого... - С. 120.
35. Яковенко Н. Нарис історії України... - С. 250-251.
36. Яковенко Н. Парадокси інтерпретації минулого... - С. 121.
37. Липинський В. Релігія і церква в історії України // Політологічні читання. - 1994, ч.2, - С. 238-239.
38. Яковенко Н. Парадокси інтерпретації минулого... - С. 120-125.

Ф І Л О С О Ф І Я

С.В. Шевцов**Философия и образование: перекресток идей и тысячелетий**

Шевцов Сергей Викторович - аспирант, преподаватель кафедры философии Днепропетровского государственного университета

Давно известно популярное начало многих сказок: стоит добрый молодец на распутье дорог перед камнем преткновения и думу думает: куда же дальше идти, в какую сторону податься, тем более, что и камень мало хорошего сулит. Пожалуй, подобно этому молодцу, предстоит свой выбор сделать современному образованию, с той лишь разницей, что обитает оно не в сказке и ее начале, а в самой реальности и на пороге третьего тысячелетия, и от выбора зависит не одна судьба, а многих и многих, да и состояние его, ох, как далеко от доброго молодца. И тем более примечательно, что из седой глубины времен образованию в этом выборе протягивает руку извечная спутница и сестра - философия.

В основе взаимодействия философии и образования лежат два комплекса проблем. Первый комплекс связан с вопросами онтологического, антропологического, этического, гносеологического, социологического характера, идущими от собственно философской проблематики к образованию. Второй комплекс затрагивает аспекты педагогики, дидактики, психологии, социологии образования, имеющие своими глубинными основаниями философские понятия: знание, истина, добро, метод, душа, дух и др.

Пересечение этих комплексов вызвало к жизни в XX столетии такую дисциплину как философия образования. Статья нацелена больше на раскрытие первого комплекса проблем, освещение историко-философского контекста взаимодействия философии и образования, а также выделение некоего проблемного поля онтологического и антропологического характера современной философии образования.

История философии показывает, что даже постановка и решение наиболее общих и фундаментальных проблем философии требует рассмотрения таких понятий, как воспитание, образование, дисциплина и т. д.

Первым и наиболее ярким примером, безусловно, является “Государство” Платона. По мысли Афинянина, идеальное государство должно быть воплощением идеи справедливости, которая представляет собой синтез целомудрия, мужества и мудрости. Платон проводит параллели между строением души человека и строением государства.

Нижнее начало в человеке - чувства, которые по сути своей множественны и раздирают между собой человека. Ему соответствует сословие земледельцев, ремесленников и торговцев. Средняя часть - воля, страж души - умеряющая чувства. Ей соответствует сословие стражей, охраняющих государство от внешней опасности и обеспечивающих внутреннее единство и целостность государства. Как воля нуждается в высшем руководящем начале души, коим является разум - подлинно человеческое начало, по Платону, так и стражи нуждаются в руководящем сословии - философах, аскетах, старцах, посвятивших жизнь познанию идеи общего блага.

Платон наглядно показал диалектику взаимодействия трех сторон справедливости, нарушение гармонии которой приводит к вырождению идеального государства в извращенные, по мнению Платона, формы социальной жизни: демократию и тиранию. Единственный выход в сохранении идеальности государства - правильная постановка системы воспитания, что заставило Платона пересмотреть многие взгляды на современные ему искусство, поэзию, мифологию, религию, музыку и т.д.

Образование, по Аристотелю, охватывает всю жизнь человека. От рождения до 17 лет воспитывается чувственная часть души, посредством грамоты, счета, геометрии, музыки. С 17 до 30 лет - период воспитания воли, для чего необходимы: гимнастика, воинская повинность (с 17 до 20 лет), а также систематическое занятие науками: арифметикой, геометрией, стереометрией, астрономией и акустикой. Те, кто успешно прошел обучение, допускаются к высшему образованию, с 30 до 35 лет, где занимаются диалектикой - наукой о последних основаниях бытия - это

образование разума. С 35 до 50 лет проходит государственная служба, где наиболее отличившиеся в занятиях диалектикой занимают высшие должности. С 50 лет граждане приобретают свободу действовать, за исключением тех, кто становится архонтами.

Несмотря на то, что история показала утопичность идей Платона, и перед обществом и образованием сегодня стоят иные задачи, его “Государство” до сих пор является шедевром целостного подхода к человеку и обществу в неразрывном единстве философской, социальной, педагогической и этической проблематики, нашедшее свое разнообразное преломление в работах таких крупных мыслителей как Гегель, В. Соловьев и др.

В основе философии Гегеля лежит учение о саморазвитии Абсолютной Идеи, сформулированное им в “Феноменологии духа”, раскрытию которого было посвящено все дальнейшее философское творчество этого мастера. Одной из важнейших частей учения является “Философия духа”, где идея, возвратившись из своего инобытия (“Философия природы”), обретает свою конкретность. “Познание духа есть самое конкретное и потому самое высокое и трудное... Трудность философского познания духа состоит в том, что при этом мы имеем дело уже не со сравнительно-абстрактной, простой логической идеей, но с самой конкретной, самой развитой формой, которую идея достигает в своем собственном осуществлении” [2, с.6]. В “Философии духа” раскрывается сложный комплекс философских, антропологических, социальных, педагогических и правовых проблем. Гегель рассматривает человека в трех аспектах: как отдельно взятого индивидуума (субъективный дух), как социальное существо (объективный дух), и, наконец, в своем высшем развитии (абсолютный дух). Венчает бытие человека философия, которая суть “сама себя сознающая истина, сам себя познающий разум” [2, с.310]. По мысли Гегеля, все на свете стремится к философии. Она, являясь синтезом искусства и религии откровения, и есть истинная цель, ибо в ней полностью себя реализует Абсолютная идея. Поэтому стремление ко всеобщему есть то единственно достойное, что должно составлять основу человеческой жизни. Отсюда особенности гегелевского понимания образования. Гадамер в работе “Истина и метод” отмечал, что Гегель одним из первых фундаментально разработал понятие образования.

Гегель считал, что сами условия существования философии кроются в образовании, ибо оно связано с бытием духа. Человек имеет две стороны: природную и духовную. Рассмотренный с точки зрения последней, человек нуждается в образовании, которое, в свою очередь, разделяется на

теоретическое и практическое. Теоретическое образование позволяет постигать предмет в его всеобщности, в сути. Практическое - позволяет целостно прорабатывать предмет, делая его своим, не оставляя в нем ни одной непроясненности: “к образованности относится умение судить об отношениях и предметах действительности... Эти аспекты открываются человеку не непосредственно через созерцание, а благодаря занятиям этой вещью” [1, с.62-63]. Синтез теории и практики образования есть диалектический путь раскрытия Абсолютной Идеи в восхождении ко всеобщему путем отчуждения от себя, узнавания в чужом своего и возвращения к себе из инобытия, но обогащенного этим инобытием. Образование в своем высшем смысле есть, по Гегелю, призвание, понимание и покорность, которому есть условие актуального присутствия духа в человеке.

В.Соловьев в “Оправдании добра” ставит ключевую проблему нравственной философии - реализацию положительных нравственных начал в жизни. Добро рассматривается в трех аспектах: добро в человеческой природе в виде стыда, жалости, благоговения, образующих аскетическое, альтруистическое и религиозное начало нравственности; добро от Бога, как “действительность совершенного Добра” [6, с.62], и, исходя из этого, осознания собственного несовершенства и необходимости совершенствования как жизненной задачи; последняя требует рассмотрения добра через историю человечества, соотношения личности, решения социально-экономических и юридических вопросов. Осуществление должного нравственного порядка видится Соловьеву как путь от природного человечества к Богочеловечеству. Отсюда вытекает специфика его педагогической точки зрения. По мысли Соловьева: “воспитание существенно состоит в передаче нравственной обязанности от одного поколения к другому” [6, с.497], а значит и общий положительный принцип педагогики таков: “нерасторжимая связь поколений, поддерживающих друг друга в прогрессивном исполнении одного общего дела - приготовления к явному Царству Божию и к воскресению всех” [6, с.498].

В задачу статьи не входит детальное исследование намеченных вопросов, но как видно из вышеизложенного: и в построении идеального государства Платона, и в раскрытии Абсолютной Идеи Гегеля, и в Богочеловеческом процессе В.Соловьева, образованию принадлежит одна из ключевых позиций. Суть ее в том, что здесь дается не просто та или иная теоретическая доктрина, но именно конкретное воплощение и платоновских идей, и гегелевского панлогизма, и метафизики всеединства В.Соловьева, как бы мы к ним ни относились. Поэтому наряду с

онтологией и гносеологией образование впитывает в себя такие практические аспекты как этику, социологию, политику, религию.

Помимо указанных мыслителей и их работ, на становление философии образования существенно повлияли: “Социальная педагогика”, “Философия как основа педагогики” П.Наторпа, “Психология и педагогика мышления” Д.Дьюи, “Основы педагогики” С.Гессена, а также работы, непосредственно высветившие философский статус образования: “Истина и метод” Х.- Г. Гадамера, “Учение Платона об истине” М.Хайдеггера, “Формы знания и образование” М.Шелера. Отечественная традиция также содержит немало славных имен, наследие которых нуждается в актуализации и переосмыслении, это Г.Сковорода, А.Хомяков, И.Киреевский, П.Юркевич, Л.Толстой, И.Ильин, П.Флоренский и др.

Раскрывая особенности XX столетия относительно философии образования, А.Огурцов выделяет в ее становлении два этапа, больше подразумевающая западную традицию [8, с.21-33]. Если в первой половине века формирование философии образования происходило путем приложения фундаментальных философских принципов к образовательной действительности и ее переосмысления, исходя из них, то во второй половине наблюдается институализация философии образования и ее отделение от общей философии, свидетельством чему является выход в 60-е годы в США ряда крупных работ по философии образования [3, с.578]. Причем современная реальность рассматривается как реальность разноречья отдельных групп и альтернативных программ образования, среди которых:

- эмпирико-аналитическое направление, где основными проблемами являются структура педагогического знания, статус педагогической теории, взаимоотношение ценностных суждений и высказываний о фактах, дескриптивная и нормативная педагогики (А.Фишер, Р.Лохнер, В.Брезинка);

- гуманитарная педагогика - линия историцизма В.Дильтея, здесь исследуется специфика методов педагогики как науки о духе (Г.Ноль, Т.Литт, В.Флитнер, Э.Венигер);

- диалогическая педагогика, где раскрывается диалогическая и коммуникативная природа образования, основной акцент на ситуации встречи учителя и ученика (М.Бубер, Ф.Розенцвейг, О.Розеншток-Хюсси);

- педагогическая антропология, герменевтика, экзистенциализм, где основная задача - выявление смысла образования, формирование нового образа человека, адекватного его бытию (Х.-Г.Гадамер, М.Шелер, М.Хайдеггер, О.Больнов, Г.Рот, М.Лангевилд) [8, с.22].

Однако, было бы верхом несправедливости говорить о том, что отечественная философия в XX веке была в стороне от проблем образования. Среди философско-педагогических идей необходимо отметить концепцию поэтапного формирования умственных действий П.Гальперина, идеи развивающего обучения В.Давыдова, проблемное обучение И.Лернера, школу диалога культур В.Библера, методологизацию содержания и процесса обучения Г.Щедровицкого и Н.Алексеева, модульное обучение А.Ракитова. Помимо этого, собственно философские исследования Э.Ильенкова, А.Ракитова, В.Лекторского, А.Огурцова, В.Розина, Н.Розова, В.Купцова, Б.Гершунского. Среди украинских философов, занимающихся философскими проблемами образования, следует отметить В.Лугая, И.Зязюна, Г.Сагача, Т.Пикашову, а также днепропетровчан: В.Шубина, М.Романенко, В.Панфилова, В.Капитона, Ю.Нарижного, Е.Смотрицкого и др. Другое дело, что особо о философии образования заговорили с 90-х годов, чему свидетельством публикации в центральных философских и педагогических изданиях - "Вопросах философии", "Педагогике" и др., а также выход ряда альманахов и монографий. Причем тенденция идет от философских вопросов педагогики [5, с.3-21] к собственно философии образования [8, с.3-33]. Рассмотрим некоторые аспекты.

В.Розин считает, что специфика философского подхода к образованию заключается в коренном изменении понимания жизни и мышления. На смену традиционному аристотелевско-кантианскому стилю мышления пришло сначала неклассическое, а затем постнеклассическое мышление, важными чертами которого являются контекст и полифония [7, с.7-22]. В связи с этим, старая педагогическая парадигма, заложенная Я.Коменским, Ж.-Ж.Руссо, И.Песталоцци и др., исчерпала свои возможности, и требуется поиск совершенно иного подхода, который должен возникнуть не из копирования и подражания западным образцам, а изнутри, рожденный на отечественной почве. Идея нового человека, по Розину, заключается в подготовке человека к непрерывному учению, которое сопутствует процессу труда. Думается, что вряд ли эта идея нова, те же мысли были и есть у представителей классической парадигмы (вспомним хотя бы Руссо). Здесь видится принципиально иной подход в том, что учитель принципиально перестает давать определенную сумму знаний как бы "сверху", которую ученики должны усвоить, но сам трудится над определенной проблемой, в которую вовлеченными оказываются ученики, что делает их исследователями, пребывающими в постоянном поиске (это одна из серьезнейших проблем современного высшего образования). Для В.Розина философия образования не

філософія і не наука, а рефлексивне поле, характерне, скорее, для теоретическої педагогіки.

А.Огурцов не погоджен з таким розумінням, вважаючи, що воно позбавляє автономності і цінності філософію освіти і педагогіку. К цьому ж результату приводить, по його думці, і визначення П.Щедровицьким педагогіки як практики визначеної філософії (те ж думки висловлював С.Гессен в "Основах педагогіки"). Філософія освіти не може виконувати тільки рефлексивну функцію над визначеною системою виховання і освітньої культурою в цілому, вона повинна виявляти те, чого ще немає. Це є в даній кризовій ситуації, по думці А.Огурцова, виконувати прогностичну функцію [8, с.21].

Некілько інакше розуміє специфіку філософії освіти О.Долженко [7, с.22-37]. Тотальне падіння престижу освіти приводить до перегляду не тільки самих принципів, але і значення буття людини. Тому від філософських проблем освіти перешли до самої філософії освіти, при цьому, по думці О.Долженко, головні перешкоди на шляху думки про освіту - здоровий глузд, а точніше, розсудок і емпірика. І якщо в вузькому значенні філософія освіти - думка філософа про педагогічну систему, то головною задачею філософії освіти виступає роз'яснення того, що таке освіта і його виправдання з точки зору самої людини і його потреб [7, с.33]. Тут можна виділити два аспекти. Перший, це зміщення смислового центру філософії освіти на проблеми онтології людини і розгляд педагогічної системи з цих позицій. Другий пов'язаний з спробою намалювати шляхи звільнення педагогіки і дидактики від виключності психології і сенсуалізму, що виступає можливим, як один з варіантів, при введенні в теорію і практику освіти ідей ейдетики феноменології Е.Гуссерля і феноменології присутності М.Хайдеггера.

Ближче, на мою думку, до онтологічного розуміння освіти стоять О.Голубева, А.Суханов і С.Смирнов. Перші висувають як пріоритетні напрями проблему цілісного буття людини в сучасній освіті [7, с.54-76]. Антитеза тут в тому, що освітній людина - це, в першу чергу, цілісна людина, що поєднує цілісне мислення і цілісне знання про світ з цілісною душею, а з іншого боку, реальний процес освіти - це складний процес, в якому сучасна епістемологія розрізняє категорії складності і складності. Школа сьогодні, по думці авторів, більше веде до розсудочному технократическому мисленню, ніж до розуму і мудрості, пріоритет "знання" над "освідомленням" - перший порок,

скрытый в приоритетах прежней образовательной системы, несущей в себе дух эпохи Просвещения. Что ж, если это и так, то к чести ее идейных вдохновителей этот недостаток ими ясно осознавался. Выражу сомнение, что это исключительная черта старой парадигмы, и что новая этого избежит. Быть может, это кантовская проблема должного, неразрешимость которой не значит ее бесполезность, но, наоборот, демонстрирует ее фундаментальность и нормативность. Данный вопрос во многом зависит как от педагогического мастерства, так и от степени “пробужденности” учащегося, недаром авторы подмечают, что глагол “учиться” имеет возвратную форму - *учить-ся*, то есть учить самого себя, самообразовываться. Пути прорыва к целостности, предложенные О.Голубевой и А.Сухановым, видятся не очень убедительными, поскольку опять апеллируют к интеллекту, научной картине мира, погружению в техногенную и компьютерную среду с тем, чтобы научить жить в условиях насыщенной и активной информационной среды. Это очень серьезная проблема, но ею не исчерпывается жизнь, и, в конечном счете, здесь опять тенденция к возврату примата “знания” над “осознанием”. То же познание может быть не только научным, но и обыденным, и мифическим, и религиозным, и с ними человек даже больше сталкивается, чем с научным, к которому не всякий имеет способности. И здесь укажем на классическую идею естественного человека Руссо, метафизику всеединства В.Соловьева, стимулировавшей поиски целостного идеала человека в философии серебряного века, идею “присутствия” М.Хайдеггера и др. В этом аспекте интересна позиция С.Смирнова [8, с.27-30].

Для Смирнова философия образования - это не академическая дисциплина, не общая теория обучения и не просто еще одна область знания. Это, в первую очередь, практика, “терапия человека, это возделывание человеческого в человеке, удерживание плана целостности его ОБРАЗА” [8, с.28]. И таковой философия образования была всегда от древних греков - “пайдейя” (просто блестяща хайдеггеровская интерпретация платоновского мифа о пещере, к которому мы еще вернемся), через практику средневековых экзегетов и мистиков, духовную практику Григория Паламы и Серафима Саровского, и кончая архитектурой личности М.Бахтина и постмодернистским дискурсом. Важными аспектами философии образования для С.Смирнова выступают метафизика образования, затрагивающая вопросы становления надперсональных, трансперсональных структур личности, построения экзистенции, постижения архетипа, обретения имени и выхода через эти структуры на путь личной истории - мифа [8, с.28], а также философская антропология с проблемами, что есть человек, его миф и экзистенция. В

онтологии человека С.Смирнов выделяет три плана: логос человека - антропология - понятие человека, постижение его природы и выстраивание этого понятия в некоем учении; номос человека - антропономика - возделывание человека, поиск его образа, становление человеческой природы, родовых личностных качеств; техне человека - антропотехника - “как” и через “что” происходит очеловечивание человека, это переход от логоса к номосу. Все три плана - поле философии образования, которая призвана задавать собой общий социокультурный и, шире, онтологический контекст философской проблематики. Таким образом, философия образования выступает, с одной стороны, как фундаментальная дисциплина - онтология человека, с другой стороны - как практика, терапия человека, подтверждая мысль В.Соловьева, что философия, как отвлеченное умозрение, закончилась, она не может быть только мыслью, но всегда опытом.

Развивая дальнейший ход мысли в сторону онтологизма образования, нельзя обойти вниманием одного из самых загадочных философов XX столетия М.Хайдеггера и его упоминавшуюся работу “Учение Платона об истине”, которая, на мой взгляд, является одной из ключевых в современном осмыслении и понимании образования, где показана тождественность образования и истины.

Хайдеггер наглядно показывает, что миф раскрывает собой существо образования и истины. Сократ обращается к Главкону в начале 7 книги “Государства”: “После этого по подобию (ниже описываемого) состояния вообрази себе (существо) образования, а также и необразованности, что (стало быть в их взаимопринадлежности) затрагивает наше человеческое бытие в его основе” [9, с.350]. Хайдеггер выделяет три смысловых аспекта образования:

- первый связан со словом “пайдейя”, которое Платон понимает как “руководство к изменению человека в его существе” [9, с.350], чему в современном языке, по Хайдеггеру, соответствует “образование”;

- второй раскрывает образование изнутри: “Образованием” сказано двоякое. “Образование”, во-первых, это образование в смысле развертывающегося формирования. Такое образование, с другой стороны, “образует”(формирует), исходя все время из предвосхищающего соразмерения с неким определяющим видом, который зовется про-образом” [9, с.350];

- наконец, третий, существенный аспект: “Противоположное пайдейе - апайдевсия, необразованность... Пайдейя несет в себе сущностную отнесенность к необразованности” [9, с.350,353].

Рассматривая первый существенный аспект, можно сразу отметить,

что образование имеет отношение не к отдельным функциям человека: познанию, воле, чувству, но, именно, захватывает человека целиком. Оно обращено к существу человека, вовлекая в себя всю его личность. Становление личности - подлинное поприще образования, и уже в нем мы можем рассматривать: познание, волю, чувство, которые входят в состав личности, но сама личность, как носитель, как телесная осуществленность этих интеллигентных категорий, несводима к ним. Этот личностный характер придает образованию онтологический статус, ибо человек бытийствует постольку, поскольку бытийствует как личность.

Однако бытие и становление личности мы можем рассматривать двояким образом. С одной стороны, мы говорим о выразительном становлении личности, то есть о таком становлении, когда выявляется лик личности. Миф наглядно показывает, как происходит постепенное преобразование существа человека с момента его освобождения, мучительного процесса восхождения к вершине, постижения истины-Солнца, до возврата обратно в пещеру. Платон описывает даже внешние перемены в человеке и удивленно-насмешливую реакцию на них узников. С другой стороны, возможно и необходимо субстанциальное утверждение человека, то есть такое утверждение, когда жизнь наполняется последним и высшим смыслом, когда человек получает оправдание своему бытию, когда он чувствует себя свободным и внешне, и внутренне. Миф рисует процесс освобождения из оков и всю трагичность этого освобождения. Ибо тот, кто сумел постичь, никогда не согласится вернуться к прежнему образу жизни, он "будет готов лучше что угодно перенести, чем копаться в тамошних (принятых в пещере) воззрениях и быть человеком по тому способу" [9, с.347]. Но он же захочет и других вывести к свету, показать им эту дорогу, что может привести его к гибели: "И разве того, кто приложил бы руку, к тому, чтобы избавить их от цепей и вывести наверх, они, не имея возможность схватить и убить такого, действительно не убили бы?" [9, с.348].

Образование в своей сущности охватывает вопросы выразительного и субстанциального существования личности. Образование есть их синтез. Однако эта синтетичность образования требует определенной смысловой детализации, которая возможна при раскрытии двух других аспектов.

Рассматривая второй аспект, необходимо сказать, что двойственность образования есть лишь закономерное диалектическое следствие. Ибо, если образование есть процесс формирования, становления, то он обязательно предполагает нечто неизменное, постоянное. Если же нет этой постоянной величины, то мы, собственно, и не можем сказать, что же становится. Человек от рождения до старости

постоянно изменяется, но, тем не менее, это одна и та же личность. В отношении образования становление происходит относительно про-образа. Но что это за про-образ, и как он проявляется в образовании?

Очевидно, что этот про-образ должен воплощать в себе всю полноту идеи образования, то есть быть конкретным идеалом личности, к которому необходимо стремиться. Он не может быть отвлеченной идеей личности, которая присутствует в каждом человеке, ибо она всегда вне истории, и Хайдеггер, наряду с другими мыслителями, справедливо критикует отвлеченность идеалов образования XVIII-XIX веков. Но как возможен требуемый про-образ? Он есть диалектический синтез отвлеченной идеи личности и ее алогического, в своей сути, исторического становления. В результате мы получаем идеальную выполненность чистой идеи, то есть наш про-образ. Это - предел возможной полноты воплощения идеала образования в истории. Но как он соотносится с образованием, как развертывающимся формированием?

Диалектика про-образа, отвлеченной идеи личности и ее алогического становления в истории позволяет выделить пять аспектов в реально живущей личности: 1) отвлеченную идею личности; 2) поток жизни, воплощающий эту идею; 3) про-образ, идеальное состояние, в котором максимально выражается отвлеченная идея; 4) отвлеченное выражение идеала; 5) реально жизненный лик личности. В эмпирической обстановке нас интересует из взаимодействия всех пяти аспектов только третий и пятый, то есть соотношение про-образа и реального лика личности. И в этом вся тонкость образования, ибо оно требует всей личности целиком, и здесь уместно вспомнить Гераклита, утверждавшего, что многознание уму не научает.

Образование затрагивает личность в целостности, ее существо, самые глубинные субстанциальные основы. Образование в своем задании должно воплощать ту высшую цель, к которой, сознательно или бессознательно, стремится в идеале каждый человек - абсолютное самоутверждение, "ни от чего не зависеть, или зависеть так, чтобы это не мешало внутренней свободе"[4, с.561]. Трудность этой реализации и дает понимание той неудовлетворенности системой образования во все времена, и постоянный поиск новых путей решения этой проблемы. Онтологически педагогическая система получает свое оправдание, когда ей удастся образовать цельную личность, точнее, когда ей удастся способствовать этому, в этом ее жизненность и реализованная идея. Справедливости ради сказать, здесь мы несколько выходим за пределы собственно платоновского мифа. Для греков знание - высшая добродетель, невежество порождает зло, и его искоренение возможно лишь при

правильном познании. Однако история свидетельствует, что само по себе знание не избавляет от общественного зла. Необходимо именно изменение человека в его существе, что конечно же реально достигается не всегда, не везде и не всякой системой обучения. Миф показывает и реальную картину состояния людей, и идеальную картину тех, кто нашел в себе силы совершить этот тяжкий, мучительный путь постижения истины. Понимание третьего аспекта образования выводит нас к проблеме соотношения образования и истины.

Диалектически необходимо, что образование было существенно отнесено к необразованности. Когда мы определяем образование, мы ограничиваем его от всего иного, то есть от необразованности, и эта необразованность есть смысловое становление самого образования. В этом секрет сократовского: “Я знаю, что ничего не знаю”. Если чего-то не знаю, то могу узнать, могу образовываться. Если образовываюсь, то значит есть то, чего не знаю, и это стремление преодолеть незнание ведет меня к ее раскрытию. Поэтому Хайдеггер трактует образование еще и как обращенность, в смысле того поворота, пути, который есть “переход к ней, пайдейе (образованию - С.Ш.), из апайдевсии (необразованности - С.Ш.)” [9, с.350], и который необходимо пройти, чтобы эта обращенность состоялась, ибо “существо пайдейи не в том, чтобы загрузить неподготовленную душу голыми знаниями, словно первый попавшийся сосуд. Подлинное образование, наоборот, захватывает и изменяет саму душу, и в целом перемещая сперва человека в место его существа и приучая к нему” [9, с.350]. Здесь и кроется соотношенность образования и истины.

Миф рисует иерархичную последовательность состояний: состояние в оковах, состояние освобождения из оков, состояние мучительного восхождения к вершине, состояние одиночества и узрения Солнца, состояние возврата в пещеру, отражающих собой определенные смысловые ступени единого процесса образования, в котором человек открывает для себя истину. “Пайдейя означает обращение человека в смысле приучающего перенесения его из круга ближайших вещей, с которыми он сталкивается, в другую область, где является сущее само по себе. Это перенесение возможно лишь благодаря тому, что все прежде открытое человеку и тот способ, каким оно ему было известно, делаются другими. То, что является человеку так или иначе непотаенным, и род этой непотаенности должны перемениться. Непотаенность называется по-гречески “алетейя”; это слово переводится как истина” [9, с.351].

На ступени, когда люди находятся в оковах, Платон характеризует истину как “непотаенное”: тогда “сплошь да рядом и принимали бы за непотаенное не что другое как тени той утвари” [9, с.351].

Когда человек освобождается от оков, и его тянут к выходу из пещеры, то здесь истина находится в кругу того, что “непотаянное”: “Он будет ранее виденное считать более непотаянным, чем теперь показываемое” [9, с.351].

И, наконец, когда появляется возможность узреть само Солнце, то есть высшую истину, она ему открывается как “непотаяннейшее”, и хотя Платон в мифе не употребляет такого обозначения, Хайдеггер указывает на другое место в “Государстве” - кн. 6, с. 484: “вглядывающиеся в непотаяннейшее” (как характеризуются философы). “Непотаяннейшее обнаруживает себя в том, что каждый раз есть сущее... “Непотаяннейшее” называется так потому, что оно заранее является... открытым” [9, с.352]. Это и есть момент слияния образования и истины, тождества пайдеи и алетей. Это состояние освобожденности, настоящей свободы. “Настоящее освобождение - это постоянство обращенности к тому, что является в своем “виде” и есть в этом явлении непотаяннейшее. Свобода существует только в качестве такого рода обращенности. Последняя только и доводит до полноты существо пайдеи как обращения. Сущностная полнота “образования” может поэтому осуществиться только в области и на основе непотаяннейшего, то есть истиннейшего, то есть собственно истины” [9, с.352-353]. Сделаем еще один небольшой штрих. Образование соотносено с необразованностью, которое есть смысловое становление образования. Но что значит “непотаянное”? Диалектически это значит, что ее смысловой границей, оформлением служит “потаянное”. “Для непотаянного оказывается существенным не только то, что оно тем или иным способом делает доступным явное и держит его открытым в явлении, но и то, что непотаянное постоянно преодолевает ту или иную потаянность потаянного” [9, с.353]. Этот характер преодоления и потаянного, и необразованности, приводит к смысловому тождеству образования и истины не только в кульминационной точке полной обращенности к непотаяннейшему, но и в их целостном единстве.

Таким образом, гениальной заслугой Хайдеггера является обоснование подлинно философского, и, более того, метафизического статуса образования, что полнее демонстрирует сущностную корреляцию педагогики и философии. Укорененность образования в самом существе человека требует, помимо раскрытия сути образования, еще и прояснения существа человека, тех интерпретаций его, которые существуют в истории. Тем самым, мы подходим к проблеме антропологии человека.

М.Шелер в статье “Человек и история” отмечал, что “глубочайшую причину нынешней ожесточенной борьбы столь многочисленных и столь

различных исторических и социологических (добавим и педагогических-С.Ш.) концепций следует усматривать в том, что в основе всех этих воззрений на историю лежат принципиально различные идеи о сущности, структуре и происхождении человека” [10, с.73], причем, и это важно, независимо от того, осознается ли это или не осознается. Шелер выделял пять основных антропологических концепций:

- иудейско-христианскую, основанную на ветхо- и новозаветном понимании человека, сотворенного по образу и подобию Божию, павшего во грехе и мучительно обретающего потерянный рай (Августин, Григорий Палама, В.Соловьев, Н.Бердяев и др.);

- античную *homo sapiens*, где человек наделен божественным началом-логосом, которое образует и формирует собой мир, и в качестве человеческого разума представляет собой могучую силу, чтобы претворять в действительность свои идеальные содержания. И в этом взгляде на человека едины, при всей их разности в доктринах, Аристотель и Фома Аквинат, Декарт и Лейбниц, Кант и Гегель, в чьей философии этот принцип получает наивысшее утверждение;

- позитивистско-прагматическую *homo faber*, согласно которой человек есть существо наделенное влечениями, и все душевное и духовное здесь понимается, исходя из влечений; мысли, желания, высшие эмоциональные акты - знаковый импульс влечений (Гоббс, Руссо, Шопенгауэр, Ницше, Фрейд);

- декаданса, в которой человек есть дезертир жизни, ее основных законов и священного смысла, он - тупик жизни вообще, он как таковой есть болезнь, смертельный диагноз, и выздороветь сможет, если откажется от тотального господства разума, рассудка, обособляющих его от бытия, в пользу дионисического слияния с природой (Шопенгауэр, Лессинг, Ницше, Шпенглер);

- сверхчеловека, являющуюся особенностью XX столетия, в которой самосознание взлетает на небывалую высоту; “Бог умер”, по словам Ницше, ибо ему нельзя жить во имя ответственности, свободы, предназначения, смысла бытия человека (Ницше, Н.Гартман, В.Ленин, М.Горький).

К этим пяти концепциям можно добавить еще одну, актуализация которой, как правило, приходится на переходные этапы в истории общества, и которую можно было бы назвать эклектичной (поскольку вышеперечисленные взгляды стремятся не просто как-то отмежеваться, но даже “анафематствуют” друг друга), представляющую собой удивительную по сочетанию мешанину восточной философии, оккультизма, теософии, претендующая на всеобщий синтез (Блаватская,

Рерихи и др.), и неясно чего здесь больше - неоправданных амбиций или недалекого понимания специфичности исторических типов культуры. Во всяком случае, имеется попытка до-личностную буддийскую пустоту “привить” к духовной индивидуальности человека в христианстве - поистине “мичуринский” эксперимент.

Взаимное сочетание этих шести антропологических концепций представляет собой далеко не безобидное зрелище, порождая те духовные катаклизмы, которые особенно сильны в XX столетии, возвещая собой то пессимистические ожидания будущего (Шопенгауэр, Ницше, Шпенглер), то эсхатологические мотивы (В.Соловьев, Н.Бердяев).

Можно ли сегодня говорить о философии образования, как о самостоятельной отрасли знания, как о науке, имеющей собственный статус? Если обратиться к публикациям, то однозначно ответить сложно, уж слишком противоречивы взгляды философов, педагогов, ученых, затрагивающих эту проблематику. Несомненно одно, кризис педагогической системы, переживаемый в последние десятилетия, и не только в нашей стране, вызвал к жизни феномен философии образования, игнорировать который невозможно, даже если он еще не имеет собственного статуса. Статья преследовала собой цели больше информационно-обзорного плана, хотя здесь представлена далеко не вся проблематика пересечений философии и образования. Но даже и выделенные историко-философские аспекты присутствия образования в философии, на примере Платона, Гегеля, В.Соловьева, небольшой экскурс в тематическое поле современных проблем философии образования, прояснение онтологической природы образования М.Хайдеггером, вскрытие ее антропологических основ М.Шелером, позволяют нам, наряду с П.Наторпом и Д.Дьюи, В.Розановым и С.Гессеном, спросить: достаточно ли сегодня педагогике только психологии и физиологии для собственного обоснования и разрешения той кризисной ситуации, которая охватила мировую педагогическую систему в целом, можем ли мы быть сегодня в стороне от ведущей европейской мысли и вправе ли предавать забвению собственное интеллектуальное и духовное наследие. Одним словом, долго ли будет еще стоять стена непонимания между педагогами и психологами, с одной стороны, и философами, с другой, и как им сделать шаг навстречу, чтобы понять друг друга?

Думается, что сегодня предстоит большая работа по прояснению и осмыслению философских основ педагогики, дидактики, методологии, антропологических аспектов психологии и физиологии, освобождению педагогики и дидактики от тотальности психологизма и эмпиризма, нахождению взаимных корреляций между онтологическими и

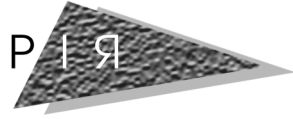

антропологическими сторонами образования, феноменологическому фундированию педагогики, осмыслению педагогических новаций с точки зрения постнеклассического мышления, и, наконец, выходу к сущностным изменениям в характере и структуре педагогической системы в целом, что, безусловно, невозможно без соответствующих перемен в обществе.

В сказке обычно добрый молодец выбирает дорогу и, в конце концов, успешно проходит все испытания, а что же будет с образованием?

Список литературы:

1. Гегель. Работы разных лет в 2-х т. Т.2. -М., 1973.
2. Гегель. Философия духа / Энци. философ. наук. Т.3. -М., 1977.
3. Гершунский Б.С. Философия образования для XXI века. -М., 1998.
4. Лосев А.Ф. Диалектика мифа / Из ранних произведений. -М., 1990.
5. Образование в конце XX века / Вопросы философии. №3, 1992.
6. Соловьев В.С. Оправдание добра / Соч. в 2-х т. Т.1. -М., 1989.
7. Философия образования (сборник текстов). -М., 1996.
8. Философия образования: состояние, проблемы, перспективы / Вопросы философии. №11, 1995.
9. Хайдеггер М. Учение Платона об истине / Время и бытие. -М., 1993.
10. Шелер М. Человек и история / Избранные произведения. -М., 1994.

Б.В. Малиновский

Правоохранительная практика австро-венгерских и германских войск в Украине в 1918 г.

Малиновский Борис Владимирович - аспирант кафедры всеобщей истории Днепропетровского государственного университета

Официальное назначение австро-венгерских и германских войск в Украине в 1918 г. заключалось в том, чтобы помочь местным правительствам Украинской Народной Республики (УНР), затем Украинской Державы (УД), утвердить и обеспечить в стране режим законности и правопорядка (включая сюда элементарное подчинение общества власти). Говоря иначе, в структуре государственного управления УНР и УД союзным войскам отводилась роль правоохранительных органов и внутренних войск. Реально эти силы переняли также функции судопроизводства.

Цель этой статьи, опираясь на данные украинских источников, рассмотреть, как была организована и как действовала созданная войсками правоохранительная система, то есть, как они выполняли взятую на себя задачу.

Следует сразу оговориться, что представленный ниже материал освещает главным образом положение в городах, точнее, в тех местах, где войска имели стационарное расположение. В селах, куда они наведывались только время от времени и с которыми у них были связаны особые интересы, ситуация имела свою специфику. Соответственно, она требует отдельного изучения.

Главная особенность законоутверждающей деятельности союзных войск в Украине состояла в том, что эта деятельность почти не сочеталась с широкими социально-экономическими и социально-политическими преобразованиями. Порядок в стране насаждался и поддерживался силой, ставка была сделана на подавление и пресечение. Что же касается назревшего реформирования, то республиканское правительство провести его не сумело, а гетманское - отложило на потом. Таким образом, система не предусматривала устранение условий, породивших беспорядки, и на практике утверждение порядка сводилось к нейтрализации всех, кто ему не соответствовал и мешал.

Обезвредить всех, кто угрожал порядку - предварительно эта задача выглядела не особенно сложной, ибо число последних, как представлялось, было не слишком велико. "По всем сведениям, терроризируют страну только 10-12% крестьян. К ним, по всем сообщениям благомыслящих кругов населения, присоединяются в качестве агитаторов евреи, которые возбуждают крестьян к уничтожению озимых посевов", - говорилось в одном из приказов ген.-фельдм. Эйхгорна, возглавлявшего германский контингент в Украине [1].

В реальности же, круг врагов порядка оказался значительно шире.

Во-первых, кроме евреев-агитаторов и мятежных крестьян туда попал целый ряд других категорий населения.

Во-вторых, по некоторым признакам число нарушителей вмещало едва ли не всех жителей Украины, безотносительно их общественного положения и отношения к власти. Речь идет, прежде всего, о незаконном хранении оружия, которое тогда в Украине имели почти все.

В-третьих, одной из основ правоохранительной практики союзных войск был принцип коллективной ответственности. Считалось, что население в целом всегда прямо или косвенно причастно к индивидуальным проступкам, и потому будет вполне справедливо за действия одного наказывать всех. Другим следствием такого взгляда на вещи являлось убеждение, что безвинных не бывает, и, соответственно, не следует особенно беспокоиться по поводу случайных жертв.

Концепция правоохранительных мер союзных войск как руководство к действию основывалась также на ряде других базовых установок. В первую очередь, военные исходили из того, что действовать надо быстро и решительно, избегая лишних проволочек: во-первых, так и должно поступать армейцам, во-вторых, собственные интересы требуют усмирить страну в предельно сжатые сроки. Далее: цель - порядок - безусловно оправдывает средства. Поэтому опять же не следует бояться случайных жертв: процент таковых есть всегда, это неизбежно,

такова цена порядку. Иными словами, приоритетным признавалось правило, что лучше наказать сотню невиновных, чем оставить без наказания одного виновного (тем более, что виновны так или иначе все). Подозрения без доказательства вполне достаточно, чтобы применить к человеку меру воздействия. Наконец, наказуемы не только поступки, и не только замыслы, но и сама по себе потенциальная способность вынашивать такие замыслы, то есть пресловутая неблагонадежность.

Перечисленные нормы применялись не всегда и не всеми, но в целом система строилась именно на них.

Каковы же были основные направления деятельности союзных войск в Украине ?

Прежде всего, войска несли караульную службу: охраняли склады (в первую очередь, военные - наследство бывшей российской армии), сооружения на железной дороге, тюрьмы, телефонные и телеграфные линии, административные учреждения и еще некоторые другие категории объектов. Например, в Подолии с апреля австрийские посты были выставлены на всех конных заводах [2]. Вводилось также круглосуточное конное и пешее патрулирование городов. Особенно тщательно войска следили за безопасностью коммуникаций, в частности, мостов. Так, в Екатеринославе 19 июня была создана особая гаванная команда во главе с фрегат-лейтенантом Летей. Согласно приказу, команду образовывали четверть кавалерийского эскадрона, треть артиллерийской батареи и телефонный патруль. В своем распоряжении она имела 10 прожекторов и 4 моторные лодки. Назначение ее было следующее:

а) охрана Екатеринославского железнодорожного моста против саботажа, контрабанды;

б) препятствование перевозке оружия, передвижению банд и контрабанды вверх по Днепру через Верхнеднепровск - Мишурино Рог за пределы губернии;

в) оказание помощи речной милиции на указанном участке “ [3].

Под Аккерманом австрийские патрули стерегли леса для предохранения от самовольных вырубок крестьянами. 16 октября вышел приказ о том, что раз в неделю австрийское военное судно будет курсировать вдоль морского побережья между Херсоном и Одессой, проверяя документы у подозрительных кораблей (*verdaechtige Fahrzeuge*). Смысл этой меры заключался в том, чтобы обезопасить море от пиратов (*Seeraeuber*) [4].

Другой обязанностью войск стало разоружение гражданских лиц. Первоочередность этой задачи была очевидна: благодаря тому, что миллионы солдат бывшей российской армии после ее распада вернулись

домой вместе со всем своим оружием, его в Украине в начале 1918 г. имел едва ли не каждый, и это составляло один из основных факторов политической и прочей нестабильности в стране. Не говоря уже о многочисленных бандах и остатках войск прежних правительств, в стране существовали своего рода местные армии. В городах каждый многоквартирный дом или квартал имел собственную вооруженную охрану. Оружие, которым владело население, было самое разное, включая отравляющие газы [5]. Крестьяне, имея все необходимые боевые средства, вплоть до артиллерии, вели между собой - село на село - самые настоящие сражения за помещичью землю [6]. Нормализация положения требовала, соответственно, покончить не только с частными войсками и частными войнами, но и с частными арсеналами.

Уже в марте - начале апреля в городах и селах появились приказы союзного командования о сдаче оружия. Из этих приказов граждане Украинской республики узнали, что им надлежит скорейшим образом приносить все боевое оружие, которое у них есть, в ближайшую австрийскую/германскую комендатуру или оставлять под расписку у местной администрации (в селах - у председателей волостных управ или старост). На последних, в свою очередь, возлагалась обязанность все полученное таким образом оружие передавать союзным военным властям. Срок исполнения приказа, как правило, был коротким - от недели до суток или и того меньше. Доставить оружие "сию минуту" - читаем в приказе германского коменданта ст.Ивковка (ниже, впрочем, уточнялось, что крайний срок сдачи - 5 часов вечера в день опубликования приказа) [7]. За неисполнение чаще всего грозила казнь - по приговору суда или вообще "без всяких судов и допросов" [8].

Одновременно с союзными войсками приказы о том же выпустили украинские гражданские и военные власти. По одним таким приказам надо было сдавать оружие союзным войскам, по другим - только украинским органам. Суровые кары сулили и тем, кто владел оружием, и тем особенно, кто его применял [9].

Изданием приказов войска не ограничились. По истечении срока сдачи они делали обыски. Так, в ночь на 17 марта, германские части разоружали Чернигов (собрали 100 винтовок, динамит, шашки, револьверы) [10]. 29-30 апреля австрийские войска то же самое устроили в Одессе. Итог операции - 500 револьверов, 1000 гранат, множество сабель и винтовок [11].

Отбирали оружие не у всех. Те, кому полагалось иметь его по службе, и еще те, кто вызывал особое доверие у властей, с их разрешения сохранял его и дальше. Разрешения на хранение оружия союзная и местная власти

сначала выдавали, каждая в отдельности и независимо друг от друга. Это быстро привело к сложностям, так как германские и австрийские войска часто отказывались признавать разрешения, выданные не ими.

Летом 1918 г. в тех губерниях, где стояли австро-венгерские войска, их командование предложило новый порядок разоружения. Суть новшества заключалась в том, что им предполагалось охватить все города и волости без исключения, а также в том, что документы на владение оружием приобретали унифицированный вид. Нововведенная процедура разоружения выглядела так. Оповещенное заранее население должно было складывать оружие на улице перед своими жилищами. Войска сначала должны были собирать все это, а затем идти по домам с обысками. К этому моменту там не должно было быть никого - хозяевам предписывалось выйти наружу, оставив все замки незапертыми. Сдавать следовало только боевое оружие - винтовки, пулеметы, пушки, штыки, шашки, кинжалы, пики, револьверы, снаряды, бомбы.

В соответствии с новыми нормами право иметь оружие предоставлялось только украинским государственным служащим - офицерам, вартовым, работникам почт и телеграфов, железнодорожным чиновникам. Кроме того, оружие - именные пистолеты - разрешалось сохранить бывшим российским и румынским офицерам, при условии, что "они предоставят достаточное удостоверение своей военной личности". Наконец, в правилах указывалось: "лицам, которые заслуживают доверие, может быть, в особо исключительных случаях, оставлено оружие, на выраженную просьбу и после выдачи надлежащего свидетельства". Рассматривает просьбы и выдает разрешение местный комендант.

Сообразно с принципом коллективной ответственности устанавливалось, что если после проведенного войсками разоружения кто-либо из жителей данной местности будет уличен в незаконном владении оружием, наказанию подвергнут всю местность. А именно: все выданные разрешения будут аннулированы, кроме того, командование отправит особый отряд для ежедневного поиска оружия [12].

Документ, удостоверявший право его обладателя иметь при себе оружие, назывался *Waffenpass* - паспорт на оружие. В нем в обязательном порядке значились: полностью имя и фамилия его владельца, его адрес, возраст, приметы (рост, форма лица, цвет глаз и волос, форма рта и носа), род и калибр оружия. Кроме того, в специальной рамке было место для отпечатка большого пальца руки владельца разрешения [13].

Новые правила вступали в силу с 15 июня. Все разрешения, выданные украинскими властями до этого числа, следовало дополнить *Waffenpass*; все разрешения, выданные австрийскими или германскими властями -

обменять на этот же Waffepass. Речь, таким образом, шла о тотальной перерегистрации удостоверений [14].

Первая волна разоружения полного успеха не принесла, и власти были вынуждены возобновить кампанию. Новое распоряжение об этом Екатеринославского губернского старосты ген.-майора И.Черникова датировано 12 июля. Начиная с констатации, что население вопреки предыдущим приказам, все еще продолжает незаконно хранить оружие, староста категорически требовал расстаться с ним в срок до 12 часов дня 25 июля. Сдаче в ближайшую комендатуру подлежали все винтовки, охотничьи ружья, пистолеты, револьверы, шашки и другое холодное оружие, пушки, боеприпасы, гранаты, бомбы, взрывчатые вещества. Виновные в неисполнении передавались в руки австрийских полевых судов. Чтобы повысить эффективность меры, опять же обращались к принципу коллективной ответственности. В приказе говорилось: “Все жители одного дома отвечают за то, чтобы лицо, живущее в доме, сдало бы все свое оружие. В случае же, если последнее не исполняет приказ, то следует немедленно донести об этом в ближайшее войсковое командование. Все живущие на одном хуторе или на одном землевладении также отвечают за сдачу оружия на хуторе или хозяйстве”. Умышленное неисполнение этих требований приравнивалось к незаконному хранению оружия и каралось. За неумышленное неисполнение приказа полагались штрафы в таком размере: за хранение винтовки, пистолета, холодного оружия, пуда взрывчатых веществ или патронов - 100 рублей, пулемета - 500 рублей, пушки - 5000 рублей. Пассивное противодействие разоружению наказывалось контрибуцией, насильственное - казнью на месте [15]. Такие же распоряжения были изданы и в других губерниях. Например, аналогичный приказ Херсонского губернского старосты С.Пищевича появился 29 июня.

Максимально суровые наказания за владение оружием подтверждались и позднее. В частности, 1 сентября командование австро-венгерской Восточной армии (силы Австро-Венгрии в Украине) объявило, что владение бомбами, ручными гранатами и взрывчатыми материалами служит свидетельством планирования преступного покушения на власть и потому в соответствии с п. 327 военного уголовного устава является военным преступлением. Применительно к хранению указанных предметов в местах размещения Восточной армии вводилось военное положение, предусматривающее смертную казнь [16].

Важно подчеркнуть, что разоружение затрагивало вообще всех частных лиц, а не только рабочих или крестьян (хотя их, конечно, в первую очередь). Например, 9 ноября проживавший на собственном хуторе

недалеко от Овидиополя Одесского уезда граф Ю.К.Стибор-Мархоцкий жаловался в Союз земельных собственников, что в свое время австрийская комендатура конфисковала у него все оружие, включая коллекционные сабли и дуэльные пистолеты, и теперь, когда “по соседству все вооружены”, граф чувствовал себя совершенно беззащитным [17].

Наряду с охраной объектов и разоружением населения, войска отвечали за нейтрализацию “преступного элемента”.

Для гражданина УНР, затем УД существовало три возможности оказаться под арестом: в результате облавы; вследствие розыскных мероприятий, касавшихся персонально его; наконец, в том случае, если был застигнут в момент, когда нарушал закон.

Облавы войска устраивали на преступников вообще (с целью оздоровить обстановку в определенном районе) или на какую-то категорию преступников. Например, 8 августа войска и варта организовали облаву в рабочих кварталах Жмеринки. Акция касалась двух категорий нарушителей. Надо было задержать, во-первых, инициаторов забастовки на железной дороге и, во-вторых, ряд “неблагонадежных”, которых разыскивала варта. По обоим пунктам облава завершилась успешно. Власти схватили руководителей забастовки, нагнали страху на остальных бастовавших, в результате чего забастовка прекратилась. Была арестована целая группа членов революционных партий. Из последних почти всех выслали затем в Германию на принудительные работы [18].

В марте в Никополе Г.Д.Бойко, 26 лет, поспорил со своим соседом Ф.З.Станикостом, 35 лет, по поводу забора, который Бойко хотел строить на меже их хозяйств. Спор вышел жаркий, и в пылу полемики Станикост пригрозил взорвать соседа вместе со всем семейством. Бойко испугался (по слухам, у Станикоста во дворе действительно была бомба) и донес на него австрийским властям. Те прибыли на место и арестовали обоих. Бойко быстро отпустили, а у Станикоста на чердаке в самом деле нашли австрийскую ручную гранату. Задержанный объяснял это тем, что сын-подросток подобрал ее на огороде, а он хотел сдать, но не успел. Так Станикост оказался под стражей у австрийских властей [19].

Наконец, как и всякая другая правоохранительная структура, войска были ориентированы на задержание нарушителя в момент и на месте нарушения. Например, патруль арестовал человека, у которого было с собой незарегистрированное оружие. Так, в Одессе на Пересыпи 12 мая около 10 часов вечера чины австрийской полевой жандармерии остановили и обыскали Г.С.Бойченко, 18 лет, который перед тем “проводил домой знакомую девицу”. При обыске обнаружилось, что

Бойченко был отменно вооружен. Не считая револьвера Смит-Виссон, он имел при себе резиновый шарик, обернутый в носовой платок, такое приспособление, как сразу определили знающие жандармы, применяется для нанесения удара. Разрешения на револьвер не было, и Бойченко передали украинской комендатуре, с тем чтобы в последствии он предстал перед судом. До суда, впрочем, дело не дошло, через несколько дней парня отпустили. Надо полагать, возымели действие доводы хлопотавшего за него брата. В своей апелляции к властям он делал акцент на то, что семья живет в пригороде, где издавна существует вражда между рабочим классом и преступным элементом, которым изобилуют все окраины г.Одессы, то, естественно, честному человеку с наступлением сумерек нельзя без риска выходить из дому [20].

Безусловно, патрули ловили также и настоящих преступников, хотя опять же, не без казусов. Так, 7 мая в той же Одессе некий сторож выстрелил в воздух, чтобы отогнать налетчиков от магазина. Грабители бежали, но на выстрел явился австрийский патруль и арестовал сторожа, у которого, как и у Бойченко, не оказалось разрешения на оружие [21]. По меньшей мере, военные в данном случае засвидетельствовали свою правоохранительную состоятельность: выстрел в ночи без внимания не остался.

Войска при всем прочем занимались розыскной работой. Делали это небезупречно, так что об отдельных случаях мы узнаем из жалоб случайно пострадавших лиц. Например, 5 августа жительница Одессы Д.Л.Гуревич жаловалась одесскому городскому голове на обстоятельства, лишившие ее семью единственного кормильца. 26 июля к ней домой явились двое австрийцев и русский в штатском. Они искали какого-то француза, не нашли и удалились. На следующий день явились снова и теперь хотели видеть квартиранта - румынского подданного Д.Рахмата, которого в то время не было дома. "Свое желание арестовать его они мотивировали тем, что он должен быть товарищем искомого француза и должен знать его местопребывание". Так как Рахмата на месте не оказалось, военные забрали с собой мужа Д.Л.Гуревич, пообещав вернуть его, как только к ним придет Рахмат. Когда тот наконец объявился, Гуревич уговорила его отправиться в комендатуру. Там его арестовали, но и мужа Гуревич почему-то не отпустили. И вот, она очень просит городские власти ходатайствовать перед австрийским начальством об освобождении ее мужа, так как "при настоящих крайне тяжелых жизненных условиях его арест [...] грозит мне и детям в буквальном смысле голодом" [22].

Типологически все случаи задержания можно разделить на две

группы: аресты по конкретной причине и аресты ввиду принадлежности человека к той или иной общности, признанной властями антисоциальной.

Конкретные поводы для арестов могли быть самые разные. Кроме тех, которые были приведены выше, можно назвать еще несколько. 20 мая вечером одессит по фамилии Вайнштейн в Гражданском клубе (Ришельевская, 38) будучи “в не совсем трезвом состоянии” (формулировка из позднейшего ходатайства его матери) имел неосторожность заявить своему собеседнику, австрийскому офицеру, что слышал, будто в Германии подделывают русские деньги. Офицер немедленно арестовал его [23].

В той же Одессе в ночь с 19 на 20 июня в ночном ресторане несколько бывших российских гвардейских офицеров заказали оркестру марш Преображенского полка. При этом присутствовали офицеры- австрийцы, и на следующий день были арестованы и музыканты, и любители гвардейских маршей. В вину им вменялась антиавстрийская демонстрация [24].

Другими поводами для ареста могли стать подделка денежных знаков, подозрение в поджоге, спекуляция и т.д. и т.п. Чаще всего задерживали по обвинению в агитации или действии против существующей власти, за хранение оружия, нарушение общественного порядка.

Перечень жертв статусно ориентированных репрессий был достаточно обширен.

В первую очередь, сюда входили активные политические противники режима, прежде всего - сторонники советской власти. Если надо было дать им обобщенное название, как правило, употребляли слово “большевики”. Кроме собственно большевиков под это определение попадали эсеры, анархисты, беспартийные, как-либо связанные с советским режимом. С недоверием относились к социалистическим партиям вообще, расценивая их, как угрозу существующему социальному строю. Например, известны случаи, когда причиной ареста становилась принадлежность к меньшевикам [25].

Большевицкая репутация того или иного человека вполне могла стать, и очень часто становилась, основанием для репрессий. При этом, с точки зрения властей, не было особенно важно, действительно ли тот или иной “большевик” (в широком смысле - как политический противник порядка, носитель деструктивности) был причастен к преступлениям советской власти или занимался антиправительственной деятельностью на момент ареста. Имел значение сам статус, чего было вполне достаточно, чтобы, по меньшей мере, взять человека под стражу. Например, 11 июля

на ст.Березовка под Одессой австрийские власти арестовали вартового за то, что обиженный им обыватель указал на него, как на “большевика” [26]. В документах, содержащих обоснование ареста военными властями того или иного гражданина Украины, чаще всего отмечалась его “большевистская” принадлежность, и далеко не всегда присутствовали конкретные данные о составе преступления. К примеру, в сопроводительных документах на семерых арестованных, которых австрийские власти передали украинским 28 июня (Одесса), только о двух из семи сказано нечто определенное: один “задерживал самовольно людей, постоянно грозя оружием”, другой “захватил 1300 рублей контрибуции, помогал большевикам, принуждал раненых к работе”. Об остальных же говорилось только, что они - “большевик”, “комиссар”, “видный агитатор”, “красногвардеец”, “член советского комитета” [27].

В глазах союзного командования частным проявлением “большевизма” в широком смысле было движение вольных казаков. Оно возникло летом-осенью 1917 г. и представляло собой попытку возродить в Украине казачество, прежде всего как военную организацию. В качестве таковой вольные казаки получили официальное признание правительства УНР и на его стороне сражались с красными частями во время первой украино-советской войны. Движение вольных казаков было по преимуществу крестьянским, то есть объединяло людей, в массе своей недовольных реставраторской политикой гетмана и настроенных бороться с ней. Кроме того, идеологически казаки находились под влиянием украинских эсеров и социал-демократов. Потому закономерно, что весной-летом 1918 г., имея оружие, организацию и боевой опыт, вольное казачество выступило естественной основой для формирования антигетманских повстанческих отрядов.

Там, где казацкие сотни уже существовали, например, в знаменитой Звенигородке - они рано или поздно в части своей втягивались в борьбу с союзными войсками. В тех же местах, где их не было, они создавались крестьянами специально с этой целью. Например, начальник милиции первого района Каменецкого уезда Волошин 10 апреля сообщал своему руководству кроме прочего следующее: “вчора відбувся Гаврилівський волостний сід, на котрім ухвалено зорганізувати вільне козацтво числом 250 чоловік і всіма заходами боротися проти повернення власності поміщикам” [28].

По настоянию германского командования правительство УНР объявило о роспуске вольноказацкого войска. Тем самым, все действующие формирования казаков ставились вне закона. Кроме того, союзное командование постаралось обезглавить движение. Так, в ночь с

6 на 7 июня в Екатеринославе были арестованы братья Гавриил и Николай Воробьевы (Горобці) - организаторы и руководители вольного казачества на Екатеринославщине. Оба они были членами УПДСР и занимали видное место в украинских кругах Екатеринослава. Однако, национального подтекста их арест не имел. В уезде в то же самое время австрийские войска вели бои с бывшими вольными казаками, и арест их прежних лидеров был связан именно с этим [29].

Представление о суровых гонениях, которые немцы якобы направили воздвигли на все сознательное украинство в 1918 г., грешит явным преувеличением. К тому же, преследовали украинских деятелей, в отличие от тех же большевиков, чаще всего не за их убеждения и не за принадлежность к своей группе, а за конкретные проявления ими политической нелояльности или нарушения закона. Пророссийски настроенная общественность гетманской Украины, наоборот, была склонна подозревать союзников в тайном благоволении к украинцам. У украинцев был своего рода комплекс, заставлявший их видеть национальное угнетение даже там, где на него не было и намека.

Немецкое командование с недоверием относилось и к рабочим, как социальной группе (“все рабочие настроены большевистски”) [29a]. Но об огульном преследовании рабочих за одну только принадлежность к своей группе, безусловно, не могло быть и речи. Объектом репрессий они становились лишь тогда, когда давали к тому повод, например, такой специфически присущий почти только им, как забастовка.

Врагами порядка в стране австрийские и германские войска считали также евреев. С этим убеждением союзники явились в Украину и упорно придерживались его вплоть до самых последних дней своего пребывания здесь. Так, в служебной переписке гетманских должностных лиц Юга Украины, датированной сентябрем, отмечалось: “Германские власти в своих донесениях вполне отдают себе отчет в непрекращающемся состоянии анархии и при этом определенно и настойчиво указывают, что инициаторами и вожаками являются евреи.”[30] Если верить киевскому адвокату А.Гольденвейзеру, очевидцу тех событий, именно евреи стали основной жертвой преследований союзных войск в городах [31].

Кроме прочего, союзные войска преследовали граждан стран Антанты, находящихся в Украине. В июле австрийское и германское командование или, по их требованию, украинские власти издали приказ о том, что все английские, французские, итальянские, бельгийские, португальские, сербские, черногорские, греческие и американские граждане обоюго пола должны немедленно стать на учет в ближайшую комендатуру союзных войск, и что им отныне запрещено без разрешения

комендантов менять свое место проживания. За неисполнение грозило интернирование. В сентябре в австрийской зоне присутствия это требование было повторено снова. Подданным держав, с которыми Австро-Венгрия находилась в состоянии войны, предписывалось в 48 часов предоставить местным украинским или австрийским властям сведения о своем местожительстве, семейном положении и занятиях [32].

Австрийцы действительно предпринимали санкции против подданных стран Антанты. В первую очередь, пострадали их консулы. 12 июля 1918 г. представитель Председателя Совета Министров Украины в местах размещения австрийских войск С.Н.Гербель сообщал в Киев: “в теперішній час положення Консульств Франції, Англії, Італії і других воюючих з Австро-Угорщиною держав у м.Одесі прийняло доволі гострий характер, тому що хоч Українське правительство не находиться з ким-небудь у стані війни, але Австро-Угорські військові власті підозрюють вищезгаданих Консулів у таємних відносинах зі своїми Правительствами, і застосовують обшуки та винятки у Консулів, воюючих з ними Держав, що признається неприпустимим за міжнародними договорам і може викликати велике непорозуміння.”[33]

Гетманское правительство постаралось использовать трудности консулов, как средство давления на их правительства. Было решено, что, так как страны Согласия официально Украинскую Державу не признали, гетманские власти не могут обеспечить их представителям здесь дипломатическую неприкосновенность, но в частном порядке сделают все возможное, чтобы оградить их от репрессий австрийцев. Если с этим ничего не получится, то консулам помогут свободно покинуть Украину. В частности, для французского консула “следовало бы исхлопотать разрешение на беспрепятственный выезд, оговорив при этом, что украинское правительство оказывало бы ему дипломатическую защиту, если бы оно было признано французским правительством” [34].

Карательные меры против подданных Антанты коснулись также частных лиц и организаций. Так, в июле был арестован в Екатеринославе инженер-бельгиец Гастон Эмильевич Камбье, член совета Екатеринославского общества заводчиков, член правления нескольких заводов Екатеринослава, директор Бельгийского трамвая. В течение двух дней, 30 и 31 июля, Камбье был доставлен из Екатеринослава в Оршу с тем, чтобы далее быть интернированным за границу. По сведениям общества заводчиков, “вся сумма обвинений, выдвинутых против Г.Э.Камбье, сводится к созданию им во время войны завода, производящего колючую проволоку, к сдаче им в прошлом году свободной комнаты в его квартире французскому офицеру и, наконец, к

убеждению в том, что он является влиятельным лицом в колонии (иностранцев Екатеринослава)”. Военные власти даже не дали Камбье времени привести свои дела в порядок. Камбье был стар, болен и, главное, политически абсолютно лоялен. Ввиду этих обстоятельств общество заводчиков хлопотало о его возвращении в Екатеринослав. За Камбье заступились украинские власти, и в сентябре приказом командования Восточной армии ему было разрешено вернуться домой [35].

17 августа австрийские жандармы арестовали без объяснения причин ареста директора завода акционерного общества “Русский Провиданс” в Саргане г.Фурнье и заведующего магазином того же завода г.Ру (оба-французско-подданные) [36].

24 июля австрийские солдаты заняли в Одессе помещение банка “Лионский кредит”, выгнали клиентов и опечатали всю документацию. “Мы не знаем, какая цель этих действий, но во всяком случае [...] протестуем перед Вами и просим Вас передать Украинскому правительству наш протест по поводу имевшего место насилия над французским помещением”, - говорилось в обращении администрации банка к С.Н.Гербелю [37].

Наконец, объектом санационных усилий союзников стали маргинальные и криминальные группы. Борьба с ними характеризовалась стремлением добиться абсолютных результатов. В Киеве в первых числах марта германские власти устроили облавы на бродяг и попрошайек, которых в столице за время революции появилось особенно много. Всех, кого сумели поймать, вывезли куда-то за город по железной дороге. Таким образом, говорит современник, “за два дня Киев очистили от нежелательных обитателей” [38].

В Одессе в апреле местное австрийское командование предложило украинским властям выслать “все преступные элементы г.Одессы” за пределы УНР [39]. Разумеется, выслать абсолютно всех не удалось, кое-кто да остался. Иначе зачем, к примеру, упомянутый выше Г.С.Бойченко стал бы месяц спустя ходить на свидание с револьвером в кармане. Впрочем, по общему признанию мемуаристов, центральные районы городов были при немцах вполне безопасны для прогулок даже ночью [40].

Таким образом, в данном случае поводом для репрессий служили не конкретные нарушения, а одна только принадлежность к преступной организации, группе или категории населения. Понятно, что при таком подходе часто страдали люди, которые сами по себе ничего предосудительного не сделали, но на свою беду были членами “неблагонадежной” общности. Например, преследовали за “большевизм”

матросов Черноморского военного флота, не разбираясь особо, кто и в чем из них виноват. 12 июня крестьянин Емельян Момот просил австро-венгерского губернатора Одессы фельдмаршал-лейтенанта Бельца освободить из-под ареста его сына Ивана. Тот служил на флоте и в мае после вступления в Севастополь германских войск не стал скрываться или бежать с другими в Новороссийск, так как ни в каких преступлениях не участвовал и был арестован союзными властями “потому только, что он матрос” [41].

В промежутки времени между арестом и судом задержанный, как правило, находился под стражей (хотя могли выпустить и под расписку о невыезде). Мест заключения не хватало, часто в их качестве использовали временно приспособленные для этой цели помещения. Так, никопольская комендатура держала своих арестантов на барже [42].

Условия содержания под стражей, как и обращение с арестованными, не везде были одинаковы. Георгий Ищенко, казак охраны Одесского военного порта, был арестован австрийскими властями, но тут обнаружилось, что он болен. Обошлись с ним как нельзя лучше - поместили в австрийский военный госпиталь и окружили такой заботой, что он был приятно поражен. “Обращение со стороны доктора отличное, пища тоже хорошая”, докладывал он украинским властям. Хотя жизнь под арестом оказалась совсем не в тягость, казак Ищенко очень просился на свободу: мать дома осталась без поддержки [43].

Совсем другая картина наблюдалась в Жмеринской тюрьме. 14 октября в Национальный союз поступила жалоба по поводу тамошних порядков. В ней, в частности, отмечалось: “Там, де сидять інтелігенти, ще так сяк, але там, де сидять селяни і робітники, то навіть неможливо того описати: в бараку так тісно, що нема людям, де стоять, а не тільки сидіти, або лежати, вонь, сморід, бруд і таке нехлюйство, що ні одна скотина не була б, щоби не здохнути” [44]. Никаких реальных ограничений в сроке содержания под стражей до суда не существовало. Период между арестом и судом часто исчислялся месяцами. Более того, немало было арестантов, которые пробыли в тюрьме до полугода и больше и так и не дождались суда. Они выходили на свободу уже после эвакуации союзных войск из Украины.

Процедуры дознания и суда были предельно упрощены и свободны от многих формальностей. В каждой германской части имелся свой Gerichtsoffizier - судебный офицер. Аналогичная должность существовала и у австрийцев. Такой офицер проводил дознание, обеспечивал организацию суда, выступал на нем обвинителем, нередко занимал также место председателя. Состав суда не был постоянным и назначался в

каждом случае заново приказом командира части. Последний был также высшей инстанцией для апелляции. С конца лета подсудимый мог выбрать себе гражданского адвоката, до этого защитника ему предоставляли войска. Приговоры, как правило, были очень суровы, оправдательные вердикты представляли большую редкость. (Оправдать обвиняемого значило бы признать ошибку или некомпетентность тех, кто его арестовал. Следовательно, ущемлялся авторитет войск, а это их командование считало совершенно недопустимым. По этой же причине арестованных, даже, если они были задержаны явно по недоразумению, отпускали без суда редко и с крайней неохотой). Заседания суда иногда проходили публично, о ходе и результатах отдельных процессов сообщалось в прессе. “Самый процесс был [...] не очень связан законами. Суд мог по своему усмотрению повышать и понижать назначенные в уголовном кодексе наказания. А командующий генерал в качестве верховного распорядителя над судом обладал неограниченным правом не утверждать и изменять уже состоявшиеся приговоры суда. От него же зависели и допущение защиты, предание суду, назначение заседаний и т.д.” [45].

В середине августа газета “Уманское слово” поместила отчет о германском военно-полевом суде над группой участников Звенигородского восстания. Суд состоялся 12 августа и проходил при открытых дверях. Председательствовал ротмистр барон фон Карпан, обвинителем был г. Беренс, защитником - лейтенант Румплер. Обвиняемых было пятеро (крестьяне села Новоселица Звенигородского уезда), которым инкриминировалось, как сказано, участие в повстанческом движении. Суд заслушал пять свидетелей, односельчан обвиняемых. Из свидетельских показаний следовало, что один подсудимый - сельский староста Моисей Ярмоленко - агитировал сельское общество против германских войск, а когда дело дошло до восстания, “гнал крестьян на позиции”. За это он был приговорен к смертной казни. Четверо остальных подсудимых принадлежали к числу тех, кого старосте удалось на позиции выгнать. В нужный момент они сумели уклониться и в боевых действиях участия не принимали. Не смотря на это, решение суда по их делу мягким не назовешь : двое получили по восемь лет, другие двое - ввиду их молодости (17-18 лет) - по три года тюрьмы. Моисея Ярмоленко казнили в тот же день, как это обычно и делалось [46].

Кроме казни (через расстрел или повешение) и заключения судебная практика союзных войск знала еще два вида наказаний - интернирование в концентрационный лагерь или высылку на принудительные работы. В реальной жизни оба эти наказания зачастую представляли одно и то

же: заключенных в лагерях заставляли работать, высланных на работы содержали в лагерях. Один такой лагерь был создан под Очаковым. По состоянию на 10 ноября в нем находилось 90 заключенных и 8 детей. Все заключенные попали туда за “большевистскую агитацию”. Охраняли лагерь части австрийской 7-ой кавалерийской дивизии. Условия содержания в нем были крайне неудовлетворительны: заключенных держали в неотопливаемых бараках и кормили совершенно негодной пищей [47].

Другие лагеря, куда отправляли украинских граждан, находились за пределами Украинской Державы - в Польше, Белоруссии, Галиции, Германии. 29 мая газета “Вісті краюї преси” сообщала, что через Конопот на днях проследовал особый поезд, увозивший 2 тысячи бывших матросов сушить болота в Финляндии [48].

Оказаться в тюрьме или лагере, как и быть казненным, можно было и без суда. Казнить на месте могли за сопротивление войскам, а порой - и без всякого сопротивления.

Существовало наказание, основанное исключительно на принципе коллективной ответственности - наложение контрибуций. Если конкретный нарушитель был неизвестен, крупным денежным штрафом облагали всех жителей местности, в пределах которой совершено нарушение. Предполагалось, что население в целом обязано заботиться о порядке в своем городе или районе, и потому может быть наказано, если порядок был нарушен. Накладывались контрибуции за серьезные проступки: убийство или ранение военнослужащего союзных войск, акции саботажа на железных дорогах.

Многие меры покаяния несли в себе элемент показательности, имели демонстративный характер: казни зачастую проходили публично. Так, несколько десятков уголовников, задержанных в Киеве германскими войсками в середине марта, были расстреляны на склонах Царского сада на глазах у скопища зрителей. Публику приглашали на казнь, как в театр, посредством заранее расклеенных по городу афиш [49].

16 июля в Умани германский военно-полевой суд приговорил к повешению трех крестьян, причастных к убийству германского солдата. Казнь была совершена в тот же день в присутствии целой толпы зевак, в самом центре города, на базарной площади. После казни эшафот оставили неразобраным [50].

Назначение публичных экзекуций было двояким: имелось ввиду наглядным примером предостеречь население против нарушений закона и одновременно показать ему, как власть заботится о его безопасности.

Как уже отмечалось, умиротворение страны планировалось

осуществить в два этапа: сначала репрессии - насильственная ликвидация проявлений беспорядка, только затем - реформы, то есть устранение причин этого же беспорядка. Правоохранительная система, построенная на репрессиях и не подкреплённая реформами, знала только одно ненасильственное средство борьбы с преступностью - увещание. Пользуясь подходящими случаями или создавая соответствующие ситуации специально, представители власти обращались к населению с речами, уговаривая его отказаться от беспорядков и поддержать дисциплину. Делали это также письменно: выпускали особые увещательные призывы, помещали дидактические преамбулы в приказы.

Случалось, что военные вели себя очень корректно, иногда же, напротив, были крайне грубы. Все зависело от человека. Однако систему в целом грубость характеризовала, если не как атрибут, то как вещь вполне допустимую.

От обращения не был гарантирован никто, независимо от пола, возраста, достатка или должности. Например, 30 мая в 3 часа ночи на квартиру Сергея Ситникова, рабочего завода Мильнера (Одесса), ворвалась толпа жандармов. “Меня разбудили, арестовали и, не предъявив никакого обвинения, отвели в Петропавловский комиссариат, заковав предварительно руки цепью. В квартире у меня произвели обыск, взломали пол, но ничего не нашли”, - рассказывал позднее Ситников следователь [51].

Другой пример: в июле австрийские войска безуспешно искали оружие на одном из заводов Одессы. Арестовали рабочего инспектора В.Л.Яскульского, пытаясь узнать от него, где рабочие прячут винтовки. “На мой ответ, что, как фабричный инспектор, я не касаюсь жизни завода и не могу отвечать за то, закопано ли на заводе или не закопано оружие, о чем я даже не знаю, мне ответили, что, как фабричный инспектор, я обязан все знать, что делается на заводе, и если я не укажу место, то меня расстреляют. И действительно, вызвав одного конторщика и двух рабочих из заводского комитета, которые тоже не указали, где закопано оружие, австрийцы стали искать его по заводу и, не найдя, поставили нас 4-х к стене и даже скомандовали стрелять и, не дойдя до команды три, отпустили”, - жаловался позднее Яскульский украинским властям [52]. Ситников был простым рабочим, и его низкий социальный статус, казалось бы, позволял не церемониться с ним. Другое дело - инженер Яскульский. Однако обошлись с ним, как видим, еще хуже, чем с рядовым рабочим. Впрочем, преувеличивать “внесловность” некорректного обращения союзных войск не приходится. Разумеется, у обычного

горожанина или крестьянина было гораздо больше шансов столкнуться с пренебрежением к личному достоинству, чем у человека в чинах, представителя элит.

В войсках была распространена коррупция и служебная небрежность. Как подозревали украинские власти, в Жмеринской тюрьме можно было за взятку купить свободу, заключенные более или менее легко бежали из лагерей и т.п. Кроме того, австрийские и германские контингенты были в значительной степени революционизированы и “криминализированы”. Все это существенно влияло на исполнение ими правоохранительных функций.

Тема, безусловно, предусматривает дальнейшее изучение с использованием более широкого круга источников, прежде всего, армейской документации. Однако, уже сейчас можно сделать ряд предварительных выводов, опровергающих устоявшиеся представления. Во-первых, очевидно, что карательная политика австро-германских войск была направлена не только против рабочих и крестьян, но и представителей других социальных групп, она охватывала все общество в целом. Во-вторых, она не сводилась к политическим репрессиям, а включала также борьбу с криминальной преступностью и другими нарушениями.

Примечания:

1.Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (далее- ЦГАВО Украины).- Ф.2311.-Оп.1.-Д.120.-С.143.

2.Там же.-Д.2.-С.145.

3.Там же.-Д.144.-С.36.

4.Там же.-Д.92.-С.9; Д.10.-С.14.

5.Полтавский губернский староста - в МВД УД, 15 июня : “Кременчуге офицерском вечере на публику выпущены удушливые газы, пострадавших приблизительно полтора человека” (ЦГАВО Украины.-Ф.2988.-Оп.1.-Д.25.-С.122.)

6.Доклад начальнику операционного отделения германского восточного фронта о положении дел на Украине в марте 1918 года // Архив русской революции (далее - АРР).-Т.1.-М.,1991.-С.288.

7.Німецько-австрійська інтервенція на Україні .-Т.1.-К.,1933.-С.142; см. также: Гражданская война на Украине.-Т.1.-Кн.1.-К.,1967.-С.143,201; Документы о разгроме германских оккупантов на Украине в 1918 г.-М.,1942.-С.68-69.

8.Німецько-австрійська інтервенція...С.143

9.ЦГАВО Украины.-Ф.2311.-Оп.1.-Д.1.-С.39,43; Д.15.-С.55.; Государственный архив Запорожской области (далее - ГАЗО).-Ф.2129.-Оп.1.-

Д.1.-С.87.

10.ЩербатовВ.К. Жовтнева революція й роки громадянської боротьби на Черниговщині.-Чернігів,1927.-С.68.

11.Цвілюк С.А. Одеса революційна.- Одеса,1972.-С.75.

12.ЦГАВО України.-Ф.2311.-Оп.1.-Д.15.-С.32.

13.Там же.-С.33.

14.ГАЗО.-Ф.2129.-Оп.1.-Д1.-С.246.

15.ЦГАВО України. -Ф.2311. -Оп.1. -Д.3. -С.8.; см. также: Документи... С.94-95.

16.ЦГАВО України.-Ф.2311.-Оп.1.-Д.3.-С.14.

17.Там же.-Д.146.-С.409.

18.Гражданская война...С.273-276.

19.Государственный архив Днепропетровской области (далее - ГАДО).- Ф.р4082.-Оп.1.-Д.18.-С.2.

20.ЦГАВО України.-Ф.2311.-Оп.1.-Д.133.-С.69,72,142.

21.Там же.-С.125.

22.Там же.-Д.152.-С.96.

23.Там же.-С.6.

24.Там же.-С.176.

25.Там же.-Ф.3766.-Оп1.-Д.204.-С.1.

26.Там же.-С.13.

27.Там же.-Ф.2311.-Оп.1.-Д.132.-С.64.

28.Там же.-Ф.1793.-Оп.1.-Д.60.-С.20,33.

29.Вперед (Екатеринослав).-13(13 июня 1918)

29а.Доклад начальнику операционного отделения германского восточного фронта ...С.289.

30.ЦГАВО України.-Ф.2311.-Оп.1.-Д.20.-С.30.

31.Гольденвейзер А. Из Киевских воспоминаний // АРР.-Т.6.-М.1991.- С.224.

32.ЦГАВО України.- Ф. 2311.- Оп.1. - Д.3. - С.24; Д.4. -С.2-3; Документи...С.121.

33.ЦГАВО України.-Ф.2311.-Оп.1.-Д.7.-С.405.

34.Там же.-Д.14.-С.5.

35.Там же.-Ф.3766.-Оп.1.-Д.163.-С.111-116.

36.Там же.-Д.164.-С.11.

37.Там же.-Ф.2311.-Оп.1.-Д.90.-С.6,13.

38.Григор'єв Г. У старому Києві.Спогади.-К.,1961.-С.309.

39.ЦГАВО України.-Ф.2311.-Оп.1.-Д.9.-С.32.

40.Могилянський Н.М. Трагедія України // АРР.-Т.11.-М.,1991.-С.83; Емельянов Е. Воспоминания добровольца // Белое дело. Летопись белой борьбы.-

Т.4.-Берлин,1928.-С.84.

41.ЦГАВО України.-Ф.2311.-Оп.1.-Д.152.-С.58.

42.ГАДО.-Ф.р4082.-Оп.1.-Д.18.-С.2.

43.ЦГАВО України.-Ф.2311.-Оп.1.-Д.152.-С.9.

44.Там же.-Ф.1793.-Оп.1.-Д.61.-С.113.

45.Гольденвейзер А.Ук.соч.,С.221.

46.Документы...С.126.

47.ЦГАВО України.-Ф.2311.-Оп.1.-Д.152.-С.584,608,609.

48.Документы...С.94.

49.Григор'єв Г. Ук.соч.,С.309.

50.Гражданская война на Украине...С.185.

51.ЦГАВО України.-Ф.2311.-Оп.1.-Д.133.-С.217.

52.Там же.-С.364а.

Р.Ю. Васковський

До питання про причини поразки української революції 1917-1921 рр. ("Горіла хата...")

Васковський Ростислав Юрійович - викладач кафедри історії та українознавства Дніпропетровського юридичного інституту МВС України

У Відні 30 серпня 1919 р. з'явився черговий номер місцевого україномовного тижневика "Воля", в якому було надруковано байку одного з кореспондентів часопису під псевдонімом Валентин. Розпочиналася вона так:

*Горіла хата. Три брати
Скаженно гризлись, як хорти.
Один есером здавна звавсь,
Есдеком другий величавсь.
А третій брат
Був хлібороб і демократ [1].*

Зараз, можливо, не всім зрозуміло, що малося на увазі, проте влітку 1919 року ці слова не потребували додаткових пояснень.

Називаючи героями байки представників трьох українських партій-соціал-революціонерів (УПСР), соціал-демократів (УСДРП) і хліборобів-демократів (УДХП), - автор намагається донести до читача основний трагізм українських визвольних змагань, який полягав у нездатності національних сил сконсолідуватися в єдиний фронт, незалежно від їхніх політичних програм, для розбудови своєї держави:

*“Мені гасити!” - всяк кричав, -
“На це я маю більше прав,
За мною весь народ, земля,
Так чом стояти мушу я?” -
“Куди? Не лізь, бо задушю,
Я сам пожежу погашу!” [2].*

Здавалося б, утворення 17 березня 1917 р. діячами політичних, громадських і культурних організацій у Києві Української Центральної Ради (УЦР) надало блискучий реальний шанс у справі об'єднання всього свідомого громадянства. Нова інституція, що створювалася спочатку як культурницька установа, вже у квітні стає на чолі українського політичного руху, що неначе вибухнув з початком Лютневої революції. Як зазначав один з його провідників Володимир Винниченко, Центральна Рада “мала завдання зібрати всі сили, які мало українство, тими силами привести маси до національної свідомості, закріпити національні досягнення, а тоді, спираючись на це, творити соціальну перебудову в відповідних, наших, національних формах” [3].

Дійсно, ліквідація заборон та обмежень, накладених царським урядом на український народ, вивільнило велику суспільну енергію, свідченням якої стали, зокрема, двадцятитисячна українська маніфестація 25 березня 1917 р. у Петрограді та стотисячна демонстрація у Києві 1 квітня. За словами Я.Грицака, “вони виявилися наймасовішими та найімпульсивнішими з усіх демонстрацій, що з початку революції відбулися в цих обидвох містах” [4].

Проте, об'єднанню всіх українських національних сил під проводом УЦР стала на перешкоді ідеологія її лідерів. Останні прагнули завести в Українській Народній Республіці соціалістичний лад і збудувати державу “трудолюбного люду”, у якій не було б місця експлуатації й експлуаторам, а відтак - ставилися з недовірою до українських патріотів з-поміж заможних класів. Показовим з цього погляду стало недовге перебування на посаді голови українського уряду - Генерального секретаріату - політичного і громадського діяча, історика і публіциста Дмитра

Дорошенка. Причиною його відставки було розходження з членами Центральної Ради у питанні, на кого треба опиратися при розбудові державного апарату. Дорошенко наполягав на тому, щоб залучити українських поміщиків - єдиний, на його думку, клас, наділений адміністративним досвідом й історичною традицією [5].

Так само і на урочистих зборах УЦР з нагоди її роковин 20 березня 1918 р. представник Української партії соціалістів-федералістів (УПСФ) М.Кушнір, нагадавши, що в Україні виростає нова сила - капіталізм, рішуче заперечував проти усунення буржуазії від керівництва: “У.Ц.Рада, цей наш парламент, мусить бути так реорганізований, щоб у ньому взяли участь всі міста, земства, буржуазія, селянство, робітництво, соціалістичні партії” [6].

Та незабаром ситуація різко змінилася. Консервативні заможні кола українського суспільства, незадоволені надмірно радикалізованою політикою Центральної Ради, утворили “Українську народну громаду”, котра розпочала підготовку до встановлення в Україні сильної особистої влади та більш поміркованого режиму. Це знайшло своє втілення у державному перевороті 29 квітня 1918 р. і приході до влади Павла Скоропадського, як гетьмана Української держави.

Після перевороту партії, що входили до складу УЦР, були усунені від керівництва державою. Однак гетьманом не були належним чином використані і ті українські політичні сили, що підтримали його, - зокрема, Українська демократично-хліборобська партія (до якої входили відомі діячі національного руху М.Міхновський, брати Шемети, В.Липинський та ін.). В середині травня 1918 року опозиційні до гетьманського уряду угруповання об'єдналися в Український національно-державний союз, який на початку серпня перетворився на Український національний союз (УНС). Саме на його таємних зборах, внаслідок появи грамоти Скоропадського від 14 листопада того ж року про федерацію України з майбутньою Росією, було вирішено розпочати повстання проти гетьманського режиму. Для керівництва повстанням утворено колективний орган революційної влади - Директорію Української Народної Республіки.

Повстання було підтримане всіма партіями, що склали УНС - окрім того, на бік повсталих перейшли ті національно-консервативні українські сили, що до проголошення федеративної грамоти підтримували Павла Скоропадського. Тож вже за місяць, 14 грудня 1918 р., гетьман зрікся влади, і повстання закінчилося перемогою прихильників УНР.

Здавалося б, що нарешті спостерігаємо процес консолідації української нації з метою розбудови своєї держави. Проте суперечки

всередині її проводу спалахнули з новою силою, зокрема, щодо державного устрою відновленої УНР. 26 грудня було оприлюднено “Декларацію Директорії”. В ній підкреслювалося, що влада в Україні має належати “класам працюючим - робітництву і селянству”, а “класи нетрудові, експлуататорські, які живляться й розкошують з праці класів трудових.., не мають права голосу в порядкуванні державою” [7]. Один з громадських діячів Полтавщини, Віктор Андрієвський, у своїх спогадах із сумом констатував з цього приводу: “Від старих пtiць годі й чекати нових пісень. Було ясно, що замість українського народу без різниці класів на державну роботу прийдуть знову соціалісти без різниці національності” [8].

Водночас керуючий Управлінням преси та інформації галичанин Осип Назарук згадував, що до нього з’являлися представники інших національностей - євреї, поляки, росіяни - “переважно люди високоосвічені, які приходили з різноманітними планами для практичної організації різних установ державного життя”. Водночас вони пропонували урядові кошти для реалізації цих проектів. Але коли О.Назарук представив останні голові Директорії В.Винниченкові, той заявив: “Це може й добрі справи, однак ті, що їх перекладають, занадто праві. Зв’язок з ними стягнув би на уряд погану опінію” [9]. Отже, тодішніх керівників цікавили скоріше незаплямованість своїх соціалістичних переконань, аніж намагання притягнути до розбудови держави усі наявні сили.

А тим часом республіка опинилась у важкій зовнішньополітичній ситуації. З північного сходу на її територію сунула більшовицька армія; на західних кордонах польські війська вели жорстокі бої з Українською галицькою армією за західноукраїнські терени; південний захід України був об’єктом уваги королівської Румунії, причому українські землі північної частини Буковини і півдня Бесарабії розглядалися нею як суто румунська територія; на півдні висадилися французькі експедиційні війська; нарешті південному сходу країни загрожували, набираючи силу, загоны російської Добровольчої армії під командуванням генерала Антона Денікіна:

*Горіла хата! Вже давно
Палало в ній усе майно.
Згоріли крокви, дах згорів,
Вогонь вже стіни звірем їв,
А три брати
Кричали й гризли, як хорти [10].*

Швидкий наступ більшовиків і не менш швидкий розвал республіканської армії призвели до того, що протягом січня - початку лютого 1919 року радянські війська зайняли майже всю Лівобережну Україну, і військові дії були перенесені на Правобережжя. Важкі поразки на фронті поглиблювалися кризою уряду УНР. З метою досягти згоди з країнами Антанти він був реорганізований - старий кабінет міністрів на чолі з Володимиром Чехівським, основну частину якого склали члени УСДРП і УПСР, замінено більш поміркованим урядом Сергія Остапенка. Також залишив посаду голови Директорії і виїхав за кордон соціал-демократ В.Винниченко.

Після утворення нової ради міністрів ліві українські партії не бажали співпрацювати з урядом. Натомість, незадоволені його політикою, ліві сили вирішили захопити владу. 22 березня 1919 р. у Кам'янці-Подільському вони утворили Комітет охорони республіки, який очолив В.Чехівський. Комітет проголосив себе тимчасовим представником уряду УНР і мав намір вимагати від Директорії негайно припинити зносини з представниками Антанти в Одесі й розпочати на власну руку переговори з радянським урядом України [11]. 28 березня організатори Комітету були заарештовані і доставлені у Рівне, де перебували два члени Директорії - Симон Петлюра й Андрій Макаренко.

А тим часом революція в Україні тривала. Маса йшли за найрадикальнішими гаслами, що позначилося, зокрема, на армії УНР. Навіть такі міцні й ідейні частини, як Запорізький корпус і Січові стрільці, у березні 1919 року виступили з універсалом [12] та декларацією [13] на підтримку ними радянської влади як форми державного устрою Української республіки. Можливо, саме це сприяло тому, що після прибуття до Рівного поїзду з учасниками Кам'янець-Подільського заколоту Симон Петлюра не покарав останніх. Навпаки, провівши з ними ряд консультацій, Головний отаман республіканських військ доручив їм сформувати новий кабінет міністрів. Спочатку Петлюра наполягав на тому, щоб до цього залучити представників усіх українських партій, у тому числі соціалістів-самостійників (УПСС), народних республіканців (УНРП) і УПСФ - партій, що склали попередній уряд - і таким чином нарешті об'єднати національні політичні сили:

*Тяглась би довго суперечка,
Та тут вмішалася овечка:
“Гей, схаменіться, земляки,
Покиньте всі свої сварки,
Бо доведеться вам без хати*

Зимою в полі ночувати” [14].

Проте экс-члени Комітету охорони республіки переконали Головного отамана, що у цей час, коли серед народних мас особливо були поширені радянськості настрої, саме соціалістичний уряд УНР (тобто укладений за участю УПСР і УСДРП) буде популярним. Відтепер, за словами одного з них, Ісаака Мазепи, “можна сміливо твердити, що в великій мірі під впливом Комітету охорони республіки Петлюра нарешті відійшов від правого українського табору і енергійно взявся за творення нового уряду, який би не мав нічого спільного з попереднім збанкрутованим урядом С.Остапенка” [15]. А разом з цим були захоронені надії на національну єдність. Розкол між двома течіями українського визвольного руху дедалі глибшав і набирив потворних форм. Результат не примусив довго чекати на себе:

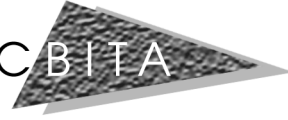
*“Гасить гуртом!” - віця кричить,
Але в цю мить
Упали стіни. Дим сховав
Усіх, хто довго так кричав...
Віця ж упала й помолилась
Що не людиною вродилась [16].*

Шанси на успіх української революції 1917-1921 рр. залежали від того, чи здатні були тогочасні політичні діячі незалежно від їхніх програм сконсолідуватися довкола єдиної мети. Потрібен був національний компроміс, на який, як зазначив Я.Пеленський, “спромігся, наприклад, польський визвольний рух (тобто, з одного боку - його центрово-ліве крило під керівництвом Юзефа Пілсудського, особливо Польська соціалістична партія, а з другого - права течія, репрезентована головно національними демократами на чолі з Романом Дмовським, які, до речі, до першої світової війни принципово не висували концепції незалежної Польщі)” [17]. Однак український табір продовжували роздирати протиріччя...

Примітки:

1. Валентин. Байка // Воля. - 1919. - Т.2. - Ч.2. - С.205.
2. Там само. - С.205.
3. Винниченко В. Відродження нації. В 3т. - Т.1. - К.,1990. - С.84.
4. Грицак Я.Й. Нарис історії України: формування модерної української нації XIX-XX ст. - К.,1996. - С.113.

5. Там само. - С.116.
6. Гриценко А.П. Політичні сили у боротьбі за владу в Україні (кінець 1917 р. - початок 1919 р.). - К.,1993. - С.17-18.
7. Державний архів Дніпропетровської області, ф.615, оп.1, спр.3, арк.13.
8. Андрієвський В. З минулого. - Т.2, ч.2: Директорія. - Берлін,1923. - С.27.
9. Назарук О. Рік на Великій Україні: Спомини з української революції. - Відень,1920. - С.89-90.
10. Валентин. Вказ. праця. - С.205.
11. Христюк П. Замітки і матеріали до історії української революції, 1917-1920 рр. В 4 т. - Т.4. - Прага,1922. - С.112.
12. Центральний державний архів громадських об'єднань України, ф.57, оп.2, спр.233, арк.17.
13. Коновалець Є. Причинки до історії української революції // Київ. - 1991. - №11. - С.123.
14. Валентин. Вказ. праця. - С.205.
15. Мазепа І. Україна в огні й бурі революції, 1917-1921. В 2 т. - Т.1. - Прага, 1942. - С.149.
16. Валентин. Вказ праця. - С.205.
17. Скоропадський П. Спогади (кінець 1917 - грудень 1918). - Київ - Філадельфія, 1995. - С.31-32.

Г.В. Константинов

Основные направления и задачи лекционно-пропагандистской и просветительской работы на местах

Константинов Геннадий Васильевич - заведующий отделом по работе с политическими партиями и общественными организациями Днепропетровской областной государственной администрации

В условиях строительства правового и демократического украинского государства, которому присущи многопартийность, свободное функционирование и развитие институтов гражданского общества, является актуальной потребностью действительно широкого информирования населения об основных направлениях внутренней и внешней политики государства, разъяснения курса Президента Украины Л.Д. Кучмы на коренные социально-экономические и политические преобразования в обществе, формирование позитивного имиджа Украины на международной арене. Не менее важной задачей является освещение тех социальных и хозяйственных преобразований, которые происходят в области.

Учитывая настоятельную потребность консолидации общества в это сложное время, согласованности действий всех институтов государственного управления и органов местного самоуправления, чрезвычайно актуальной является организация политического и социально-экономического просвещения граждан, формирование их сознательного отношения к реформам.

В связи с этим, в Днепропетровской областной государственной администрации разработана программа лекционно-пропагандистской и просветительской работы. Соответствующие программы и планы работы приняты в большинстве районов и городов области. В основе этих программ лежит возобновление лекционной работы. Здесь трудно переоценить роль и значение областной организации общества “Знание”, которой в августе 1998 г. исполнилось 50 лет.

Большая работа уже проводится ВУЗами области, такими как Днепропетровский государственный университет, металлургическая академия, агроуниверситет. Учеными этих высших учебных заведений организована научно-просветительская работа среди молодежи, руководителей предприятий, фермеров. Облгосадминистрацией осуществляется учет и контроль читаемых лекций, проводимых мероприятий по информированию населения.

Для выполнения распоряжения Президента Украины № 72/96-рп от 28 марта 1998 г. “О мероприятиях для повышения уровня информированности населения Украины об основных направлениях государственной политики” и с целью дальнейшего улучшения системы постоянного информирования трудовых коллективов утверждено постановление председателя облгосадминистрации “О мероприятиях по повышению уровня информированности населения и усилению лекционно-пропагандистской работы в области”. Данным постановлением предусмотрено установление единого дня информирования - третий четверг каждого месяца. В этот день должны проводиться чтения лекций, встречи руководителей и работников государственных органов и органов местного самоуправления с активом, работниками предприятий, общественностью, представителями средств массовой информации.

Основными направлениями лекционно-пропагандистской и просветительской работы являются следующие:

- внутренняя политика украинского государства на современном этапе;
- основные направления внешней политики украинского государства;
- пути выхода Украины из социально-экономического кризиса;
- перспективы социально-политического развития Украины;
- роль государства в становлении гражданского, демократического общества.

Ежемесячно будут проводиться специальные семинары для лекторов и организаторов лекционно-пропагандистской работы. В сентябре запланирован семинар с ответственными за политико-правовую

деятельность в районах и городах области на тему: “Задачи органов исполнительной власти по формированию политической культуры населения, консолидации общества”.

Следует признать, что отсутствие политико-правовой и лекционно-пропагандистской работы, соответствующих структур и механизмов ее осуществления приводит к тому, что многое воспринимается со значительным правовым нигилизмом. Как отмечал известный персонаж М.Булгакова - разруха начинается, в первую очередь, в головах людей.

Сегодня, когда пройдены самые тяжелые этапы структурного кризиса в стране, когда на повестке дня стоит необходимость скорейшего реформирования экономики, стабилизация социальной сферы, как никогда важно быстрее преодолеть инертность общественного сознания, глобальный пессимизм, распространяемый некоторыми политическими деятелями. Сегодня в нашей стране рождается новое общество, создается новая экономика, появляются новые международные связи, и это делает необходимым создание новой государственной (а не партийной) идеологии, появление мощного морально-этического императива, который смог бы объединить людей для конструктивной и целенаправленной работы на благо всего народа Украины.

К.Н. Колесников

Украина в современном мире. Исторический смысл обретения независимости

Колесников Константин Николаевич - аспирант кафедры историографии и источниковедения Днепрпетровского государственного университета

Уже стало аксиомой убеждение в том, что каждый народ на планете имеет историческое право создать свое собственное независимое государство, которое бы защищало его культурное, национальное и политическое своеобразие. Однако, будут ли иметь такие государства универсальный всемирно-исторический смысл, еще остается под вопросом.

После семи лет с момента обретения Украиной независимости мы вправе задаться вопросом: так в чем же состоит глубинный смысл украинского суверенитета в культурно-цивилизационных и геополитических условиях современного многополюсного мира?

Бытует суждение, что исторический смысл Украины отражен в самом ее названии *Украина*, т.е. окраина, пограничная территория. Известно, что понятие Украина появилось в киевских летописях XII в. и, действительно, означало отдаленные пограничные земли [1]. Упоминается несколько “украин”, из них - Берестейская (в районе современного города Брест), Галицкая (в районе современного города Каменец-Подольского), наконец, Залесская Украина - земли в верховьях Оки и Волги, позднее ставшие ядром Московского государства [2].

Понятие Русь относилось тогда только к современным центрально-украинским областям - Киевщине, позднее Черниговщине и Переяславщине [3]. После распада Киевского государства и первого падения Константинополя в 1204 г. бывшие удельные галицкие и суздальские князья, а ныне самовластные правители, прибавляют к своему титулу имя “Русь” [4]. После падения украинского Галицко-Волынского королевства имя “Русь” усваивается местным населением, оказавшимся в подданстве Польской Короны. Отсюда и старое национальное самоназвание западных украинцев - “русины”, сохранившееся до конца XIX в. Православие в польском государстве получает новый эпитет “руска віра”, который употребляется наряду со старым “грецька віра”. Последний был известен еще со времен Киевской Руси, так как в Украине чуть ли не до XVI в. высшее духовенство было греческим по происхождению.

На северо-востоке во владениях суздальских и владимирских князей долгое время понятие “Русь” сохранялось в титулах правителя государства и главы церкви (Великий князь всея Руси, митрополит всея Руси) [5]. Народ усвоил его изначально в социально-политическом, а не этническом смысле. Русские - это не просто жители определенной страны, не граждане государства, а прежде всего - *подданные* царя Руси. Отсюда и форма народного самоназвания - имя прилагательное (чьи? - русские), а не существительное, как в именах других народов. Соседи же называли русских москвитами или проще - москалями. И обидного в этом ничего не было, так как означало подданство московскому князю [6].

В Украине забвение имени “русин” началось с XVII-XVIII вв., когда люди непосредственно столкнулись с теми, кто величал себя русскими, и поняли, что они отнюдь не похожи друг на друга. Отсюда - восприятие промежуточных, искусственных и литературных понятий - “малороссы”

и “великороссы”. Данные термины греческие и имеют церковное происхождение: в XIV в. наряду с Киевским митрополитом “всея Руси”, управлявшим восточными и северными епархиями распавшегося Киевского государства, появляется и митрополит “всея Малой Руси”, т.е. земель Галицко-Волынского королевства - Западной Украины [7].

В XVII в. “Украиной” называли степное пограничье Польского королевства - Поднепровские земли южнее Киевщины, где не господствовали польские власти. Эти земли, защищенные казацкой саблей от произвола магнатов и татарского наезда, обладали собственным самоуправлением. В их состав входила и территория современной Днепропетровщины.

В ходе Освободительной войны под предводительством Богдана Хмельницкого, что вспыхнула в 1648 г., казацкие армии захватили большинство украинских воеводств Речи Посполитой. Это была так называемая волость, получившая название Городовой Украины, в противоположность Украине Степной [8]. Возникшее казацко-гетманское государство имело официальное название Земли Войска Запорожского. Впрочем, ни в XVII в., ни XVIII в. термин “Украина” так и не стал преобладающим: просвещенная старшина, получившая при Екатерине II права российского дворянства, предпочла старинный книжный термин “Малороссия” [9]. Простой же народ в своих песнях и сказаниях переосмыслил слово “Украина”, перейдя от старого понимания “край-окраина” к новому - “край-страна”. Герой пограничья - запорожский казак из Украины стал для народа образцом для подражания. Потому так легко в фольклоре имя “Украины” разошлось даже по тем землям (например, Галичина), которые были максимально удалены от степного пограничья-сцены действия, на которой разворачивались подвиги козаков-украинцев.

Также существует версия, согласно которой этноним “украинцы” являлся самоназванием местных жителей с древнейших времен и основывался на праоснове “*крајъ”, очерчивая понятие своя “країна”, собственная “земля”. Не ощущая, в отличие от знати и церковников, политической связи с территорией, они называли ее просто “краем, страной”, а себя ощущали в ней, соответственно, “краянами”, земляками. Не исключено, что в истоках такого самоназвания могла находиться и оппозиция *русов* и *краян* (*українян*, как высказывается летопись под 1268 г.) [10].

В начале XIX в. молодое поколение местной интеллигенции (украинцы и неукраинцы), выпускники сперва Харьковского (1805 г.), а потом Киевского (1834 г.) университетов, увлеклись фольклором и этнографией. Вместе с народным языком они ввели в литературу и науку

народное название страны - Украина. Если для малороссийского дворянства это название означало окраину Гетманского государства Малороссии, фактически автономного члена Российской империи, - Слободскую Украину, то теперь это имя покрывает всю страну и весь ее народ [11]. Последними, кто его воспринял (в первой половине XX в.) были жители Карпатской Руси-Украины.

Ну, а с точки зрения геополитики Украина потеряла свой “окраинный” характер со времени колонизации Северного Причерноморья. С тех пор Украина вошла в свои естественно-географические пределы, ликвидировав этим угрозу нападения степных кочевников и получив выход к морю.

Итак, мы видим, что “исторический смысл Украины” не в ее окраинности, а в чем-то другом. Так в чем же?

Некоторые российские шовинистически настроенные ученые утверждают: “Украина как государство не имеет никакого геополитического смысла. У нее нет ни особенной культурной вестии универсального значения, ни географической уникальности, ни этнической исключительности.” Так ли это?

Что касается этнической исключительности, так ею не обладает ни один народ - ни русские, ни евреи, ни англичане, ни китайцы... Этническая самобытность достигается за счет своеобразной комбинации различных этнографических черт, чаще всего не уникальных, а свойственных многим народам, хотя уже в совершенно других сочетаниях. Попытки заявить о своей исключительности заканчивались в истории кровавым геноцидом, а потом и саморазрушением. Вспомним царскую Россию с еврейскими погромами, украинских гайдамаков, вырезавших население еврейских местечек и польских крепостей, нацистскую Германию с ее газовыми камерами и крематориями, породившими страшное понятие холокост.

Но вот выяснение “геополитического смысла Украины, особой культурной вестии универсального значения” требует особого, я бы сказал, философско-исторического подхода.

В старину предназначение Украины виделось в сохранении киевского наследия времен святого князя Владимира Великого - “первого самодержца и крестителя Руси”, открывшего народам Восточной Европы светоч религиозного просвещения, христианскую мудрость и путь к спасению (“Синописис” Иннокентия Гизеля, 1674-1680 гг., историческая драма “Владимир” Феофана Прокоповича, 1704 г.) [12].

Позднее миссия Украины виделась в освобождении поработанных народов, в поисках Любви, Истины и Веры Христовой, в утверждении народоправства и справедливого общественно-государственного

устройства в рамках Всеславянской федерации республик (Н. Костомаров, В. Белозерский, Н. Гулак, Т. Шевченко, др. члены тайного общества св. Кирилла и Мефодия, 1847г.) [13].

В XX столетии лучшие умы нашей родины переосмыслили универсальные задачи Украины и четко сформулировали ее геополитические ориентиры. Так, В. Липинский утверждал, что еще со Средневековья на нашей земле происходит пересечение влияний Востока и Запада: двух отличных культур, мировоззрений, понятий и цивилизаций [14]. Влияние языческого Запада было представлено скандинавскими конунгами и дружинниками, участвовавшими в создании Киевского государства и проложении военно-торгового пути “из Варяг в Греки” (IX-XI вв.). Параллельно устанавливаются религиозные, культурные и династические связи с католической Европой. С XV-XVI вв. эти контакты максимально усиливаются, хотя и осуществляются большей частью через польское посредничество. До середины XX в. западно-украинские земли, несмотря на определенную отсталость и провинциализацию, оставались в орбите европейской католическо-протестантской цивилизации.

Восточные влияния представлены двояко: во-первых, это греко-византийская цивилизация, во-вторых, кочевники евразийской степи. Религиозная догматика, обрядность, церковная организация были принесены на Русь из православной Византии. Организационное подчинение украинской церкви Константинопольскому патриархату сохранялось до конца XVII в. Нельзя переоценить первостепенность таких долгих контактов, в особенности после падения в конце 1340-х гг. украинской государственности, когда вся культурно-национальная жизнь страны сосредоточилась вокруг традиционной церкви. В этот период большое значение имеет взаимодействие с сербским, молдавским и болгарским православием. С вхождением Малороссии в Московское царство и заселением Слободской Украины на первый план выходят взаимоотношения с православной Россией, которая прекрасно усвоила византийский урок совмещения целей и интересов церковной власти Патриарха и светской власти Царя. И если в XVII-XVIII вв. можно говорить о преобладании украинских воздействий в культурно-религиозной жизни России, которая испытывает настоящую “украинизацию”, то позднее Украина все отчетливее превращается из ведущего в ведомого [15].

Вторая составляющая восточных влияний - иранские, а с IV в. тюркские кочевники южно-украинских окраин евразийских степей. Они наложили свой глубокий отпечаток не только на культуру, одежду и быт украинцев, но и на наш внешний облик (антропологический тип).

Взаимное противостояние “леса” и “степи”, растянувшееся до конца XVIIIв., сменялось периодами мирного симбиоза земледельцев и скотоводов. Однако, в целом борьба была непримиримой. Ведь, раздел между лесом и степью, который проходил через всю Украину с северо-востока на юго-запад, не имеет четких границ и представляет собой широкую полосу лесостепей, одинаково пригодную как для интенсивного земледелия, так и для продуктивного скотоводства. В авангарде украинского колониционного потока, осваивавшего южные степи, шло запорожское казачество. Запорожцы совмещали звериные и рыбные промыслы, скотоводство и позднее хлебопашество с методикой степной войны и морских пиратских рейдов против южного берега Крыма и северной Турции. Казаки опирались на сеть речных бассейнов Днепра и Буга. С XVIIIв. руководство завоевательной и колониционной политикой в южной Украине переходит к Петербургу. Тогда и рождается официальное название этого региона - Новороссия. В 1783г. Крымское ханство покорилось Российской империи. С тех пор проблема противостояния степи и степных влияний для Украины была снята.

Таким образом, на сегодняшний момент для Украины актуальны влияния византийско-православной традиции и ее модернизированной советско-российской интерпретации, с одной стороны, и воздействия европейской цивилизации как в своем прежнем творческом наследии, так и в своем современном постиндустриальном облике.

Все периоды нашего национально-государственного упадка связаны со взаимной борьбой западных и восточных влияний под лозунгами полного уничтожения одних или других. Все периоды нашего расцвета, нашего существования как отдельной, обладающей собственной индивидуальностью нации связаны с их гармоническим сочетанием [16]. Желая избавиться от всех признаков *европейскости*, мы неминуемо рискуем раствориться во *всероссийском* море (как это сейчас происходит с украинцами живущими в Российской Федерации), утратив всю свою оригинальность. Желая, напротив, избавиться от своей *русскости*, мы, так же неотвратимо, упадем в объятия Варшавы (как уже было в истории) или превратимся в безликую европейскую провинцию (как может быть ныне).

В синтезе восточных и западных традиций лежит универсальный смысл существования Украины как суверенной нации. Справиться с этим синтезом не под силу ни Москве, из-за ее православной исключительности, ни Варшаве, по причине такой же, но католическо-европейской исключительности.

Украина приближалась к единению обеих традиций в великие эпохи

своей истории: во времена Киевской Руси и Запорожского казачества. Однако, в обоих случаях потенциальные возможности и частичные достижения не позволяли добиться окончательного синтеза. Украина рухнула под тяжестью чрезмерного внешнего давления и от разрывных внутренних сил [17]. Осуществить окончательный синтез обеих цивилизаций нам, наверное, так и не под силу. Однако, мы можем реально приблизиться к исполнению этой сверхзадачи. Ныне, благодаря обретенной государственной независимости, выпадает редкий шанс вновь двинуться по пути примирения разнородных цивилизационных влияний на почве украинской культуры. В этом и есть смысл существования не только украинцев, но и других народов нашей единой родины.

Итак, чтобы быть *украинцами*, чтобы была Украина, держимся каждый своих традиционных основ, своих корней и одновременно на их почве, каждый в своей национальности, семье, компании, церкви, культуре, стремимся к гармоническому приближению себя к нашим землякам (на западе или на востоке) другой национальности, церкви и другой культуры. Другими словами, не перетягиваем их насильно к себе, а себя приближаем к ним. В этом стремлении - наше призвание, в нем духовная суть нашего национального богатства, его жизненный нерв, ритм и динамика [18].

В контексте геополитики все сказанное означает реальность существования Украины как самодостаточного исторического пространства. Ее своеобразие позволяет нам рассчитывать на дивиденды от пересечения разнородных геополитических ориентаций: трансатлантической, евразийской и балтийско-средиземноморской. Сможем ли мы извлечь из этого выгоду или вновь, расколовшись на части, обогатим соседние блоки и империи, зависит всецело от нас самих, нашего единства, твердости и разума.

Остается заметить, что пока Россия, в лице своих шовинистически настроенных политиков и идеологов, не избавится от имперских амбиций и комплекса неполноценности, который развился из-за невозможности их удовлетворения, россияне, да и мы, их соседи, не будем жить в мире и благоденствии. Примеров того, как старые империи превращались в современные национальные государства в новой истории, предостаточно. Это Австрия и Турция, переборовшие свой распад 1918 г. и превратившиеся в динамичные нации. Это Великобритания, предоставившая своим заморским колониям независимость и ставшая лидером добровольного сообщества государств, рожденных на руинах империи. Сможет ли Россия устоять перед искушением новоимперского соблазна? Сможет ли во имя искренней дружбы со своими славянскими,

тюркскими и кавказскими братьями избавиться от древней привычки пренебрежительно разговаривать с позиции силы? Сможет ли научиться уважать свободу, достоинство и интересы чужого, пусть исторически близкого, братского народа? Это покажет время. Все остальное уже зависит от нас.

Примечания:

1. Дорошенко Д.І. Нариси історії України. - Т. 1 (до половини XVII ст.).- К.,1992.-С. 19.
2. Літопис Руський.-К., 1989.
3. Ключевский В.О. Сочинения в 9-ти томах. - Т.6. - М., 1989. - С. 96-99.
Вернадский Г.В. Киевская Русь.-Тверь - Москва, 1996. - С. 193.
4. Pritsak Omeljan. Kiev and All of Rus': The Fate of a Sacral Idea // Harvard Ukrainian Studies, Vol. X, №3-4, 1986, P. 283-284.
5. Ibid, P.285.
6. Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии.-М., 1988.
7. Pritsak O. Op. cit.-P.286-287; Ключевский В.О. Указ. соч. - С. 100.
8. Яворницкий Д.И. История запорожского казачества. - Т.1. - К., 1990.
9. Kohut Zenon. The Development of a Little Russia Identity and Ukrainian Nationbuilding // Harvard Ukrainian Studies, 1986, Vol. X. № 3-4, P. 252-255.
10. Яковенко Н.М. Нарис історії України з найдавніших часів до кінця XVIII ст.-К.: Генеза, 1997. - С. 11.
11. Pritsak O. V. Lypyns'kyj's Place in Ukrainian Intellectual History // Harvard Ukrainian Studies, 1985. Vol. IX. № 3-4, P. 559.
12. Pritsak O. Kiev and All of Rus'... - P. 289.
13. Чижевский Д. Нариси з історії філософії на Україні.-К., 1992.
14. Липинський В. Релігія і церква в історії України // Політологічні читання, 1994, №7- С. 259.
15. Трубецкой Н.С. К украинской проблеме // История. Культура. Язык.- М., 1996.- С. 362-370.
16. Липинський В. Листи до братів-хліборобів.-Київ-Філадельфія, 1995.- С. XXIV-XXVII.
17. Лисяк-Рудницький І. Україна між Сходом і Заходом // Історичні есе.- Т.1. - К., 1994. - С. 9.
18. Липинський В. Релігія і церква...- С. 260.

Редакційні матеріали.

Постиндустриальное общество

Социально-экономическая структура передовых стран значительно отличается от условий в большинстве стран мира. Более того, можно говорить о том, что современное общество стало на новую ступень своего развития. Этот феномен называют по разному - “технотронное общество”, “информационное общество”, “постисторическое общество”. Наиболее распространенный термин - “постиндустриальное общество”, что подчеркивает поступательность исторического процесса и наступление новой эры в развитии человечества.

Сам термин появился в США, когда стало ясно, что американский капитализм середины столетия во многом отличается от индустриального капитализма, существовавшего до “великой депрессии” 1929-1933 годов. Первоначально постиндустриальное общество рассматривалось в рационалистических понятиях линейного прогресса, экономического роста, повышения благосостояния и технизации труда, вследствие чего сокращается рабочее время и увеличивается, соответственно, свободное. Вместе с тем, уже в конце 50-х годов была поставлена под сомнение целесообразность безграничного роста благосостояния, т. к. среди молодых американцев постепенно падал престиж обладания теми или иными вещами.

С конца 60-х годов термин “постиндустриальное общество” наполнился новым содержанием. Ученые выделили такие его черты, как массовое распространение творческого, интеллектуального труда, качественно возросший объем научного знания и информации, применяемой в производстве, преобладание в структуре экономики сферы услуг, науки, образования, культуры над промышленностью и сельским хозяйством по доле в ВВП и числу занятых, изменение социальной структуры.

В традиционном аграрном обществе основная задача состояла в обеспечении населения элементарными средствами к существованию. Поэтому усилия были сосредоточены в сельском хозяйстве, в производстве продовольствия.

В пришедшем ему на смену индустриальном обществе эта проблема ушла на второй план. В передовых странах 5% населения, занятые в сельском хозяйстве, обеспечивали продовольствием все

общество. На первый план выдвинулась промышленность. В ней была занята основная масса людей. Основной целью стало накопление материальных благ.

Следующим этапом стал переход от индустриального к постиндустриальному обществу. Для осуществления технологических инноваций решающее значение приобретает теоретическое знание. Объемы этого знания становятся столь большими, что обеспечивают качественный скачок. Чрезвычайно развитые средства коммуникации обеспечивают свободное распространение знания, что дает возможность говорить о качественно новом типе общества.

С XIX и до середины XX века коммуникации существовали в двух различных формах. 1 - это почта, газеты, журналы и книги, т.е. средства, которые печатались на бумаге и распространялись методами физической транспортировки или хранились в библиотеках. 2 - это телеграф, телефон, радио и телевидение; здесь закодированные сообщения или речь передавались средствами радиосигналов или по кабельной связи от человека к человеку. Сейчас технологии, некогда существовавшие в разных областях применения, стирают эти различия. Потребители информации получают в свое распоряжение множество альтернативных средств ее получения, что порождает и ряд сложных юридических проблем.

В производство, распространение и потребление информации неизбежно вовлекаются мощные частные интересы. Точно так же, как замена угля нефтью и конкуренция между грузовым автотранспортом, железными дорогами и газопроводами привели к существенным изменениям в распределении корпоративной власти, в структурах занятости, в профсоюзах, географическом расположении предприятий и тому подобном, так и колоссальные изменения, происходящие в коммуникационной технологии, затрагивают отрасли промышленности, связанные с коммуникациями.

В этом плане существует 5 основных проблем.

1. Происходит слияние телефонных и компьютерных систем, телекоммуникаций и обработки информации в одну систему. С этим связан вопрос, будет ли передача информации осуществляться преимущественно через телефонную связь или возникнет какая-либо иная независимая система передачи данных; какова будет относительная доля микроволновых станций, спутников связи и коаксиального кабеля в качестве каналов передачи.

2. Активно внедряется в жизнь замена бумаги электронными средствами, включая электронные банковские услуги вместо

использования чеков, электронную почту, передачу газетной и журнальной информации факсимильными средствами и по электронных сетям (типа Internet).

3. Расширяются возможности телевидения через кабельные системы со множеством каналов и специализированными услугами, что позволяет осуществлять прямую связь с домашними терминалами потребителей.

4. Реорганизуется хранение информации и систем ее запроса на базе компьютеров в интерактивную информационную сеть, доступную для исследовательских групп.

5. Новые возможности создает система образования на базе компьютерного обучения, использование спутниковой связи для сельских местностей, особенно в развивающихся странах.

По мере того, как компьютеры все шире используются в коммуникационных сетях в качестве коммутирующих систем, а средства электронной коммуникации становятся неотъемлемыми элементами в компьютерной обработке данных, различия между обработкой информации и коммуникацией исчезают. Основные проблемы здесь - правовые и экономические, и основной вопрос - должна ли эта новая область подлежать государственному регулированию или ей лучше развиваться в условиях свободной конкуренции. Этот вопрос - политический. Информация в постиндустриальную эпоху - это власть. Доступ к информации есть условие свободы. Из этого прямо вытекают проблемы законодательного характера.

Нельзя рассматривать постиндустриальное общество только как новую ступень в технической сфере. Меняется и сам человек. Необходимость трудиться для того, чтобы обеспечить себе пропитание и материальные блага, больше не является для него первой жизненной необходимостью. Постиндустриализация связана с превращением процесса труда для 2/3 общества в разновидность творческой деятельности, в средство самореализации. Постиндустриальное общество - это общество постэкономическое, поскольку в перспективе в нем преодолевается господство экономики (производство материальных благ) над людьми и основной формой жизнедеятельности становится развитие человеческих способностей.

Становление нового общества представляет собой глубочайшую социальную, экономическую, технологическую и духовную революцию. Ее ядром, сердцевиной является, в свою очередь, становление нового социального типа человека и характера

общественных отношений. Этот тип можно определить как “многомерный человек”. Если еще 30-50 лет назад жизненный путь человека и круг его общественных связей определялись, в первую очередь, тем, к какому классу или социальному слою он принадлежит, и лишь во вторую - его личными способностями, то “многомерный человек” реально может выбирать между работой по найму и собственным бизнесом, между различными способами самовыражения и материальным успехом. Это значит, что человек может выбирать и строить по своему усмотрению и те отношения, в которые он вступает с другими людьми. Они все меньше и меньше слепо господствуют над ним, как это было в эпоху индустриального капитализма. Именно с таким изменением связан наблюдаемый ныне в развитых странах “рыночный ренессанс”.

За “рыночным ренессансом” в действительности стоит колоссальное развитие нерыночной сферы - системы социальной защиты, образования, здравоохранения, культуры и, что очень важно, домашнего труда по воспитанию, “производству” человеком самого себя и своих детей. Характерной чертой складывающегося постиндустриального общества становится двухэтажная, двухсекторная экономика, состоящая из сектора производства материальных благ и услуг, который контролируется рынком, и сектора “производства человека”, где осуществляется накопление человеческого капитала и, по существу, не остается места рыночным отношениям. Причем развитие сферы “производства человека” все больше определяет развитие и структуру рынка, динамизм экономики и конкурентоспособность стран в мире. При этом “производство человека” все меньше является прерогативой государства и все больше гражданского общества.

Интеллектуальная собственность “многомерного человека” постиндустриального общества складывается в результате огромных затрат труда по воспитанию детей в семье, расходов государства, частных фондов и самих граждан на образование, собственных усилий детей, а потом студентов по освоению знаний и ценностей культуры. Наконец, в интеллектуальной собственности воплощаются затраты времени и усилия человека по поддержанию своей “спортивной формы” - своего здоровья, работоспособности, не говоря уже о совокупных расходах на охрану и восстановление окружающей среды. Уже в 1985 году величина “человеческого капитала” Америки в несколько раз превышала сумму всех активов американских корпораций.

Легкость накопления и передачи информации в постиндустриальную эпоху порождает свои проблемы. Так, становится все более очевидной угроза полицейского и политического наблюдения за индивидами с использованием изощенной информационной техники. Сегодня в мире существуют 858 банков данных, содержащих 1.25 миллиарда записей на индивидов. Контроль над информацией чаще всего выливается в злоупотребления, начиная с сокрытия информации и кончая ее незаконным обнародованием. Чтобы предотвратить эти злоупотребления, устанавливаются специальные институциональные ограничения, прежде всего в сфере информации.

В постиндустриальном обществе для самовыражения и самоутверждения человека велико значение политики, административно-общественного самоуправления - прямой демократии, которая расширяет общественные связи человека и тем самым возможности для проявления им творческой инициативы.

Западная общественная мысль в 80-е годы пришла к тому же выводу, к которому в свое время пришел Карл Маркс в первом черновом варианте "Капитала": культура, наука, информация - всеобщее достояние. Как только их "запускают" в производство, т.е. используют как производительную силу, они становятся подлинно всеобщей собственностью. "В классической и марксовской экономической теории капитал мыслился как "воплощенный труд", но знание нельзя интерпретировать в том же ключе, - писал Д.Белл - Главное состоит в том, что знание, как систематизированная теория является коллективным достоянием. Ни отдельное лицо, ни отдельная группа работников, ни корпорация не могут монополизировать или защитить патентом теоретическое знание, или извлечь из него уникальное производственное преимущество. Оно является общественной собственностью интеллектуального мира". В то же время наука, информация, ценности культуры, по существу, не отчуждаются ни от их создателя ("производителя"), ни от того, кто ими пользуется. Следовательно, эта общественная собственность является индивидуальной для каждого, кто пользуется ею. Таким образом, для постиндустриального общества характерно предсказанное Марксом единство индивидуальной и общественной (но не государственной) собственности на основной "продукт" и "производственный ресурс".

Процесс постиндустриализации необратим. Однако, пока он охватил далеко не все стороны общественной жизни и далеко не все страны. Создается новая карта мира. Это информационная карта,

которую можно уподобить климатической в том смысле, что на ней отражены некоторые постоянные условия среды. Эта информационная карта показывает большую плотность информации на территории Северной Америки, Европы, Японии. Во всех других местах плотность информации ничтожна и даже сходит на нет. Даже в самых развитых странах (США, Япония, ФРГ, Швеция) общество еще далеко от того, чтобы в полной мере стать постиндустриальным. До сих пор в них многие миллионы людей заняты простым трудом и подвергаются самой обычной капиталистической эксплуатации. И даже в этих странах, в особенности в США, существуют массы неграмотных, которые, естественно, остаются на обочине дороги в будущее. Разумеется, это препятствует постиндустриализации, консервирует старые отношения и старые технологии, а порой и воссоздает их на новой технологической основе. Остаются нерешенными и глобальные проблемы - экологическая и проблема отсталости большинства стран Земли. Однако решить эти проблемы можно только на постиндустриальной основе. В свою очередь, дальнейшая постиндустриализация немыслима без их решения.

Украине как и многим другим странам предстоит пройти путь к постиндустриальному обществу. Решая конкретные проблемы преодоления экономического кризиса, в Украине формируется информационная высокотехнологичная база, которая послужит основой дальнейшего развития нашей страны в одном ряду с передовыми странами мира.

Список литературы:

1. Белл Д. Социальные рамки информационного общества, [Сб. Новая технократическая волна на Западе,-М.,1986]
2. Красильщиков В. Ориентиры грядущего в постиндустриальном обществе // Общественные науки и современность. - N2, 1993.
3. Дайзард У. Наступление информационного века, [Сб. Новая технократическая волна на Западе,-М.,1986]

Информационная революция

Информация - явление несравненно более древнее, чем сам человек. Уже природа в ходе своей эволюции передавала закодированную информацию в растениях и живых организмах. С первых шагов люди ищут и находят новые средства передачи и хранения информации. Об этом рассказывают и наскальные рисунки, и иероглифические плиты цивилизации Майя в “Храме надписей”, и папирусы древних египтян, камешки абака и диски для пересылки секретных сообщений у греков.

Однако, никогда ранее человечество не накапливало информацию и знания столь стремительными темпами. Удвоение объема знаний и увеличение потока информации в десятки раз ожидаются уже в ближайшем будущем, к 2000 году. Все это в известной степени застало людей врасплох. Как справиться с этим бушующим морем сообщений, сведений, данных и цифр? Как извлечь из монблана фактов и характеристик единственно верные, дающие ключ к решению проблемы? Как помочь человеку эффективно воспринять и усвоить, обработать и передать все это информационное богатство? Что несет человеку “великая информационная революция”?

К счастью, создавая проблему, люди, как правило, находят ее решение. Вплоть до середины XX века “информация” (от лат. informatio- ознакомление, разъяснение, представление, понятие) означала сведения. Академик А.Н.Колмогоров рассматривает ее уже как первооснову новых перспективных отраслей науки и техники (кибернетики, теории управления и пр.). Проблема информации считается одной из наиболее актуальных и фундаментальных в условиях НТР. В частности, она характеризуется передачей информационных функций от человека к машинам в самых широких масштабах. В последние три десятилетия получил распространение и термин “информатика”, под которым обычно подразумевают информацию плюс автоматику. Лондонский институт информатиков дает термину следующее определение: “Информатика занимается теорией, методикой и практикой представления информации преимущественно, но не исключительно для поддержания профессиональной и академической деятельности. С этой целью она изучает информацию от ее создания до ее использования, а также ее

передачу в различных формах и по различным каналам”. Поскольку распространяющаяся информация охватывает сотни миллионов людей, она становится все более заметной материальной силой, воздействующей не только на технический прогресс, но и на экономику, на социальную сферу, на характер современного мышления. “Информационная революция представляет собой важное звено в сложной сети общественных явлений” сегодняшнего дня.

Первые электронно-вычислительные машины появились в годы второй мировой войны. Однако, не вызывает сомнений, что они были бы созданы и без ее “участия”. Исследования в указанной области вели обе враждующие стороны. В 1943 году компания International Business Machines создала по заказу военно-морского флота США первый компьютер. Его сконструировали ученые Гарвардского университета и назвали “Марк-1”. Это “чудовище” имело размеры 2 м в высоту и 15 м в длину. Создали свой компьютер и англичане, поставив перед ним задачу обеспечивать дешифровку германских военных донесений и радиограмм. Назначение этих первых электронно-вычислительных машин было довольно узким.

Первый, в полном смысле слова, современный компьютер “Eniac” мог выполнять уже гораздо более широкий круг задач, быстро переключаться с одной задачи на другую, воспринимать новые программы без остановки машины и т. д. По современным стандартам эта машина считалась бы примитивной: масса ее - 30 т, тысячи ламп, потребляющих огромное количество энергии. Однако, несмотря на то, что электронные лампы довольно быстро сменились транзисторами, в рабочем отношении первые компьютеры оказались “долгожителями”. Так, например, созданный в Австралии в 1949 г. компьютер “CSIR Mark-1”, выполнял самые разнообразные задачи для научного сообщества (от радиофизики до метеорологии) на протяжении долгих пятнадцати лет, вплоть до 1964 г. включительно.

Факт создания электронно-вычислительных машин, безусловно, выдающееся событие в истории развития производительных сил человечества. Рост объема знаний, увеличение объема информации и числа людей, занятых в сфере интеллектуальной деятельности, усложнение производственных, экономических, научных задач, стоящих перед обществом, потребовали создания надежного и верного помощника человеческого мозга. Таким помощником и стал компьютер. Он обладает способностью собирать и хранить информацию, обрабатывать и анализировать ее, проводя

определенные логические операции. Конечно же, возможности первых ЭВМ были ограниченными. Во всяком случае, появление компьютеров наряду с разнообразной информационной теорией создало мощную индустриальную основу для возникновения общества, в котором информация как предмет труда играет все более заметную роль.

Значение информатики в современном мире велико, как никогда. Качество и эффективность такого рода работ все в большей степени начинают определять и качество и эффективность экономики. По подсчетам ученых, суммарный информационный поток возрастает в среднем пропорционально квадрату промышленного потенциала. Иначе говоря, увеличение вдвое производительных сил страны потребует 4-кратного увеличения потока информации. Все очевиднее возрастающая зависимость национального развития от состояния информационных ресурсов.

В послевоенную эпоху первыми, кто сумел с немалой для себя пользой воспользоваться плодами “информационной революции”, были японцы. Не случайно, многие специалисты пришли к выводу, что появление феномена “японского чуда”, стремительного роста экономики Страны восходящего солнца, было бы немислимо без кропотливой и умелой работы с информацией. Особенно это касается информации по новейшим технологиям, тщательный сбор которой стал осуществляться в 50-е годы.

Чтобы быть в курсе новейших научно-технических веяний, как признают сами американцы, сегодня “нужно иметь информацию едва ли не по всем важнейшим исследованиям, которые ведутся за рубежом”. Информационное невежество в наши дни ведет к технологическому банкротству, к превращению страны в сырьевую колонию или свалку устаревшей технологии.

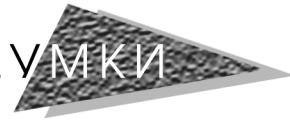
В основе “информационной революции”, переживаемой нами, лежит бурный рост микропроцессорной техники и сопутствующих ее технологий. Бурно развивается информационная индустрия, производящая самую разнообразную технику, от копировальных машин до телексов, от электронно-вычислительных машин до спутников связи.

Важным моментом в новой технологии является ее многоликость, ее всеобъемлющий характер. Информационная экономика - это не только теория. Нет ни одной отрасли в производстве или сфере услуг, где бы ни был замечен поворот к такого рода экономике. Примерно с середины 70-х годов исследователи научно-технического прогресса в

странах Запада (М.Порето, Е.Масуда, А.Тоффлер и другие) в полный голос заговорили об “информационном обществе”, как о чем-то вполне осязаемом, вполне реальном. Императивом этого общества, его лозунгом стало: “Как можно больше информации и как можно быстрее!” Ускоряющееся течение жизни, интенсификация процесса производства в результате автоматизации, быстрое накопление знаний – все это, по словам А.Тоффлера, повышает экономическую значимость упущенных мгновений времени, “Пульс информации должен биться гораздо быстрее, чем когда-либо”, - отмечает этот известный футуролог в своей книге “Столкновение с будущим”.

В известной мере можно говорить о создании новой, наиболее могущественной в информационном отношении постиндустриальной цивилизации. В этой цивилизации на наших глазах начинают исчезать ремесла, имеющие тысячелетние традиции, и возникают ранее неизвестные. Меняются функции и задачи работников, характер их труда. Происходят огромные перемены в формах и организации управления в политике, экономике и социальной сфере.

АНТОЛОГІЯ ПОЛІТИЧНОЇ ДУМКИ

Р. Михельс

Анализ социалистических вождей буржуазного происхождения

*Глава из книги Роберта
Михельса “Социология поли-
тической партии в условиях
демократии”
(Лейпциг, 1911)*

Анализ социального состава вождей социалистических партий показывает, что по своему социальному происхождению они, как правило, являются выходцами из двух классов: пролетариата, буржуазии или интеллигенции. Среднее сословие, мелкая буржуазия, мелкое крестьянство, имеющее собственное хозяйство, ремесленники и лавочники составляют среди них лишь ничтожно малую долю. Они, правда, примыкают при определенных условиях к рабочему движению, но не занимают в нем руководящих постов.

Из двух элементов состава вождей наиболее чуждым ему является исходный буржуазный, которому, по меньшей мере в среднем, свойственен больший идеализм, чем исходно пролетарскому.

Психологически это легко объяснимо. Хотя уже давно и не повсеместно и не во всех слоях пролетариата, все же вовсе не редкость, что пролетарию нет нужды развивать в себе качества социалиста, поскольку он, его рождение совпадают, по сути, с уже наличествующим строем мысли, даже с существованием партии.

В странах с давним капиталистическим опытом в определенной рабочей среде, более того, среди многих категорий рабочих уже существует сложившаяся социалистическая традиция. От отца к сыну переходит классовая идея, которую тот, в свою очередь, может быть, унаследовал от деда. Социализм у них, можно сказать, содержится “в крови”. Кроме того, сегодняшние экономические отношения с присущими им классовыми битвами, от которых не может уклониться даже тот, кто не приемлет идеи социализма, прямо-таки подталкивают пролетария к вступлению в рабочую партию. Социализм не только не противоречит его классовому ощущению, но и является наиболее полным и ясным выражением такового. Пролетарий, наемный рабочий, социал-демократ является социалистом в силу своего собственного интереса. И хотя факт его партийной принадлежности может принести ему материальный ущерб, он может остаться без работы и без средств к существованию, но от этого его социализм вовсе не утрачивает черты здорового классового эгоизма, а возможные лишения, которые ему приходится из-за этого испытать, он переносит ради своего класса в условиях более или менее явно выраженного признания своих заслуг со стороны товарищей по классу. Действия пролетария-социалиста - это классовые действия, в результате которых он к тому же материально не проигрывает, а выигрывает.

Все эти мотивы отсутствуют у вступающих в социалистическую партию представителей буржуазии. Ни для кого из них ни партия, ни даже идейное направление, которого она придерживается, не являются чем-то от рождения знакомым. Они являются выходцами из семей, политические традиции которых либо явно враждебны рабочим, либо по меньшей мере определяются презрительно-сдержанным отношением к устремлениям современного социализма. Классовую идею и в данном случае сын наследует от отца, но противоположную той, которую наследует сын пролетария, а имени классовую идею буржуазии. У него в крови не социализм, а капитализм со всеми его оттенками, да к тому же еще и чувство интеллектуального превосходства. Кроме того, экономические условия и воспитание, которое он получает в школе, прямо ориентируют его на сопротивление устремлениям рабочих последовательно социалистических взглядов. Прежде всего потому, что внушают ему страх и ужас перед напором организованного четвертого сословия за свое имущественное положение, обостряя в нем тем самым классовый эгоизм и личную неприязнь в силу того, что официальная наука еще более подтверждает и усиливает его чувства “молодого господина”. Влияние школы и окружающей среды на молодого буржуа столь велико,

что даже в том случае, если он вырастает в семье, приверженной социалистической партии, т.е. морально и духовно связанной с делом рабочего класса, существует очень большая опасность, что его буржуазный инстинкт благодаря им окажется сильнее, чем социалистическая традиция семьи. До сих пор действительно было довольно большой редкостью, как, например, с детьми Маркса, Лонге, Либкнехта, Молькенбура и немногих других, чтобы получившие высшее образование сыновья и дочери решительно пошли по социалистическому пути своих отцов, чему, видимо, во многом способствовал социалистический метод воспитания, с которым так часто встречаешься в семьях социалистов.

Но если даже только что названные обстоятельства, затрудняющие развитие социалистического сознания, отпадают, то все равно выходцы из буржуазной среды - а к ней экономически, разумеется, принадлежат и буржуа, перешедшие на сторону социал-демократии, те, кто, несмотря на то, что умом и сердцем находятся на стороне пролетариата, экономическую классовую борьбу, сами того не желая, вынуждены вести на стороне буржуазии и тем самым, как и политическая буржуазия во многих отношениях, например, в отношении к прислуге своей семьи, принадлежат к категории работодателей и, стало быть, хотя и не вульгарном, но все же в историческом смысле слова, к “эксплуататорам” - испытывают сильное влияние своей классовой среды. Вступление в ряды социал-демократии означает для них отчуждение от своего класса и, что в результате не менее важно, в большинстве случаев большие социальные, духовные, а иногда даже и материальные потери. Для представителя мелкой буржуазии переход в партию сознательного пролетариата может проходить в более спокойных формах. По своему социальному положению и духовно он ближе к пролетариату и часто бывает отделен от наиболее высоко оплачиваемых слоев последнего только мнимыми перегородками всевозможных классовых предрассудков. Иначе обстоит дело с представителем буржуазии. Чем более явно выражена семейная традиция, чем выше социальное положение членов семей, чем больше богатство и прочее, тем более нелегким будет для него переход в социал-демократию.

Для члена семьи крупного буржуа, большого чиновника, высшего слоя общества, дворянской знати он может стать просто катастрофой. Конечно, никто не может ему запретить мечтать о туманных гуманистических идеалах, называть себя в крайнем случае, в зависимости от обстоятельств, даже “социалистом”, но как только он открыто пожелает выступить в качестве организованного члена политического

рабочего движения и встать в один строй с массой “бунтовщиков”, беглец из рядов своего класса будет считаться параноиком или дурным, недостойным человеком. Его престиж в обществе падает до нулевой отметки, даже внутри своего класса он больше не имеет никаких родственных связей. Тончайшие нити кровного родства с ним резко обрываются. Родители и родственники отворачиваются - часто навсегда. Возврата к прошлому для него нет.

Анализ мотивов, побуждающих образованных людей присоединиться к политическому движению рабочих, обнаруживает два главных их типа.

1. Человек науки. Он стремится только к реальным целям, которые народной массе кажутся поначалу непрактическими, нередко вычурными. Движущие им мотивы идеалистичны в том смысле, что ради науки и ее результатов он способен пожертвовать всеми другими благами. И тем не менее и в этом он следует сильному эгоистическому инстинкту, хотя и облагороженному. Научная последовательность является для них “врожденной”. Но психологи единодушны в том, что любая уступка естественным влияниям возбуждает чувственность. Жертвы, которые социалист-ученый приносит партии, повышают, таким образом, у него чувство личной удовлетворенности. При всех внешних, материальных и других неудобствах, которые испытывает буржуа в результате своего вступления в социал-демократическую партию, он приобретает возвышенное ощущение собственной удовлетворенности и чистой совести. Эта удовлетворенность может превратиться и в честолюбивое стремление к результатам, требующим большого напряжения усилий. Такое честолюбие, разумеется, не имеет ничего общего с грубым честолюбием, которое направлено только на умножение внешних благ (карьера, обогащение).

2. Человек сильных, идущих от внутренней энергии чувств. Он становится социалистом, как правило, в юности, когда противодействие соображений материального порядка и меры предосторожности, появляющиеся с возрастом, еще не могут сдержать напор бурного темперамента и легко возбуждаемого энтузиазма, свободного как от привходящих, так и задних мыслей. Им руководит и общая потребность творить добро. Ближайшие мотивы его поведения - благородное отвращение ко всякой несправедливости, сострадание слабым и нищим, готовность к жертвенности во имя великих идей, вселяющая часто мужество и боевой задор даже боязливым и инертным натурам. Все это, как правило, перемешано с немалой долей оптимизма, с переоценкой идеальных возможностей движения, а иногда и самих этих возможностей,

а также ложными представлениями о темпах развития, сроках и доступности осуществления. Имеют при этом значение и чувственно-эстетические качества. Поэтический дар образного мышления, фантазия, сила воображения, быстрее постигающие и легче отражающие полноту социальной жизни, во многом возрастающие по мере социальной удаленности от отраженного объекта, и, наконец, большая возбудимость темперамента, приводимая в движение естественным путем и позволяющая без промедления выразить живым языком то, что было схвачено в образе, являются такими силами, которые обеспечивают движение к социализму с наивысшей эффективностью. Отсюда такое количество поэтов и разгоряченных, страстных, темпераментных людей в рядах борцов за освобождение труда.

Какое число преобладает среди тех, кто перешагнул через порог к социализму, тех, кто сформировался как ученый или как морализатор? Ответить на этот вопрос нелегко. Вероятно, что среди вступивших в партию в молодые годы преобладают последние, а среди тех, кто решился на это в более зрелом возрасте, первые. В реальном движении, в общем, преобладают обычно смешанные типы. Бенедетто Кроче обратил внимание на то, что буржуазные ученые, уже давно выступающие за социализм по этическим соображениям, другими словами, считающие социализм единственным решением социального вопроса, отвечающим требованиям справедливости, практически переходят на сторону социализма только тогда, когда они - часто вопреки собственным ожиданиям - с помощью аргументов науки убеждаются в осуществимости своих сокровенных желаний. Таким образом, их выбор представляет собой синтез морализаторства и знаний. В проведенном в 1894 году в Италии среди известных ученых и деятелей искусства опросе по социализму на один из вопросов о том, являются симпатия, равнодушие или неприязнь, которые они испытывают по отношению к социалистическим целям, результатом научного исследования присущих социализму проблем или же, напротив, выражением совокупности чувств, большинство опрошенных социалистов ответило так, что источником их социалистических убеждений является внутренняя предрасположенность, усиленная внешней убежденностью. Разумеется, это относится также и к марксистам, которые, хотя и пытаются делать вид, будто им чужды морализаторство и сочувствие, но все же, по меньшей мере если они выросли собственно на партийной работе или же, напротив, потеряли себя на ней, исповедуют, несмотря на показной материализм, настоящий идеализм, выражающийся в косности их принципов.

Предрасположенность к социалистическому восприятию, более

того, даже согласие с принципами социализма оказывается, однако, не всегда достаточным, чтобы перейти на сторону партии. Часто этому шагу препятствует необъяснимая боязнь перед незнакомыми массами, по еще чаще сила инерции или же оправданный или неоправданный страх перед негативными последствиями такого шага. Иногда для окончательного решения достаточно чисто внешней причины. Нарастание массового возмущения вызывает вопиющее социальное бесправие, а также личная несправедливость, допускаемая в отношении того, кто не может определиться, или в отношении его близких. В результате основания альтруистических принципов захлестывает волна эгоизма. В других случаях скрытые социалисты вынуждены переходить рубикон как бы машинально, в силу необходимости, порожденной переплетением судеб, злыми намерениями или неразумным поведением людей. К числу этих причин относится и “позор”, которым колеблющиеся дискредитируют себя среди своих товарищей по классу, когда их тщательно скрываемые симпатии к социализму становятся достоянием общественности. Некоторые переходят в рабочую партию только тогда, когда они в результате какого-нибудь неосторожного выступления по коварному доносу в буржуазной печати изобличаются в качестве социалистов и тем самым попадают в невыносимое положение, из которого существуют только два выхода: позорные, купленные ценой подрыва репутации от отступления или открытое признание втайне вынашиваемой идеи. Они становятся социалистами, как “служанка матерью”, сами того не желая. В связи с возможностью публичного разоблачения русский нигилист Нечаев предложил дьявольский проект агитации. По его мнению, революционер обязан компрометировать тех, кто почти полностью, но не до конца разделяет его идеи, чтобы лишить их последних связей с противником и привлечь таким образом полностью на сторону “святого дела”.

Часто приходится слышать, что степень восприимчивости социалистических идей у представителей отдельных рутинных и свободных профессий различна. Гуманитарные науки и узком смысле слова - философия, история, политэкономия, теология, юриспруденция - настолько проникнуты духом ставшей истины, что их приверженцы изначально отвергают любые революционные идеи. Определенная любовь к порядку, приверженность ко всему устойчивому, уважение к формальной стороне дела, неспешность процедур, и если уж на то пошло, ограниченность кругозора, составляющие совершенно естественную основу для исправления соответствующих ошибок, которые склонна допускать демократия, особенно присущи профессии юристов.

Умозрительные и дедуктивные науки полностью авторитарны и аристократичны, а их приверженцы заражены реакционным доктринерством. Напротив же, тех, кто занимается экспериментальными, индуктивными науками, основанными на методе наблюдения за всеми объектами и ведущими к непосредственному и осторожному обобщению, гораздо легче заинтересовать прогрессивными целями. Зародыш социалистического сознания будто свойственен в особой степени врачам, чья профессия состоит в постоянной борьбе с людскими страданиями.

Анализ профессиональной принадлежности интеллигентов, являющихся членами различных социалистических партий мира, не подтверждает этих теоретических построений. Наиболее представительны среди них врачи только во Франции и Италии, но и там они значительно уступают гуманитариям, особенно практикующим юристам, адвокатам. В Германии же картина контактов рабочего движения и даже менее устроенного слоя врачей (работающих в больничных кассах) малоотрадная. В целом врачи, как правило, значительно более равнодушны, предвзяты и резки в отношении, социализма, чем абстрактный философ или даже выпускник юридического факультета свободной профессии. Материалистически понятый и истолкованный в консервативном духе дарвинизм и учение Геккеля, являющиеся наиболее популярным идейным течением среди медиков последних четырех десятилетий, а также цинизм, легко приводящий к эгоцентризму, жертвой которого становится поразительно большая часть врачей в силу естественной реакции против окружающей их профессию атмосферы распада и низости, глупости и слабости человека, тех качеств, с которыми они преимущественно имеют дело на практике, затруднят для них в большей степени, чем для других слоев образованных, понимание особенностей и целей социализма.

Несколько слов следует сказать о явном преобладании среди вождей социал-демократических и революционных партий евреев. Отличительные качества еврейства, особенно часто встречающийся среди его представителей односторонний, увлекающий также и массы фанатизм, непоколебимая, вдохновенная вера в самого себя, свойственный ему профитизм, к тому же большое ораторское искусство и диалектическая изворотливость и еще большие честолюбие и стремление к показной демонстрации своих заслуг, его прямо-таки неограниченная приспособляемость делают еврея прирожденным вождем масс, организатором и агитатором. В последние три четверти века в политической жизни народов не было ни одного течения, в котором евреи не занимали бы выдающегося места. Некоторые движения можно

прямо назвать делом их рук. Именно евреи выступают организаторами революции и реакции. Социализм и консерватизм изваяны евреями, проникнуты их духом. С одной стороны, это Маркс и Лассаль, разжигающие пожар революции, а с другой стороны, еврей Юлиус Шталь- глубокий теоретик феодальной реакции после 1848 года и еврей Дизраэли, основатель бледно-желтой лиги и воссоздатель Консервативной партии в Англии. Евреи же возглавляют и пестрые, смертельно ненавидящие друг друга национальные течения. В Венеции знамя освободительной борьбы против австрийцев поднял Даниеле Манин. В германо-французской войне национальную оборону организовал Гамбетта. В Англии уже упомянутый Дизраэли выдвинул лозунг сплочения Британской Империи. В Германии Эд. Зимсон, Бамбергер и Ласкер являлись вождями того либерального направления, либерализм которого заметно поблек перед их национальным чувством; содействовали они и основанию Рейха. В Австрии евреи составляют авангард почти всех национал-шовинистических партий. Среди богемских немцев, итальянских ирредентистов, польских националистов, и особенно среди мадьяр, многие из числа наиболее крикливых возмутителей спокойствия являются потомственными евреями. Не существует ничего из того, что не могли бы или не были способны организовать евреи. Даже среди вождей антисемитизма находятся люди, которые по своему происхождению близки Израилю.

Но общее свойство приспособляемости и предприимчивый дух еврейства недостаточны для объяснения наличия, и особенно количественной и качественной силы евреев именно в рабочей партии. Ответ на вопрос о причинах этой силы, который, разумеется, вовсе не сводится к “еврейскому засилью” в том смысле, что партия будто бы существует на деньги еврейских капиталистов, являющихся ее членами: по крайней мере для Германии и для стран Востока он заключается в особом положении евреев в прошлом и в настоящем. Юридическое освобождение здесь все еще не привело к обычно правовому и социальному. В широких кругах немецкого народа все еще существуют ненависть и травля евреев, живо еще нелепое чувство презрительного отношения к евреям. В своей карьере еврей чувствует себя обделенным, возможности стать судьей, офицером, правительственным чиновником для него почти не существует. Все это повсеместно возбуждает в евреях старое и справедливое чувство нравственного возмущения причиненной их соплеменникам несправедливости, которое при том духовном запасе, который питает эту подверженную крайностям расу, легче, чем у немцев, переходит в ощущение естественного отвращения к любой

несправедливости и возвышается до уровня масштабного революционного изменения мира.

Таким образом, евреи, если даже у них есть состояние, относятся по меньшей мере в Средней и Восточной Европе к тем слоям, которые даже в смысле общественных связей (общения с другими людьми, публичного выражения своего мнения и т. д.) не полностью пользуются теми преимуществами, которые система политических, экономических, духовных отношений предоставляет части христиан, находящихся на такой же экономической ступени. Остальное определяет свойственная всем евреям, руководствующимся разумом или стихийным чувством, которые, естественно, позволяют им легко и без переживаний реагировать на упрек, предъявляемый социал-демократии в том, что они “не имеют отечества”.

По этим причинам путь, ведущий евреев к социал-демократии, в большинстве случаев является более коротким, чем тот, который прошла “арийская” интеллигенция, чтобы проникнуть в мир идеи социализма. Это вовсе не исключает, что социал-демократия, несомненно, обязана особой признательностью именно интеллектуалам еврейской нации. Речь идет только о них; крупные еврейские предприниматели, более того, даже еврейская мелкая буржуазия, которая во время выборов все же часто поддерживает социал-демократию, почти полностью устраняются от организации. Классовый интерес у них в основном все-таки преобладает над национальным. Иначе, как уже было отмечено, дело обстоит с еврейской интеллигенцией, доля которой примерно составляет не менее 2-3 процентов. То, что социал-демократия до сих пор успешно, без каких-либо комбинаций обходила все ловушки антисемитских тенденций, проявлявшихся порой и в собственных рядах, нельзя поэтому отнести на счет только ее теоретического неприятия любого “национального” высокомерия и всех расовых предрассудков, но и осознания признательности, а может быть, и преданности.

И еще несколько замечаний о, казалось бы, редком явлении, связанном с тем, что на сторону социализма переходят многие представители plutократии.

Благочестивыми и не испытывающими нужды людьми при особых обстоятельствах овладевает чувство необходимости пропаганды, соответствующей их классовому положению. У них появляется желание, чтобы состояние достатка, в котором они живут, было бы доступно и другим людям. Речь идет о богатых филантропах. Во многом их внутренним стимулом является повышенная чувствительность, жалостливость, неспособность выносить страдания других, в меньшей

степени потому, что испытывают искреннее сострадание к страждущим, а потому, что страдания причиняют боль им самим или действуют на их собственное эстетическое чувство. Это можно сравнить с тем, что большинство людей не могут видеть, как режут голубей, но не отказываются питаться их мясом.

И в умах некоторых необычных людей, столько же богатых, что и мудрых, получил распространение предрассудок, побуждавший бросаться в объятия социалистов, что только переход на сторону социализма или же сильной рабочей партии, а стало быть, и поддержание добрых отношений с их руководством, способен спасти их состояние от конфискующей ярости революционеров во время надвигающейся революции. К тому же и страх за свою жизнь, которая может быть подвергнута угрозе в результате ожесточения неимущих. Но, может быть, мотивом, побуждающим чрезвычайно богатых людей посмотреть на социализм другими глазами и сделать шаг навстречу ему, является та неспособность к умножению благ, на которую обратил внимание Б.Шоу, и проистекающее отсюда отвращение к буржуазному миру, которое может привести к исчезновению классового сознания или же к воинственному использованию этого инстинкта.

Обращает на себя внимание относительно высокий процент богатых рантье, евреев, которые входят в рабочие партии. Отчасти это можно объяснить уже упомянутыми общими этническими характеристиками евреев. С другой стороны, этот феномен связан с психологией очень богатых, пресыщенных людей. В отдельных случаях причиной, достаточной для объяснения, может быть ярко выраженный у евреев инстинкт приобретательства, который легко находит возможность нажить, как говорят, капитал в результате умелого его вложения в предпринимательские организации рабочих.

В принципе можно утверждать, что большинство молодых буржуа, говоря словами Феличе Момиглиано, идут к социализму с открытым сердцем и искренними порывами доброй воли, вовсе не стремясь к восторженному признанию или почестям и доходным местечкам, руководствуясь простым соображением. Этот шаг они считают необходимым, чтобы жить в мире с собственной совестью и чтобы придать внутренним убеждениям также и внешнюю форму выражения.

При этом опять же следовало бы различать два типа: мягкий, понимающий, апостольский, охватывающий все человечество и настойчивый, жесткий, непримиримо фанатичный. По наряду с последними среди буржуазных социалистов встречается множество недовольных в силу личных причин и завистников, кроме того,

недовольных по призванию, неврастеников.

Многие ненавидят государство сознательно или бессознательно, только потому, что для них самих оно недоступно. Их поведение напоминает историю с лисой, которая не может дотянуться до свисающих гроздей винограда. Ими движет неблагожелательность и неудовлетворенная жажда господства. Это ненависть и зависть бедных родственников к богатым и могущественным членам большого семейства. Горделивое чувство: лучше быть первым в пролетарской Галилее, чем вторым в аристократическом Риме. К упомянутым родственным типам примыкают другие. В первую очередь это истеричные и ненормальные. То, что находящиеся внизу пытаются штурмовать вершины, кажется нормальным. Но есть и люди, которые, находясь наверху, испытывают потребность быть внизу. Люди, слишком стесненно чувствующие себя наверху и считающие, что внизу можно жить свободнее, легче, стремятся к “естественному состоянию”, к народу, о котором они составили себе идеальное представление. Это свихнувшиеся идеалисты.

К ним примыкают разочарованные и недовольные, которым не удалось привлечь внимание буржуазии и умиловить ее дух. Они шумно бросаются в объятия пролетариату, как правило, в надежде и со смутным чувством, что при недостатке встречаемого там обычного образования они смогут быстрее проявить себя, получить роль. Это фантазеры, отвергнутые гении всех видов, представители литературной богемы, непризнанные изобретатели всевозможных социальных панацей, предлагающие на свободном рынке свое искусство врачевания, для которых важно не воспитание масс, а утверждение собственного я.

Количественный рост партии, который всегда связан с ростом авторитета, хотя и не во всех случаях в официальной политике, но тем не менее среди народных масс, уже сам по себе обладает большой притягательной силой. Во всяком случае, среди наций, в которых как у немцев, сильно развито стадное чувство, небольшие партии появиться не могут. И потому некоторые буржуазные элементы считают, что в “большой социалистической партии” они найдут то, что им недоступно в буржуазных партиях. В таких случаях, но еще в большей степени в период перехода партии от оппозиции к участию в правительстве умножается число тех, кто рассматривают партию лишь в качестве пьедестала, на котором они лучше могут удовлетворить свое низкое честолюбие и тщеславие, тех, кто видит в успехе, не достигнутую цель, или пройденный этап на пути к цели, или награду за заслуги, вознаграждение за настойчивое стремление к идеалу, а рвутся к нему ради него самого и для возвышения своей мелкой личности. Это те, о которых Арполео говорит:

в случае их победы приходится опасаться стать жертвой диких животных, но при ближайшем рассмотрении они оказываются оравой алчных, но в общем невредных моллюсков. Так же обстоит дело и в малом. Там, где кооперативы и народные банки находятся в руках рабочих партий и обеспечивают интеллигентам безбедное существование и влиятельное положение, там навстречу им спешит лишенное всяких социалистических знаний и чувств деляческое социалистичество. Как всегда и повсеместно, успех демократии также ведет к уничтожению идеализма.

Р. Михельс **Необходимость организации**

Глава из книги Роберта Михельса "Социология политической партии в условиях демократии"
(Лейпциг, 1911)

Без организации демократия немыслима. В подтверждение этого тезиса достаточно привести лишь несколько суждений <...>

Любой класс, предъявляющий обществу определенные требования, стремится привнести в действительность... комплекс самостоятельно порожденных идеологий и "идеалов", вытекающих из выполняемых им функций, нуждается как в экономической, так и в политической организации в качестве единственного средства для осуществления совокупной воли. Организация, основанная на принципе наименьшей траты сил, т.е. на максимально возможной экономии сил, является готовым оружием слабых в борьбе с сильными, которое может быть использовано только на основе солидарности равных заинтересованных лиц.

Социал-демократы, эти самые большие фанатики среди партийных приверженцев идеи организации, высказывают между тем аргумент, совпадающий с результатами научного исследования проблемы политических партий, когда в опровержение теории индивидуалистического анархизма они ссылаются на то, что для предпринимателей нет ничего более важного, как разобщить и расколоть силы рабочих.<...>

Но политически необходимый принцип организации, минующий Сциллу неорганизованности масс, играющей на руку противнику, содержит в себе все опасности Харибды. Действительно, источник, из которого консервативные потоки устремляются в русло демократии, чтобы вызвать в нем порой опустошительные наводнения, искажающие до неузнаваемости это русло, называется *организация*.

Формально-техническая невозможность прямого господства масс

Рейнский демократ Моритц Риттингхаузен попытался путем создания гениальной системы обеспечить вначале реальную базу прямого законодательства народа.<...>

Проекты законов не предлагаются вообще. У правительства нет никакой иной инициативы, кроме решения о том, чтобы в назначенный день все секции обсудили выдвинутое положение. Если же определенное число граждан потребует принятия нового закона по тому или иному вопросу или пересмотра прежнего закона, то соответствующее министерство обязано обратиться к народу выразить свой суверенитет в течение определенного срока и принять обсуждаемый закон самостоятельно. Закон естественным путем порождается самой дискуссией.<...>

Предлагаемая система легка и понятна, и создается впечатление, что она не встретит никакого сопротивления при ее применении на практике. Что же касается самого практического осуществления, то позитивный результат вовсе не соответствует ожиданиям ее творца.

Прямое самоуправление путем решений народного собрания, этот идеал демократии, ограничивая расширение делегирования, все же не является гарантией против возникновения олигархического вожизма.<...> Массой овладеть легче, чем небольшой группой слушателей, поскольку свое одобрение она выражает более темпераментно, спонтанно и категорично, и, воодушевившись, она уже не терпит сопротивления небольших групп и тем более отдельных индивидов. Большая толпа людей, локализованная в одном месте, в гораздо большей степени подвержена паническому страху,

неосмысленному воодушевлению, нежели их небольшое число, когда образующие его индивиды способны к разумному общению.<...> Является эмпирическим фактором, что гигантские митинги и даже партийные съезды с подбором делегатов стремятся путем одобрения без подсчета голосов или путем голосования принимать резолюции целиком, в то время как те же люди, собравшиеся в группе по 50 человек, остерегаются выразить им свое одобрение. Слова и поступки обдумываются толпой в гораздо меньшей степени, чем отдельными людьми или небольшими группами этой же толпы. Этот неоспоримый факт, ведущий в область массовой патологии, в достаточной степени освещен французскими и итальянскими социологами. Толпы вытесняют индивида, а вместе с ним его личность и его чувство ответственности.

Таким образом, непроверяемый аргумент против суверенитета массы состоит в его формально-технической неосуществимости.

К принятию даже самых необходимых решений непосредственно и самостоятельно суверенные массы не способны. Невозможность прямой, как и возможность опосредованной демократии вытекает в первую очередь из численности. Полемизируя в 1849 году с Прудоном, Луи Блан поставил вопрос: “Могут ли 34 миллиона людей (численность тогдашнего населения Франции) обойтись для удовлетворения своих нужд без того, без чего не может обойтись даже самый мелкий коммерсант, то есть без продавца?” И сам он ответил так: “Глупец тот, кто с этим согласится, и не абсолютный враг государства тот, кто это отвергнет”... Та же самая постановка вопроса и ответ на него могут быть сегодня отнесены и к организации партии. В крупных промышленных центрах рабочая партия насчитывает сотни тысяч членов, и ведение дел этой гигантской корпорации уже невозможно без наличия представительской системы. Большой Берлин социал-демократов, в который входят шесть избирательных округов рейхстага Берлина, а также два округа Нидербаним и Тельтов-Беесков-Шарлоттенбург, насчитывает свыше 90 тысяч организованных членов<...>

Очевидно, что использование столь огромной массы людей, принадлежащих единой организации в качестве основы прямого принятия решений, практически совершенно невозможно.<...> Регулярное проведение совещательных собраний даже тысячи членов натолкнулось бы на большие трудности, связанные с их перемещением, расстоянием и т.д. В случае проведения таких собраний с участием 10 тысяч членов это невозможно просто физически. Каким образом можно было бы собрать такое количество людей в определенное время и с периодичностью, диктуемой сутью дела, в одном месте даже при наличии максимально

развитых средств коммуникации? Кроме того, из законов физики известно, что даже самого мощного человеческого голоса недостаточно, чтобы он был услышан 10 тысячами собравшихся людей. Прямое самоуправление больших групп неосуществимо и по техническим причинам другого свойства. Когда с Жан Пьером обходятся несправедливо, то все французы не могут поспешить на место происшествия и взять его под защиту. Точно так же и в современной демократической партии все ее члены не могут разрешить возникающие в ее лоне конфликты непосредственно.

Так возникает потребность в делегатах, выступающих в защиту интересов масс и облегчающих выполнение их воли. И даже в глубоко охваченной демократическим духом группе подготовка и осуществление важнейших акций должны оставаться за отдельным индивидом.

Первоначально вождь является только слугой масс. Основу организации составляет равноправие всех ее членов. Последнее же представляет собой только исходное общее равенство, равенство равных людей. Внешне это в некоторых странах, например, в мечтательной Италии (а также в отдельных немногих областях Германии, в которых демократическое движение находится в зачаточном состоянии) проявляется в том, что все члены партии говорят друг другу “ты”. Самый бедный из наемных рабочих обращается к представителю высшей интеллигенции как к равному на “ты”. Равенство, таким образом, воспринимается и как равенство членов партии. Все члены организации имеют в ней одинаковые права. Демократический принцип в партии гарантирует максимальному числу ее членов влияние на управление общими делами и участие в них. Все имеют право выбора. Все могут быть выбранными. Основное требование прав человека кажется, таким образом, выполненным. Все посты являются выборными. Партийные чиновники, лишь подчиняющиеся исполнительным органам массовой воли, находятся в постоянной зависимости от всей партии и могут быть в любое время отозваны и заменены. По отношению к своим вождям масса членов партии является всесильной.

Поначалу делегатов всеми средствами пытаются приковать к воле масс, по возможности не отстраняя от чистой демократии. В первоначальный период движения итальянских сельскохозяйственных рабочих для избрания руководителя союза требовался минимум голосов на четырех пятых от его большинства. В случае споров с предпринимателями по вопросам заработной платы представитель организации <...> должен был получить официальную доверенность, на которой каждый член профсоюза ставил свою подпись, разрешающую ему этот шаг. Вместе с тем каждый член союза мог в любое время

ознакомиться со всеми расчетами, руководствуясь двумя соображениями. Во-первых, для того чтобы не породить недоверие к вождям, тот “яд”, длительное применение которого разрушает самый сильный организм, во-вторых, и для того, чтобы члены союза имели возможность приобщиться и к бухгалтерскому учету, и ознакомиться со всеми делами профсоюза, что должно помочь им стать самим будущими вождями <...>.

Очевидно, что подобное упорядоченное пользование демократией возможно лишь в очень ограниченных случаях. В годы зарождения английского профсоюзного движения в некоторых тред-юнионах делегаты определялись по очереди или по жребию. В последующем в связи с усложнением задач и требованием индивидуального умения, ораторского таланта и обширных специальных знаний считается уже более неприемлемым передоверять делегирование, для эффективного использования которого необходимы личные задатки, отнюдь не свойственные каждому члену профсоюза, слепому случаю алфавитного ряда или традиции.

Примечательно, что сегодня подобные методы превращаются почти что в свою полную противоположность, а развитие современной политической партии обнаруживает тенденцию к насильственному ограничению и шаблонизации происходившего до сих пор естественным путем процесса превращения руководимого в вождя и к одностороннему усилению последнего. Раздаются голоса в поддержку официального формирования вождей, предлагающие позаботиться о создании касты профессиональных политиков, специально подготовленных политических экспертов. Фердинанд Теннис высказывается за введение настоящих “экзаменов” для выдвижения социал-демократических кандидатов на выборах, а также при назначении секретарей социал-демократических партийных организаций... Генрих Херкнер не удовлетворяется и этим. Он ставит вопрос о том, а могут ли бывшие профессиональные союзы длительное время обходиться выходцами из той или иной профессиональной среды, поднимавшимися со ступеньки на ступеньку на практической профсоюзной работе, ссылаясь при этом на союзы работодателей, которые имеют дело с кадрами, получившими, как правило, университетское образование. Он высказывает в этой связи предположение, что вскоре и там с пролетарской исключительностью будет покончено и предпочтение будет отдано кадрам, получившим экономическое, юридическое, техническое и коммерческое образование.

Уже сегодня претенденты на пост секретаря профсоюза сдают экзамен, подтверждающий их способность к подготовке и анализу документации и знание законов. Политические рабочие союзы также

стремятся к самостоятельному руководству подготовкой своих функционеров. Повсюду появляются краткосрочные курсы, создаваемые для того, чтобы в краткие сроки осуществить “научную подготовку” функционеров. В Берлине с 1906 года существует партийная школа, при которой действуют курсы по подготовке партийных и профсоюзных чиновников.

Все расходы по личному содержанию участников этих полугодовых курсов, а также расходы, связанные с обучением, берет на себя партия или тот профсоюз, который направляет их на учебу. Кроме того, на время учебы кормильца члены семьи получают денежное пособие от местных организаций или земельных союзов в местах их проживания. На третьих по счету курсах этой школы с 1 октября 1908 года по 3 апреля 1909 года всего обучалось 26 слушателей (против 31 на первых и 33 на вторых). При этом предпочтение оказывалось тем товарищам, которые уже занимали ту или иную партийную или профсоюзную должность <...>.

В Италии в 1905 году в Милане <...> была создана школа практического социального законодательства, цель которой подготовить определенное число рабочих к тому, чтобы они могли занять вакантные места в государственной ремесленной инспекции, в профсоюзных объединениях и картелях, в страховых рабочих обществах или на биржах труда.

Курсы рассчитаны на два года и завершаются сдачей экзаменов и выдачей соответствующих дипломов. Обучение в этой школе в 1908 году прошли 202 слушателя, среди них 37 профсоюзных работников и кооператоров, 4 руководителя бирж труда, 45 служащих и представителей свободных профессии и 112 рабочих.

В Турине в 1909 году по тому же образцу и с той же целью была создана местным профсоюзом аналогичная школа <...>. В Англии профсоюзы и кооперативы пользуются школой Раскина в Оксфорде с целью обучения и подготовки к своей профессии особо способных претендентов на роль вождей в университете. В Австрии предполагается создать партийную школу по немецкому образцу. Но нельзя не видеть, что все эти учебные заведения по подготовке партийных и профсоюзных кадров в значительной степени способствуют наследственному созданию рабочей элиты и, создавая касту рабочих вождей, повышают власть вождей над партийными массами. Формальная специализация, являющаяся необходимым следствием любой массовой организации и порождающая необходимость так называемого профессионального руководства, переносит все основные свойства массы в качестве специфических качеств вождя на самих вождей.

Вожди, являющиеся поначалу всего лишь исполнителями воли масс, становятся независимыми, освобождаясь от масс.

Признание организации - это всегда выражение тенденции и олигархии. Сущность любой организации (партии, профсоюза и т. д.) содержит в себе глубоко аристократические черты. Организационная машина, создающая массивные структуры, вызывает в организованных массах серьезнейшее изменение. Отношение вождя к массам она превращает в свою противоположность. Организация завершает окончательное разделение любой партии или профсоюза на руководящее меньшинство и руководимое большинство. Было отмечено, что и на низшей ступени человеческой культуры господствовала тирания. Демократия могла возникнуть только на более поздней и высокоразвитой стадии общественной жизни. Свободы, т.е. преимущества, а также участие в делах всего общественного целого является поначалу лишь уделом немногих. Новейшее время характеризуется тем, что эти права постепенно распространяются на более широкий круг лиц. Наступает так называемая эра демократии. Но, находясь внутри партийной жизни, замечаешь, что по мере развития демократия вновь оборачивается вспять. С усилением организации демократия начинает исчезать. Развитие демократии совершается по параболе. В настоящее время, во всяком случае партийной жизни, оно идет по нисходящей. В качестве правила можно считать: власть вождей возрастает пропорционально росту организации. Различная степень власти вождей, с которой мы встречаемся в отдельных партиях и профсоюзах различных стран, наряду с национальными и индивидуальными причинами определяется главным образом различной степенью их организационного развития.

Организация со сложившимися формами, независимо от того, идет ли речь о демократическом государстве, политической партии или рабочем профсоюзе, представляет собой благодатную питательную почву для возникновения различий. Чем больше расширяется и разветвляется официальный аппарат, т. е. чем больше членов входит в организацию, чем больше становятся ее доходы и увеличивается число ее органов печати, тем больше в ней вытесняется демократия, заменяемая всесилием исполнительных органов. Повсюду находится место для скрытого выбора <...>, невзирая на то, что в ограниченной сфере партийной жизни эта манера имеет гораздо более серьезные последствия, чем на широкой основе государства. Даже на съездах, делегаты которых представляют многократно просеянную партию в миниатюре, решение важных вопросов осуществляется все более келейно.

С ростом организации возрастают не только задачи управления, но

и становится более трудным их понимание, расширяется и усложняется круг обязанностей. Дифференциация задач, стоящих перед растущим движением, происходит как в отношении их количества, так и качества. И хотя в соответствии с программой все действия вождей находятся под бдительным наблюдением руководимых, все же в условиях роста организации контроль обречен на то, чтобы оставаться видимостью. Члены организации все чаще вынуждены отказываться от самостоятельного регулирования частных вопросов управления или даже от их проверки. Им приходится передоверять эту задачу назначенным для этой цели доверенным лицам, платным функционерам, удовлетворяясь общими отчетами или привлечением ревизоров. Сфера демократического контроля сжимается до все более узких пределов. Можно сказать, что во всех социалистических партиях все большее количество функций, выполняемых ранее выборными органами, переходит к представительным. Таким образом возникает мощное сооружение сложных структур. Деление круга полномочий не прекращается, утверждается принцип разделения труда. Формируется строго обособленная бюрократия со множеством инстанций. Точное соблюдение правил движения по инстанциям становится пунктом № 1 катехизиса партийных обязанностей. Иерархия обусловлена организационно-техническими потребностями и представляет собой условие упорядоченного функционирования партийной машины.

Таким образом, нет сомнения в том, что бюрократизм олигархической партийной организации вытекает из практической формальной необходимости. Он представляет собой неизбежный продукт принципа построения организации как таковой. Против этого понятного движения не может ничего поделать даже радикальное направление в социал-демократической партии. Утверждается, что демократия - это всего лишь форма. Но форму нельзя ставить выше содержания.

Институт вождей был известен во всех прежних эпохах, фазах развития и видах деятельности. Ни одна из них не обходилась без вождей. И когда сегодня, особенно среди ортодоксальной германской социал-демократии приходится слышать, что в социал-демократии нет вождей, а есть всего лишь только чиновники, то это скрывающее истину утверждение, конечно, не означает опровержения социологического закона, а, напротив, ведет к усилению вождизма, поскольку, отрицая его, не позволяет разглядеть массам действительно существующую для демократического движения опасность.

Постоянная организация требует как по формальным, так и тактическим причинам постоянных вождей. Профессиональные вожди

не появляются до тех пор, пока организация остается неоформленной <...>. Анархисты, относящиеся с пренебрежением к любой постоянной организации, не имеют штатных вождей. В первоначальный период германской социал-демократии “доверенное лицо” занималось своей гражданской профессией. Сегодня его в значительной степени заменил профессиональный политик (секретарь окружкама и т. д.). Чем более постоянную форму с развитием современных политических партий принимает организация, тем больше случайные вожди заменяются профессиональными. Любой крупный партийный аппарат нуждается в круге лиц, занятых исключительно его обслуживанием. Массы делегируют небольшое число индивидуальностей, уполномоченных постоянно представлять интересы масс и вести их дела.

Но начало формирования профессиональных вождей означает начало конца демократии. Главным образом в силу логической невозможности самой “представительной” системы речь может только идти о парламентаризме или партийном делегировании. Родоначальником этой стороны критики демократии следует считать Жан Жака Руссо, который определял власть народа как осуществление общей воли и делал из этого следующий вывод: она никогда не может быть отчуждена, и ее господство, которое может быть только коллективным, не может быть ничем иным. Следовательно, когда народ доверяет свою судьбу представителям, он больше не свободен. Масса, делегирующая свой суверенитет, т. е. передающая некоторым собственным представителям, перестает быть суверенной.

Воля народа неотчуждаема, тем более индивидуальная воля. И хотя эту теорию в смутные годы терроризма сторонники женеvского философа практически исказили до ее противоположности, теоретически она в то время в общем виде признавалась неопровержимой. Ее признавал даже Робеспьер, проводя тонкие различия между представителем народа, не имеющим права на существование, потому что воля не может быть представлена, и представителем народа, которому народ дал верховную власть.

Сведения, которые внимательный наблюдатель мог почерпнуть из первых опытов, связанных с представительской системой, способствовали углублению и теории о пределах демократии. В середине прошлого столетия мы видим ее существенно дополненной, сохранившей свое право на всеобщую значимость и в качестве результата эмпирической психологии выдвигающей определенные нормы и положение.

Карло Пизакане, слишком рано забытый теоретик национальной и социальной революции в Италии, показал, как люди, в руки которых

попадает высшая политическая власть, оставаясь людьми, с необходимостью должны были уступить страстям и своим физическим и духовным несовершенствам, и что поэтому направление и решения, принимаемые в процессе их правления, естественно, противоречили направлению и решениям массы, представляющей усредненное мнение всех индивидуальных мнений и потому свободной от этих влияний. Утверждение о правительстве, будто бы представляющем общественное мнение и волю нации, просто означало бы поэтому выдавать часть за целое. Делегирование есть нелепость. Виктор Консидеран, принадлежавший той же эпохе и сходному направлению, что и Пизакане, также следовал по стопам Руссо: “Если народ делегирует свой суверенитет, он отрекается от него. Народ больше не правит самим собой, он управляет. Народ, стало быть, делегирует твой суверенитет. Фактически это я гарантирую тебе в твоём суверенитете судьбу, общую судьбе Сатурна. Твой суверенитет будет поглощен полномочиями, он твоё дитя”.

Даже инициатор всеобщего и равного избирательного права по Франции, великий демократ Ледру Роллин пришел тогда к требованию об отмене президента и парламента и признанию в качестве законодательного фактора только народного собрания, ссылаясь на то, что народ, теряющий в году столь много драгоценного времени в результате торжеств, праздников и безработицы, имеет все основания думать о более полезном использовании этого времени, укрепляя свою независимость, свое величие и свое благо.

Теорию народного суверенитета, якобы обеспечиваемого представительной системой, Консидеран подверг основательной и резкой критике. Если даже признать, что парламентаризм действительно совпадает с господством масс, то на практике он всегда будет превращаться в постоянный обман господствующего класса. Между монархией и демократией, имеющими свои корни в представительной системе, имеет место всего лишь незначительное различие во времени, но вовсе не по существу. Суверенный народ может выбрать себе вместо одного короля целую категорию маленьких королей и, будучи неспособным самостоятельно осуществлять свою власть в государстве, добровольно уступит свое основное право. Единственное, что он сохранит за собой, это - “воображаемое и ироническое” право время от времени выбирать себе новых господ.

Это понимание представительной системы вполне отвечало политическим взглядам Прудона, согласно которым народные представители, овладев властью, сразу же начинают укреплять и возвышать свою власть, непрерывно ограждая свое положение

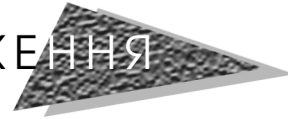
защитными мерами и окончательно освобождаясь от популистской зависимости. Вот необходимый ход развития любой исходящей от народа и возвышающейся над народом власти. В 40-е годы XIX века этот ход мысли был весьма и весьма распространенным. В его правильности были особенно глубоко убеждены демократически настроенные представители социальных наук и политики Франции. Сегодня эта теория составляет неотъемлемую часть различных школ анархистов, а ее защита нередко ведется в убедительной и остроумной форме. Даже Маркс и марксисты, которые теоретически все же используют парламентаризм как один из видов своего оружия, а на практике как единственное оружие, не могли при случае не признать опасность любого представительства, исходящую даже из всеобщего избирательного права, не распространяя его, однако, на жизнь политической партии.

Правильное освещение это явление получает и со стороны группы итальянских ученых консервативной ориентации. Моска признает ложный и мифический парламентаризм. Он утверждает, что понятие народного представительства в качестве свободной и добровольной передачи суверенитета от избирателей (большинства) определенному числу избранных (меньшинству) основано на неразумном допущении, что меньшинство связано с волей большинства крепкими узами. Фактически власть избирателей над их делегатами заканчивается вместе с завершением акта избрания. Депутат чувствует себя законным управителем судеб. Он таковым является. Если в толще масс еще сохраняются индивиды, оказывающие влияние на своих народных представителей, то это <...> лица, которые по своему социальному положению хотя и принадлежат к угнетенным классам, но всегда входят внутри самих этих классов в господствующие олигархии.

Но критика, которой подвергается представительская система, особенно актуальна сегодня, когда политическая жизнь с каждым днем принимает все более сложные формы, а потому и с каждым днем становятся все более бессмысленными попытки “представительства” - сложно устроенной массы по всему неисчислимому множеству проблем дифференцированной современной политической и экономической жизни. Представлять - это значит выдавать единичную волю за массовую. Это уже возможно в частных случаях, относительно ясно определенных, простых вопросов и при кратковременном делегировании. Продолжительное же представительство при всех обстоятельствах будет означать господство представителей над представляемыми.

Перевод с немецкого кандидата философских наук Ю.И.Филиппова

СОЦІОЛОГІЧНІ ДОСЛІДЖЕННЯ

С.И. Забродин

**Социально-политические приоритеты жителей большого города
(по результатам социологического исследования в августе 1998 г. в
г.Днепропетровске)**

*Забродин Сергей Иванович -
социолог Центра социально-
политических исследований*

Центром социально-политических исследований с 10 по 14 августа было проведено социологическое исследование по изучению социально-политических приоритетов жителей г.Днепропетровска методом стандартизованного интервью по месту жительства. Объект исследования: взрослое население г. Днепропетровска (в возрасте старше 18 лет).

В ходе исследования было опрошено 300 респондентов. При формировании выборочной совокупности был использован квотный принцип отбора: по полу, возрасту и образованию с учетом региональной специфики изучаемого объекта. Имеющиеся в ходе опроса отклонения и потери относятся к числу несущественных и позволяют определить степень надежности полученной информации в пределах 93-95% доверительной вероятности.

Все далее приведенные данные выражены в процентах к общему числу опрошенных.

При изучении социально-политической ситуации в инструментарии сбора первичной информации были выделены четыре блока вопросов, раскрывающих, на наш взгляд, особенности и специфику изучаемого объекта.

I. ОТНОШЕНИЕ К ОРГАНАМ ВЛАСТИ И ОЦЕНКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОРОДСКИХ СЛУЖБ.

На вопрос: “Как Вы относитесь к деятельности правительства?” - были получены следующие ответы:

Одобрю	11%
Нейтрально	16%
Не одобряю	64%
Затрудняюсь ответить	9%

Преобладание негативных оценок в сознании респондентов обусловлено, в первую очередь, сложившимся социально-экономическим положением как в изучаемом регионе, так и на Украине в целом. Более позитивные мнения о деятельности правительства преобладают среди респондентов в возрасте до 30 лет, с высшим образованием, предпринимателей и студентов.

Табл. 1

Степень доверия общественным структурам и институтам власти

	полностью доверяю	частично доверяю	совсем не доверяю	затрудня- юсь ответить
Президенту Украины	6	27	46	21
Верховной Раде	5	40	30	25
Кabinetу Министров Украины	4	29	46	21
Областной администрации	8	34	30	28
Депутатам горсовета	4	43	28	25
Городскому голове	21	34	22	23
Профсоюзам	6	31	37	26
Церкви и духовенству	15	26	23	36
Газетам	7	45	25	23
Телевидению	9	51	19	21

На вопрос: “Какие из государственных программ наиболее важны?”- были получены следующие ответы:

- Борьба с преступностью - 46 %
- Создание рабочих мест - 43 %
- Защита отечественного производителя - 41 %
- Снижение налогов - 37 %
- Поддержка твердого курса гривни - 28 %
- Выплаты задолженности по зарплате - 27 %
- Развитие сельского хозяйства - 23 %
- Помощь малообеспеченным - 19 %
- Помощь детям - 14 %
- Привлечение зарубежных инвестиций - 12 %
- Строительство жилья - 9 %
- Защита прав потребителей - 6%

Первые четыре программы имеют значимые тенденции в общественном сознании. Важно и то, что наибольший интерес проявляется к ним среди респондентов в возрасте от 40 до 60 лет, со средним специальным и высшим образованием. Наибольшим сторонником программы поддержки твердого курса гривни является молодежь.

На вопрос: “Как Вы относитесь к деятельности горисполкома?”- были получены следующие данные:

Одобрят деятельность	50 %
Не одобряют деятельность	16 %
Ничего не знают о его работе	20 %
Затруднились ответить	14 %

Отношение к деятельности городской власти примерно равно распределено по всем категориям граждан и отражает нормальное и спокойное отношение жителей к положению в городе. Следует также отметить возрастание положительных и понижение отрицательных оценок деятельности горисполкома по сравнению с предыдущими исследованиями.

Табл. 2

Оценка деятельности городских служб

	положительно	нейтрально	отрицательно	затрудняюсь ответить
Транспорт	51	29	19	1
Водоснабжение	30	35	29	5
Электроснабжение	55	28	6	11
Теплоснабжение	26	20	45	9
Ремонт дорог	9	16	66	9
Медицинское обслуживание	10	15	63	12
Милиция	15	21	49	15
Вывоз мусора	17	21	55	7
Образование	19	26	33	12
Бытовое обслуживание	29	20	25	26

На вопрос: “Необходимо ли в городе существование районных советов?” - были получены следующие результаты: 30% респондентов затруднились ответить, 29% - не видят в этом необходимости, 20% - безразлично существование районных советов, и лишь 18% - считают, что они необходимы.

II. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ И УРОВЕНЬ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ

Процесс формирования идеологии не может протекать стихийно. Он невозможен без целенаправленной, систематической теоретической и практической работы всех институтов общества и, в первую очередь, государства. В ходе исследования респондентам был предложен вопрос: “Какая идея могла бы объединить украинское общество?” - были полученные следующие ответы:

Социальная защищенность, равенство, справедливость	49 %
Свобода, богатство и процветание	32 %
Сильная суверенная Украина	20 %
Украина в европейском содружестве	20 %

Крепкая семья, бог, закон	20 %
Экология, здоровье	20 %
Научно- технический прогресс	19 %
Возрождение СССР	18 %
Национальная идея	6 %
Затрудняюсь ответить	17 %

Таким образом, в массовом сознании горожан можно выделить преобладание двух направлений:

1. Социальная защищенность, равенство, справедливость (49%) - эта идея напрямую связана с развитием нашего общества. Основными приверженцами этой идеи являются люди старше 40 лет и малоимущие.

2. Свобода, богатство и процветание (32%) - приверженцами этой идеи выступают более молодые и обеспеченные категории населения.

Исследование показало следующую иерархию жизненных ценностей жителей города:

Крепкое здоровье	54 %
Уверенность в завтрашнем дне	39 %
Материальное благополучие	38 %
Хорошее образование	29 %
Интересная работа	24 %
Счастливый брак	23 %
Добиться реализации своих идей	18 %
Надежные друзья	18 %
Процветание Украины	13 %
Уважение людей	9 %
Вера в Бога	9 %
Романтические приключения, путешествия	3%

Крепкое здоровье, уверенность в завтрашнем дне, материальное благополучие - три наиболее значимых показателя, определяющих в той или иной мере политическое, экономическое и социокультурное развитие города.

Наибольшее беспокойство среди жителей города вызывают проблемы, связанные с социально-экономической и экологической обстановкой в регионе. Дополнительные исследования по этим вопросам позволили определить 3 основные проблемы, имеющие тенденции в общественном сознании:

- 1 - неуверенность в завтрашнем дне для себя и своих детей
- 2 - экологическая обстановка
- 3- дороговизна жизни

Для определения уровня социальной напряженности и готовности к радикальным действиям, был задан вопрос: “Что Вы готовы предпринять для решения собственных проблем?”

39% респондентов ответили, что будут самостоятельно решать свои проблемы, не прибегая к радикальным действиям, 30% - затруднились ответить, 10% - ответили, что ничего не будут делать, оставшийся 21% голосов распределился равномерно между следующими вариантами ответов:

- подпишу обращение к Правительству
- выйду на митинг, демонстрацию
- буду участвовать в забастовках
- если понадобится, возьму оружие и пойду на баррикады

Полученные цифры говорят о том, что сегодня не существует острой социальной напряженности в г.Днепропетровске.

III. ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ ОЖИДАНИЯ

На вопрос: “Если бы выборы Президента были в ближайшее время, какое бы решение Вы приняли?” - последовали следующие ответы:

Не буду участвовать в выборах	8 %
Ещё не решил, но наверное не буду участвовать	18 %
Ещё не решил, но наверное буду участвовать	20 %
Буду участвовать	54 %

Особенностью предстоящих выборов будет и то, что к традиционно активным на выборах пенсионерам и людям старше 50 лет присоединятся избиратели от 30 до 39 лет, в том числе и те, кто связан с предпринимательской деятельностью.

Отношение к политическим деятелям

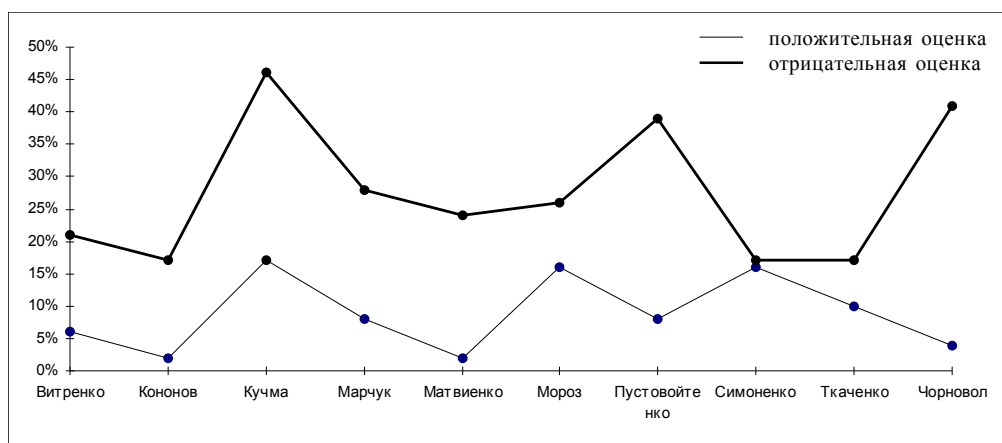

Табл. 3

Оценка деятельности политических партий

Политическая партия	положитель- но	нейтрально	отрицатель- но	затрудняюсь ответить
Громада	18	29	26	27
Коммунистическая партия	16	23	27	34
Партия зеленых	12	22	26	40
Социалисты+ селяне	11	27	12	50
Социал-демократическая партия (объединенная)	6	27	27	40
Народно-демократическая партия	5	35	25	35
Прогрессивная социалистическая партия	5	23	26	46
Народный Рух	3	26	30	41

IV. РЕЙТИНГ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

ГАЗЕТЫ:

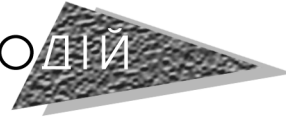
Днепр вечерний	43 %
Наше місто	38 %
Теленеделя	37 %
VLD Торговый Дом	22 %
Киевские ведомости	15 %
Днепровская правда	10 %
Собор	9 %
Днепропетровск	8 %
Днепровская панорама	4 %
Зоря	2 %
Не читаю газет	12 %

ТЕЛЕКАНАЛЫ:

Интер - 7 канал	69 %
11 канал	60 %
Восток-Центр - 9 канал	36 %
Приват ТВ - 9 канал	35 %
УТ-1 - 5 канал	26 %
УТ-2 - 21 канал	24 %
Кабельное ТВ	21 %
ТСД - 34 канал	20 %
ICTV - 38 канал	7 %
ТВ Ленд - 23 канал	6 %
Спутниковое ТВ	1 %
Не смотрю ТВ	6 %

Телевидение - наиболее популярный источник информации для избирателей. Оно намного опережает газеты и радио. Рейтинг телекомпаний практически не изменяется в течение последнего года.

ХРОНІКА НАУКОВИХ ПОДІЙ

22-23 січня 1998 р. у м.Ірпінь відбулася науково-теоретична конференція “Українська Народна Республіка - перша в ХХ столітті демократична держава українського народу”. Вона була організована Міністерством освіти згідно із затвердженим Кабінетом Міністрів України “Планом організаційних заходів з відзначення пам’ятних подій Української революції 1917-1920 років”.

Провідні історики, політологи, економісти і соціологи з України і зарубіжжя намагалися розв’язати проблеми, пов’язані з подіями української революції та відродженням української державності в ХХ ст. Багато суперечок і плідних дискусій виникало навколо таких питань, як:

1) розвиток української суспільно-політичної думки від ідей федералізму до концепції національної самостійності;

2) історія Центральної Ради, яка еволюціонувала від координуючого органу українських культурно-національних сил, через інституцію, що здійснює функції крайової автономії, до ролі першого загальнонаціонального парламенту Української республіки;

3) внутрішня та зовнішня політика урядів УНР;

4) причини і механізми розгортання громадянської війни на просторах колишньої Російської імперії, динаміка і результати українсько-радянської конфронтації;

5) причини слабості та поразок УНР, яка намагалася в жорстоких умовах економічного розладу, кривавої війни та громадянського безладдя відповідати стандартам тогочасної демократичної країни Заходу.

Звісно, ці проблеми, актуальні й для сьогодення нашої вітчизни, не були остаточно вирішені науковцями. Результати їх творчих пошуків мають бути підсумовані й видані в окремому збірнику під редакцією професора Станіслава Кульчицького, директора Інституту історії НАН України.

21-23 травня 1998 р. у Києві та Чернігові проходила II Міжнародна наукова конференція, присвячена 80-річчю проголошення Української Держави 1918 р. Вона була організована Міністерствами оборони, освіти,

культури та мистецтв України, Національною Академією наук України, Головним архівним управлінням при Кабінеті Міністрів України, Східноєвропейським дослідним інститутом ім. В.Липинського (США) тощо. Конференція була цікава не тільки проблематикою, що підіймалася, але й ґрунтовністю представлених праць. Останній чинник був чималою мірою обумовлений високим професійним рівнем науковців, що прийняли в ній участь, а також досить значним обсягом публікації, запропонованим організаторами конференції. Це дозволило достатньо докладно висвітлити питання, що їх досліджували автори.

Інтерес до непересічної постаті Павла Скоропадського (1873-1945), так само як і до характеру очолюваної ним держави був величезний. Адже й досі не вщухають суперечки щодо багатьох проблем, пов'язаних з подіями в Україні у 1918 р. Тож ким насправді був нащадок українського гетьмана, генерал російської імперської армії, а згодом отаман Українського Вільного козацтва, Павло Скоропадський - українським патріотом чи російським монархістом, людиною, котра справді вболівала за свою батьківщину чи готувала її як плацдарм для відродження "єдиної-неподільної Росії"? Що собою являла Українська Держава 1918 р. - єдиний в історії революції 1917-1921 рр. приклад сталої, стабільної держави української нації чи щось на зразок "Російської імперії в мініатюрі"? На ці та інші питання і намагалися дати відповідь учасники конференції.

А питань, порушених доповідачами, дійсно було багато. Навіть якщо надто загально окреслити теми досліджень, то і тоді їх можна нарахувати більш ніж десяток. Консервативна державна ідея в Україні, її витоки і розвиток, розбудова Української Держави, різні сторони державного будівництва, внутрішня і зовнішня політика гетьманського уряду, культурно-освітній розвиток за доби Гетьманату, розстановка політичних сил, історія окремих регіонів, падіння Української Держави, гетьманський рух у міжвоєнний період, нарешті сама постать Павла Скоропадського... Передивляючись прізвища учасників конференції - такі відомі як С. Кульчицький, В. Сергійчук, Р. Ветров, А. Гриценко, В.Потульницький, В. Уляновський та ін., а також ще невідомі й маловідомі широкому загалові, хочеться вірити, що історична наука в Україні містить у собі неабиякий потенціал, здатний відродити у нашому суспільстві історичну пам'ять.

ABSTRACTS

Kravchenko P.S.

Ukraine: Seventh Anniversary of Independence.

The article contains a review of historic way of the Ukrainian people, its struggle for the independent of Ukrainian state. The author analyses a period since 24 August 1991 when the Ukrainian state was revived.

Kachanova T.I.

The President of the Ukraine as a guarant of the state sovereignty, territorial safety, rights and freedoms of human.

The author considers a peculiarities of state and authorities of the President of the Ukraine. The paper touches upon the problem of beginning the president institution in the world and the Ukraine.

Kvitka S.A.

Structural crisis in the Ukraine: socio-political aspects of the “long wave” theory.

The article is devoted to the problem of interaction political and economical structures in structural crisis time. The author considers some questions of the “long wave” theory.

Ivan’ko I.A., Kolesnykov C.N.

Conceptions of the Ukrainian State Organization in the Native Historical and Political Thought (XVII-XVIII centuries).

The article is devoted to the theoretically generalized problems of socio-political organization of the Ukrainian state and legitimization of the royal power, that were recognized and unrecognized in the consciousness of certain thinkers of the early-modern Ukraine. The authors have distinguished two conceptions of the supreme power in the Ukrainian land: on the one hand, church-orthodox and patrimonial (autocratic) conception; on the second hand, secular and cossack (monarchy based on a contract between sovereign and people).

Shevtsov S.V.

Philosophy and education: cross-road of the ideas and millenniums.

The article is considered historical and philosophical aspects of the interaction of philosophy and education in the Plato’s, Hegel’s and Solovjov’s

doctrines. The author analyses some peculiarities of modern problems of the philosophy of education, ontological and anthropological aspects of education in the Heidegger's and Sheler's teaching's.

Malynovsky B.V.

Law-en-forsment practice of the Austrian-Hungarian and German troop in the Ukraine at 1918.

The paper presents an analysis of the Austrian-German's efforts to strengthen law and order in all spheres of the life of Ukrainian society at 1918. The author distinguishes a tasks of the foring army in the country side and in the cities of Ukraine. He regards that a control of the transport and military-industrial objects, a withdrawal of the weapons from the civil ian population, a struggle against the revolutionary agitation and propaganda were the forms of the police actions of the Austrian-Hungarian and German forces in the Ukraine at 1918. The researcher tries to refute the obsolete scientific points of view about these questions.

Vaskovsky R.U.

**About causes of defeat of the Ukrainian revolution 1917-1921.
("The hut burned...")**

The author studies the history of the Ukrainian emancipatory fighting in 1917-1921. He analyses the activity of national governments (the Central Rada, the Hetmanat and the Directory) and draws a conclusion that incapacity to consolidation of the Ukrainian political groups was a main reason of their defeat.

Kolesnykov C.N.

Ukraine in the Modern World. Historic Sense of National Independence

The article touches upon the problem of philosophical basis of the Ukrainian independence. The author presents an analysis of a few versions of origin of the names of "Rus'" and "Ukraine". The author considers that synthesis of western and eastern civilizational trends in the world-historic sense of an existence of independent modern Ukrainian state.

Zabrodin S.I.

Social and Political Priorities of the Inhabitants of the Ukrainian Megalopolis

The report is contents of the results of the sociological research "Sociopolitical priorities of the electors" that taken place at august 1998 in the Dnipropetrovsk (10-14.08.98). The information is devoted to the problems of people's estimations for activities of government bodies and municipal

departments; nature of socio-cultural values and levels of social tension; peculiarities of electoral expectations; standards of popularity of the Dnipropetrovsk mass media.

Chronicle

The notes is devoted to scientific conference “UNR - the first democratic state of the Ukrainian people at XX century” and the Second International scientific conference “Hetman Pavlo Skoropadsky and Ukrainian Statehood in 1918”. The author informs about different problems that were investigated by historians.

Партії утворюють ідеологію, щоб завоювати електорат та отримати перемогу на виборах. Державна влада повинна відстоювати загальний інтерес всього населення і впроваджувати ідеологію, яка об'єднує більшість суспільства. Така система сучасного світогляду не створюється штучно, вона може бути тільки науково-теоретичним викладенням реально існуючих у суспільстві легітимних уявлень про минуле, сучасне, майбутнє. Сьогодні в Україні, як свого часу в усіх розвинутих країнах світу, є нагальна потреба створення позитивної ідеологічної основи для єдності суспільства у нелегкий час оновлення та економічного відродження. У відповідності з цим основні завдання альманаху- висвітлення головних напрямків державної політики, ґрунтовне викладення теоретичних засад розвитку українського суспільства, підготовка матеріалів для організації систематичної просвітницької роботи на місцях, обговорення найактуальніших проблем сучасності.

Центр соціально-політичних досліджень
Адреса: 320070, м.Дніпропетровськ, пр.К.Маркса, 75, к.501
Телефон: (0562) 45-22-44
Телефон/факс: (0562) 45-11-87
E-mail: kvitka@goris.dp.ua

Надруковано ПП "Ліра ЛТД". Адреса: м. Дніпропетровськ, вул. Челюскіна, 1, к. 515.
Здано до набору 28.09.98. Підписано до друку 30.09.98. Формат 70X100¹/₁₆. Друк офсетний.
Умовн.-друк. 12,0 арк. Тираж 1000 прим. Зам.

